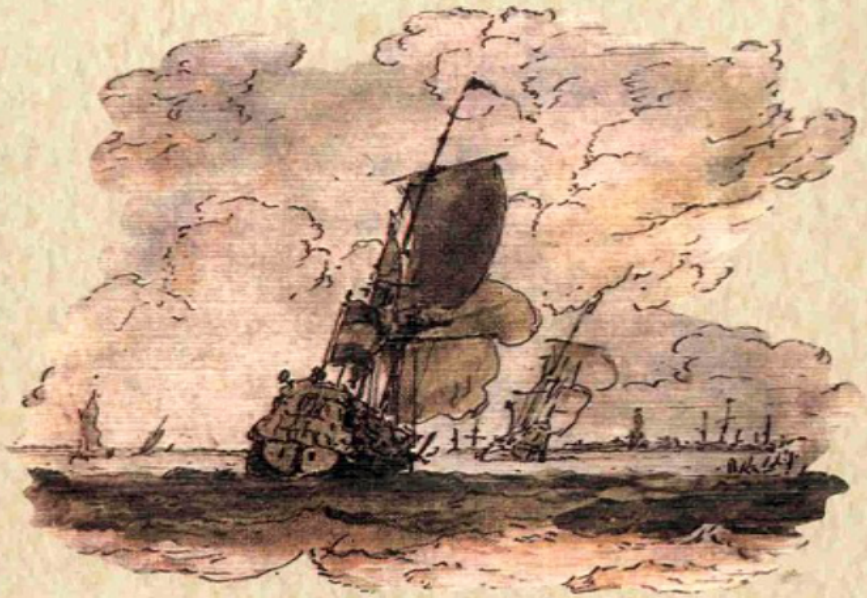
КОЛЛЕКЦИЯ / ТЕКСТ

Сэмюэль Пипс



ДОМОЙ, УЖИНАТЬ И В ПОСТЕЛЬ

ИЗ ДНЕВНИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дневник Сэмюэля Пипса (1633–1703), крупного государственного деятеля, современника Английской революции XVII века, Реставрации, очевидца казни Карла I, лондонского пожара и эпидемии чумы, остался в истории мировой литературы не менее значительным явлением, чем мемуары Казановы. Пипс живо, темпераментно, откровенно и с большой непосредственностью рассказывает о политических событиях и театральных премьерах, о своей службе в Адмиралтействе и об отношениях с женой. Многие замечания Пипса — о государственных чиновниках, о политике и власти, нравственности и религии — и сейчас звучат на редкость актуально.

- Сэмюэль Пипс
  - От составителя
  - История
    - Реставрация[1]
    - При дворе
    - Дела государственные
    - Война[25]
    - Чума[31]
    - Пожар[33]
  - Быт и нравы
    - Улица
    - Развлечения
    - Церковь[38]
    - Наука и образование
    - Предрассудки
    - Из дальних странствий возвратясь…
    - Курьезы
  - Человек
    - Дом и соседи
    - Дела семейные[57]
    - На службе у короля
    - Досуг
      - Книгочей
      - Ценитель изящных искусств[83]
      - Театрал
      - Музыка и танцы
      - Застолье
      - Щеголь

        - Сватовство[106]
        - Философ
    - Персоналии
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

Сэмюэль Пипс
Домой, ужинать и в постель
Из дневника

От составителя

За годы бесцензурной печати в переводной литературе (и развлекательной, и серьезной) ликвидировано довольно много «белых пятен». Для русскоязычного читателя в английской литературе одним из таких пробелов, безусловно, были Дневники Сэмюэля Пипса (1633–1703), современника английской революции XVII века, Реставрации, трех морских войн с Голландией, «Славной революции», очевидца казни Карла I, протектората Кромвеля, лондонского пожара, чумы — той эпохи, про которую английский философ Томас Гоббс писал, что если обозреть всю человеческую историю и расположить людские поступки по шкале жестокости и беззакония, то наивысшая степень безумства была достигнута человечеством в Англии между 1640 и 1660 годами.

Свидетелем и дотошным хроникером последствий английских «жестокости и беззакония», которые, как мы хорошо теперь знаем, давно уже не являются «наивысшей степенью безумства» в мировой истории, и стал крупный чиновник Адмиралтейства Сэмюэль Пипс, чьи многотомные дневники остались в истории литературы явлением, не менее значительным, чем, скажем, дневники братьев Гонкуров, Зинаиды Гиппиус, Сомерсета Моэма или Анны Франк. Не будучи профессиональным литератором, Пипс тем не менее отлично вписался в историю английской литературы, стал таким же неоспоримым явлением литературной эпохи, как Беньян и Батлер, Драйден и Конгрив. Пипса, подвергнувшего весьма резкой, нелицеприятной критике изнеженную и продажную эпоху Реставрации Стюартов, когда жить стало если не лучше, то уж точно веселее, проходят в английских и американских школах, изучают в университетах, постоянно цитируют и переиздают. В XX веке, с его подчеркнутым интересом к документальной прозе, рейтинг Пипса повысился еще больше.

Разумеется, стойкий интерес к бытописателю середины XVII века объясняется отнюдь не только увлечением историей или расцветом документалистики. Как личность, да и как литературное явление, Пипс подкупает причудливым сочетанием наблюдательности, иронии (от скрытой, едва заметной, до едкой, язвительной; объектом этой иронии нередко становится и он сам), с наивной, в чем-то даже трогательной неспособностью постичь, отчего это чиновники воруют и берут взятки, а списанные на берег матросы, что «верой и правдой» послужили отечеству, остаются без средств к существованию; отчего во время

пожара не пекутся о спасении домов и церквей, а при дворе занимаются отнюдь не только государственными делами. Подобная наивность (нередко, впрочем, наигранная), чисто просветительское стремление к идеалу вопреки всему не оборачиваются в Дневниках назидательностью: Пипс наблюдает, делает выводы — часто весьма неутешительные, однако, в отличие от своего современника и приятеля, также автора известных дневников Джона Эвелина (1620–1706), отличавшегося строгостью, непререкаемостью суждений, почти никогда не впадает в нравоучительный, дидактический тон. И в этой связи обращает на себя внимание еще один любопытный — в духе времени — парадокс Сэмюэля Пипса. Целеустремленный, пытливый, добросовестный, честолюбивый во всем, что касается службы, дела, карьеры, он демонстрирует чудеса легкомыслия и суетности «в свободное от работы время». Автор Дневников может участвовать в заседании Военного совета, требовать пенсий для вдов погибших моряков, отдавать во время пожара распоряжения самому лорду-мэру — а может волочиться за горничной, ночи напролет играть в карты, с жаром обсуждать светские сплетни, часами с упоением беседовать о черной магии и привидениях, распевать допоздна песни, самозабвенно предаваться чревоугодию и возлиянию, простоять полдня на ветру и в грязи, чтобы первым увидеть, как въезжает в Лондон русское посольство («…видел свиту в длинных одеждах и меховых шапках — красивые, статные, у многих на вытянутой руке ястребы…»), или же отправиться в церковь с единственной целью продемонстрировать миру свой новый камзол или завитой парик…

Любовь к жизни. Этим порядком истасканным словосочетанием лучше всего, пожалуй, определяется «мотивация», как мы бы теперь сказали, литературных опытов крупного чиновника лондонского морского ведомства, человека в высшей степени практичного, а порой и циничного, оборотистого, всегда хорошо знающего свою выгоду — и вместе с тем увлекающегося, романтичного, порой даже сентиментального. «Меня поразило до глубины души», «никогда в жизни не видел ничего подобного» — этими и прочими схожими восклицаниями пестрят все одиннадцать объемистых томов дневниковых записей Сэмюэля Пипса. О чем бы Пипс ни повествовал (не в этом ли состоит особое обаяние его мемуаров?), он всегда пишет без тени стеснения, с поразительной — даже для дневника — откровенностью и непосредственностью. Написанные живо, темпераментно, литературно не отшлифованным (в отличие от того же Эвелина), порой даже довольно неряшливым языком,

Дневники в литературном, эстетическом отношении никак не вписываются в рамки орнаментального, прециозного стиля эпохи Реставрации с его длинными, усложненными периодами, риторической приподнятостью, тягой к экзотике, неизменным морализаторством.

Все это, вместе взятое, и определяет, по всей видимости, непреходящую художественную и человеческую ценность, завидную «живучесть» Дневников Сэмюэля Пипса.

Сын лондонского портного, Сэмюэль Пипс, благодаря недюжинным способностям, трудолюбию и дальновидности, а также протекции своего двоюродного дяди и патрона, могущественного Эдварда Монтегю, графа Сандвича (в Дневниках он фигурирует как «мой господин»), занимавшего равно высокие государственные посты как при Кромвеле, так и при Карле II, — дослужился до «степеней известных». Закончив лондонскую школу святого Павла, а затем колледж Магдалины в Кембридже (этому колледжу он и завещал свои Дневники), Пипс на первых порах служит мелким клерком Казначейства (1655–1660 гг.), затем, в течение четырнадцати лет, с 1660-го по 1673 год, занимает ответственный пост в Военно-морской коллегии («Морском управлении», как он ее называет). С 1673-го по 1679-й Пипс является Секретарем Адмиралтейства, а с 1684 по 1689-й, вплоть до восшествия на престол Вильгельма Оранского, — Секретарем короля (то есть министром) по военно-морским делам. Кроме того, Пипс дважды избирался в парламент (1673–1679 гг. и 1685–1688 гг.), с 1665 года состоял членом, а с 1684-го по 1686-й — президентом Королевского научного общества; дважды, в 1679 году, по обвинению в «католическом заговоре», и в 1688-м, в преддверии дворцового переворота, получившего в истории название «Славная революция», отсидел в Тауэре и чудом избежал казни. Быть может, именно Сэмюэлю Пипсу, убежденному государственнику, чиновнику безусловно талантливому, осмотрительному и прозорливому, обязана Англия своим морским могуществом. Благодаря стараниям Пипса, которого еще при жизни прозвали «Нестором флота», английский флот не только увеличился вдвое, но и оснастился «по последнему слову техники», что позволило Британии в конечном счете взять верх над голландцами, а в дальнейшем и над французами и на протяжении столетий безраздельно «править морями».

Сэмюэль Пипс находился не только в центре политической, но и научной, культурной жизни Англии второй половины XVII века. Среди его друзей были физики Исаак Ньютон (имя Пипса стоит на титульном листе ньютоновских «Начал») и Роберт Бойль,

писатель Джон Драйден и архитектор Кристофер Рен. Со свойственными ему любознательностью, пытливостью, неистощимой тягой к знаниям, которая, к слову, столь же причудливо, «по-пипсовски», сочетается с поистине средневековыми суеверием, легковерием и невежеством, Пипс всегда был в курсе важнейших научных открытий, неутомимо и активно участвовал в уличной, светской, культурной и общественной жизни Лондона: он постоянно бывает при дворе, на театральных премьерах, много читает, отлично знает литературную и музыкальную жизнь столицы. Пипс не только ценитель и «потребитель» искусств, но и творец: он пишет картины, музицирует, берет уроки танцев и пения, сочиняет стихи.

А также бегает за каждой юбкой, занимается с женой арифметикой, берет взятки, выступает в парламенте, искусно лавирует между сильными мира сего, неизменно доказывая, что нет таких крепостей, которые бы не могла взять личность гармоничная, многогранная. Вся эта разнообразная деятельность нашла отражение в его Дневниках, которые Сэмюэль Пипс скрупулезно, изо дня в день вел на протяжении неполных десяти лет, с 1 января 1660 по 31 мая 1669 года, когда ему показалось, что он слепнет. В целях безопасности (у Пипса, вольнодумца и волокиты, были все основания бояться как гнева короля, так и ревности жены) он пользовался особым шифром по системе Томаса Шелтона, прочесть который удалось лишь в начале XIX века в результате многолетней и кропотливой работы, проделанной текстологом Джоном Смитом в библиотеке колледжа Магдалины. Дневники, которые насчитывают в общей сложности около полутора миллиона слов, были впервые изданы в сокращенном виде лордом Брейбруком в 1825 году и впоследствии неоднократно переиздавались. На сегодняшний день в Англии и США изданы и переизданы и многотомный «большой Пипс», и двухтомный «малый Пипс», а также множество всевозможных извлечений из Пипса, куда вошли наиболее интересные, характерные страницы его гигантского дневника, который в силу очевидных исторических параллелей — события и нравы 90-х годов конца XX века в России и 60–70-е годы XVII века в Англии имеют немало общего — может показаться российскому читателю небезынтересным, в чем-то даже поучительным.

Включенные в эту книгу дневниковые записи разделены нами по тематическому принципу на три основных раздела: «История», «Быт и нравы», «Человек», а каждый раздел, в свою очередь, — на подразделы. Так, в разделе «История» имеются подразделы: «Реставрация», «При дворе», «Дела государственные», «Война»,

«Пожар», «Чума». В разделе «Быт и нравы» — «Улица», «Развлечения», «Церковь» и т. д. В разделе «Человек», где главным действующим лицом является сам Пипс, — «Дом», «Дела семейные», «На службе у короля», «Досуг». Последний же подраздел содержит в себе даже подподразделы: «Книги», «Застолье», «Щеголь», «Сватовство» и прочие. Схематизм, искусственность подобной систематизации очевидны, вдобавок иногда нарушается хронология событий: лондонский пожар, к примеру, датируется, по Пипсу, началом сентября 1666 года, а начало первой войны с Голландией — июнем 1665 года, в нашей же книге события эти расставлены, так сказать, по «степени исторической значимости» в контексте «Дневников» — однако объясняется подобная композиционная вольность тем, что читателю, даже подготовленному, предстоит первое знакомство и с самим Пипсом, и с его эпохой, а в этом случае тематический принцип представляется нам более предпочтительным. Примечания даются постранично. Комментарии о многочисленных исторических персонажах, а также частных лицах, наиболее часто встречающихся в тексте Дневников, выделены в отдельную рубрику «Персоналии» и приводятся в конце книги в алфавитном порядке.

А. Ливергант

История

Реставрация[1]

С Божьей помощью на здоровье мне в конце прошлого года жаловаться не приходилось. Я жил в Экс-Ярде; кроме жены, служанки и меня, в доме никого не было. Положение в государстве таково. Охвостье[2] вернулось и вновь заседает; Монк со своей армией в Шотландии. Новый городской совет ведет себя наидостойнейшим образом: послал к Монку оруженосца, дабы ознакомить его со своим желанием иметь независимый и полный парламент — таковы надежды и чаянья всех.

Январь 1660 года

<…> В одиночестве отправился в Гилдхолл выяснить, прибыл уже Монк или нет, — и столкнулся с ним в дверях: он совещался с мэром и олдерменами.

«Да благословит Бог Ваше превосходительство!» — громко закричала толпа — такого крика я прежде не слыхивал ни разу. И то сказать, я собственными глазами видел, как многие давали солдатам выпивку и деньги, кричали: «Да благословит вас Бог» и говорили в их адрес необычайно добрые слова. Когда мы шли домой, на улицах жгли праздничные костры, слышен был звон колоколов церкви Сент Мэри-ле-Боу, да и других церквей тоже. Весь город, несмотря на поздний час — было без малого десять — ликовал. Только между церковью Святого Дунстана и Темпл-баром насчитал я четырнадцать костров. А на Стрэнд-бридж — еще тридцать один! На Кинг-стрит их было семь или восемь; всюду огонь, дым, жарят мясо и пьют за Охвостье — насадят огузок на палку и носятся по улицам. С Мейпола, на Стрэнде доносился стальной перезвон — это мясники, прежде чем пожертвовать огузки, стучали своими ножами. На Ладгейт-хилл один поворачивал вертел с насаженным на нем огузком, а другой, что было силы, колотил по нему палкой. Величие и вместе внезапность всего происходящего совершенно захватили мое воображение; казалось, целые улицы объяты пламенем, жарко было так, что порой нам приходилось останавливаться, ибо идти дальше было невмоготу.

11 февраля 1660 года

В Вестминстер — по воде; был у мистера Пинкни; показал мне Льва и Единорога[3] — все эти годы хранил их за печью в ожидании, когда же наконец возвратится король. Мы все возлагаем большие надежды на скорое возвращение государя.

5 марта 1660 года

<Мой господин>[4] справился, не соглашусь ли я выйти в море в качестве его секретаря; попросил меня обдумать его предложение. Заговорил со мной и о государственных делах, сказав, что на корабле ему понадобится человек, которому он мог бы довериться, а потому предпочел бы, чтобы поехал я. Мой господин очень надеется, что король вернется, о чем он и заговорил со мной, а также о том, какую любовь питает к королю народ и Сити, чему я был несказанно рад. Все теперь открыто пьют за здоровье государя, чего раньше делать не смели, разве что за закрытыми дверями.

Вторник на Масленой неделе, 6 марта 1660 года

Сегодня утром мой господин показал мне Декларацию короля и его письмо двум генералам[5], каковое следовало сообщить флоту. В письме этом государь обещает помиловать всех, кто займет свое место в парламенте в течение ближайших сорока дней, за исключением тех, от кого сам парламент в дальнейшем откажется. <…> Писалось письмо с 4 по 14 апреля в Бреде, на двенадцатом году его правления. По получении письма мой господин созвал Военный совет, мне же продиктовал, как следует проводить голосование, после чего все военачальники собрались на корабле, в кают-компании, где я зачитал письмо и Декларацию и где после ее обсуждения состоялось голосование. Ни один из членов совета не сказал «нет», хотя в душе, уверен, многие были против. Покончив с этим, я, вместе со своим господином и членами Военного совета, поднялся на палубу, где, изучив результаты тайного голосования, мы поинтересовались, что думают по этому поводу моряки, и все они в один голос закричали «Да хранит Бог короля Карла!» с величайшим воодушевлением.

На борту корабля, 3 мая 1660 года

Сегодня утром написал много писем и расписался на всех бюллетенях для голосования членов Военного совета — пусть, если их напечатают, там стоит и мое имя. Послал один бюллетень Долингу, приложив его к письму следующего содержания:

«Сэр, лишь тот, кто может представить себе флот (подобно нашему) во всей его красе, с трепещущими на ветру стягами, с грохотом орудий, с развевающимися лентами на матросских бескозырках и с криками «Vive le Roy»[6], несущимися с одного корабля на другой, способен постичь радость, с какой проходило голосование, то счастье, какое испытывал каждый, кто подписывал этот бюллетень. Остаюсь покорным слугой Вашим».

4 мая 1660 года

Сегодня мистер Эд Пикеринг сообщил мне, как обносился и обнищал и сам государь, и его окружение. Когда он впервые явился к королю от моего господина, то увидел, что одежда монарха и его свиты, даже самая лучшая, стоит никак не больше 40 шиллингов. Рассказал он мне и о том, как обрадовался государь, когда сэр Дж. Гринвилл принес ему денег; так обрадовался, что, прежде чем спрятать деньги в кошелек, подозвал принцессу, свою старшую дочь, а также герцога Йоркского посмотреть на них.

На борту корабля, 16 мая 1660 года

Мы подняли якорь и, подгоняемые попутным ветром, направились обратно в Англию; всю вторую половину дня король ни минуты не сидел на месте: ходил по палубе, говорил с людьми, был энергичен и деятелен. На юте он заговорил о своем бегстве из Вустера[7]. Я чуть было не разрыдался, когда узнал, сколько злоключений выпало на его долю. Четыре дня и три ночи пришлось ему брести по колено в грязи, мерзнуть в легком зеленом сюртуке, тонких штанах и холодных башмаках, он сбил себе ноги в кровь и передвигался с большим трудом, однако же принужден был спасаться бегством от мельника и его людей, которые приняли королевскую семью за проходимцев. Государь рассказал, что хозяин харчевни, где он однажды остановился, узнал его, хотя и не видел восемь лет, — узнал, но не проговорился. За столом же с ним оказался человек, который воевал под его началом при Вустере, однако не узнал его, больше того — заставил выпить за здоровье короля, да еще заявил, что король на четыре пальца выше него. В другом месте слуги приняли государя за круглоголового[8] и заставили его с ними выпить. В еще одной харчевне, когда король стоял у камина, положив руки на спинку стула, хозяин подошел к нему, опустился перед ним на колени, незаметно поцеловал ему руку и сказал, что не станет допытываться, кто он, а лишь пожелает ему счастливого пути. Поведал нам король и о том, как нелегко было снарядить корабль во Францию и как ему пришлось уговаривать владельца судна не сообщать членам экипажа, четырем матросам и юнге, о целях путешествия. Король так пообносился, что во Франции, в Руане, перед его отъездом, хозяин постоялого двора осматривал комнаты, где государь остановился, дабы убедиться, что он чего-нибудь не украл.

На борту корабля, 23 мая 1660 года

Под утро мы подошли к Англии и приготовились сойти на берег. Король и оба герцога[9] позавтракали на борту горохом, свининой и вареной говядиной, точно простые матросы. Я, вместе с мистером Манселлом и одним из королевских лакеев, а также с любимой собакой короля (она нагадила прямо в лодку, и я подумал, что и король, и его окружение, ничем, в сущности, от всех нас не отличаются), сел в отдельную шлюпку и пристал к берегу в одно время с королем, которого с величайшей любовью и благоговением встретил на земле Дувра генерал Монк. Бесконечно было число встречавших — как бесконечна была обходительность горожан, пеших и конных, и представителей дворянского сословия. Явился мэр города и вручил королю свой белый жезл и герб Дувра, каковые были приняты, а затем возвращены обратно. Мэр также вручил государю от имени города весьма ценную Библию, и государь сказал, что Священное Писание он любит больше всего на свете. Над королем водружен был балдахин, вступив под который он переговорил с генералом Монком и другими, после чего сел в карету и, не задерживаясь в Дувре, отбыл в направлении Кентербери. Всеобщему ликованию не было предела.

25 мая 1660 года

Говорил о делах с герцогом Йоркским, который называл меня по имени и обещал, если я того пожелаю, свою протекцию.

25 мая 1660 года, на борту корабля, по пути в Дувр

Зайдя утром в каюту к милорду (Эдварду Монтегю, графу Сандвичу. — *А.Л.)* обсудить дела, я воспользовался случаем поблагодарить его за его любовь ко мне: милорд не забыл меня, когда раздавались деньги его величества и герцога[10]. На что милорд мне ответил, что надеется, если только отношения между ним и государем не изменятся, быть мне полезным и в дальнейшем. «Потерпи, — сказал он, — и мы будем делать карьеру вместе. А покамест я пристрою тебя на самое хорошее место». Услышать такое от милорда было крайне приятно.

2 июня 1660 года

При дворе

В полдень в карете — в Тауэр, на обед к сэру Джону Робинсону. Было очень торжественно; высшее общество, среди прочих герцогиня Албемарл — одета, по обыкновению, неряшливо, как попало. Очень был польщен, что еду в Тауэр в такой карете и что принят в таком обществе; мистер же Маунт, церемониймейстер ее высочества герцогини, прислуживал за столом — а ведь я всегда почитал его выше себя во всех отношениях. Было также необычайно приятно и радостно участвовать в беседе кавалеров, вспоминавших былые времена.

8 марта 1661 года

<…> Поднялся в четвертом часу утра и направился в <Вестминстерское> аббатство, где присоединился к сэру Дж. Денему, таможенному инспектору, и его людям. С большим трудом, не без помощи мистера Купера, забрался на гигантский помост, возведенный в северном конце аббатства, где, с завидным терпением, просидел с четырех до одиннадцати, дожидаясь появления государя. С восхищением взирал оттуда на затянутые красным сукном стены аббатства, на трон и скамеечку для ног в самом центре. Всё и вся в красном — от придворных до военных и скрипачей. Наконец входят декан и пребендарии Вестминстера с епископами (многие в золоченых ризах), а за ними аристократия в парламентских мантиях — зрелище великолепное. Следом — герцог Йоркский и король со скипетром (каковой нес мой господин, граф Сандвич), мечом и державой, а также с короной. В праздничном своем одеянии, с непокрытой головой государь очень хорош. Когда все разместились — проповедь и служба, после чего у главного престола церемония коронации, каковую я, к величайшему огорчению своему, не видал. Когда на голову государя водружали корону, поднялся громкий крик. Король направился к трону, и последовали дальнейшие церемонии, как-то: принятие присяги, чтение молитвы епископом, после чего придворные (они надели шляпы, стоило только королю надеть корону) и епископы подошли и преклонили колена. И трижды герольдмейстер подходил к трем углам помоста и объявлял: пусть тот, кто считает, что К. Стюарт не может быть королем Англии, выйдет и скажет, чем он руководствуется. Далее лорд-канцлер[11] зачитал всеобщее помилование, а лорд Корнуолл стал разбрасывать серебряные монеты — мне, увы, ни одной подобрать не удалось. Шум стоял такой, что музыка до меня не доносилась — да и до других тоже. Мое желание справить нужду было в эти

минуты столь велико, что, не дождавшись конца церемонии, я сошел с помоста и, обойдя аббатство, направился в сторону Вестминстер-Холла: повсюду ограждения, 10 000 народу, мостовая покрыта синим сукном, на каждом шагу помосты. Протиснулся в Вестминстер-Холл: драпировки, помосты, на помостах прекрасные дамы — благолепие. А на одном из помостов, небольшом, по правую руку, — моя жена.

Долгое время ходил взад-вперед, пока наконец не прибыл король: на голове корона, в руках скипетр, над головой балдахин с маленькими колокольцами по краям, натянут на шести серебряных шестах, его внесли бароны Пяти портов. Король прошел в дальний конец, и все расселись за многочисленными столами — запоминающееся зрелище. Первое блюдо поднесли королю рыцари ордена Омовения, после чего церемониал продолжался: герольды с низким поклоном подводили к государю гостей, а лорд Албемарл[12] отправился на кухню опробовать блюдо перед тем, как подать его на королевский стол. Больше всего запомнилось мне, как три лорда, Нортумберленд, Суффолк и герцог Ормондский, въехали в Вестминстер-Холл верхами и в продолжение всего обеда оставались в седле; присоединился к ним вскоре и королевский рыцарь (Даймок): в латах, со щитом и копьем наперевес, въехал он в Холл, и герольд объявил, что этот рыцарь готов бросить вызов всякому, кто посмеет усомниться, что К. Стюарт — законный король Англии, после чего Даймок трижды бросал перед собой перчатку, а затем подъехал к столу короля, который выпил за его здоровье и вручил ему кубок из чистого золота; рыцарь осушил кубок и, держа его в поднятой руке, отъехал в сторону. Я ходил от стола к столу, смотрел на епископов, на знать и наблюдениями своими остался чрезвычайно доволен. За столом, где восседали лорды, увидел У. Хоу, который уговорил моего господина дать мне четырех кроликов и цыпленка, каковые были мною, а также мистером Кридом и мистером Майкелом (он раздобыл хлеба) незамедлительно съедены на конюшне. Ели все — что кому досталось. С удовольствием разглядывал наряды обворожительных дам, а также слушал музыку, особенно скрипки, коих было 24. И вот что удивительно: весь день погода стояла отменная, но стоило королю покинуть Холл, как полил дождь, засверкала молния, грянул гром; несколько лет не видывал я такой грозы; народ принял ее за Божье благословение, что глупость: преувеличивать значение подобных вещей не следует.

К мистеру Бойерсу, где много народу; кого-то я знал, кого-то нет. Простояли на крыше и на чердаке допоздна, ожидая фейерверка, — в тот вечер фейерверка не было, только Сити был

ярко освещен: там жгли праздничные костры. В Экс-Ярд, где в самом дальнем конце разожгли три больших костра, вокруг столпилось множество мужчин и женщин, они нас не отпускали, требовали, чтобы мы пили за здоровье короля, встав коленями на охапки тлеющего хвороста, что мы и сделали, они же по очереди пили за нас — странная причуда. Веселье продолжалось очень долго, но я не уходил: хотелось посмотреть, как пьют знатные дамы. Наконец, отправил жену с компаньонкой спать, сам же с мистером Хантом отправился к мистеру Торнбери (это он, смотритель Королевского винного погреба, снабдил всех вином), где мы пили за здоровье короля и ни за что больше, пока один джентльмен не рухнул мертвецки пьяный, залитый собственной блевотиной. Я же отправился к своему господину в добром здравии; однако же стоило мне лечь, как голова у меня закружилась и меня начало рвать; никогда еще не было мне так худо, чего, впрочем, я толком и не почувствовал, ибо уснул и спал до утра, — только пробудившись, я обнаружил, что лежу в луже блевотины. Так кончился сей день — радостный для всех.

Теперь, после всего, что было, могу засвидетельствовать: если повидать то, что повидал в тот славный день я, можно смело закрыть глаза и не смотреть ни на что более, ибо в этом мире ничего столь же замечательного мне все равно не увидеть.

23 апреля 1661 года. День коронации

В Вустер-Хаус, где сегодня несколько лордов собираются на совет. Покуда ждал, вошел государь в обыкновенном костюме для верховой езды и в бархатной шапочке. Со стороны кажется, будто это самый обычный человек.

19 августа 1661 года

Ходил на Кинг-стрит в «Красный лев» промочить с утра горло и услышал там о потасовке между двумя посланниками — испанским и французским; поскольку как раз на этот день назначен был въезд шведского посольства, они повздорили за право находиться во главе процессии. В Чипсайде уверяют, что испанец взял верх и убил трех лошадей, запряженных в карету француза, а заодно и несколько человек и въехал в Сити вслед за каретой нашего государя. Что почему-то привело весь народ в неописуемый восторг. Впрочем, для нас любить все испанское и ненавидеть все французское естественно. Из свойственного мне любопытства добрался до реки и отправился на веслах в Вестминстерский дворец, рассчитывая, что увижу, как вся процессия въезжает туда в каретах; увы, оказалось, что послы уже во дворце побывали и вернулись, и я вместе со своим слугой

пустился за ними вдогонку по колено в грязи, по запруженным людьми улицам, пока наконец, неподалеку от Королевских конюшен, не попалась мне на глаза испанская карета в окружении нескольких десятков всадников со шпагами наголо; наши солдаты подбадривали их громкими возгласами. Я последовал за каретой и вскоре обнаружил ее возле Йорк-Хауса, где находится резиденция испанца, туда она с большой пышностью и въехала. Тогда я отправился к дому французского посла, где лишний раз убедился, что нет на свете народа более заносчивого, чем французы, когда им сопутствует успех или же предприятие только начинается, и, напротив, — более жалкого, когда они терпят неудачу. Ибо все они после происшедшего походили на мертвецов: ни слова не говорили и только головами качали. В грязи с ног до головы, сел в карету и отправился домой, где изрядно досадил жене[13] вышеупомянутой историей, главное же тем, что взял сторону испанца, а не француза.

30 сентября 1661 года

<…> Я с женой — у моего господина; гуляли в саду Уайтхолла, лицезрели леди Каслмейн в роскошных нарядах, более прелестных кружев на нижних юбках сроду не видывал; смотрел на них не отрываясь. Отобедали у Уилкинсонов: жена, я и Сара; съел добрую четверть ягненка и салат. Сара рассказала мне, что король всю прошлую неделю, всякий день, обедал и ужинал у леди Каслмейн. Был государь там и в день приезда королевы, когда по всему городу в ее честь разожгли костры; замечено было, что костры горели по всем улицам, у каждого дома, кроме только дома леди Каслмейн — перед ее дверьми костра не было. В тот самый день король и она послали за весами и взвешивали друг друга, и леди Каслмейн, говорят, весила больше, ибо была брюхата.

21 мая 1662 года

Смотрел не отрываясь на леди Каслмейн (на берегу реки в Уайтхолле. — *А.Л.),* она стояла неподалеку от нас. Вид они с государем являли престранный: прогуливались рядом и при этом не обращали друг на друга никакого внимания, разве что при первой встрече государь снял шляпу, а леди Каслмейн ему почтительно поклонилась — после чего они друг на друга более не смотрели. Правда, и он, и она то и дело брали на руки их ребенка, которого держала кормилица, и попеременно качали его. Еще одно: внизу рухнул помост, и мы испугались, что кто-то пострадал, чего, к счастью, не произошло; леди Каслмейн тем не менее, единственная из придворных дам, бросилась в толпу

посмотреть, есть ли пострадавшие, и подхватила на руки ребенка, который слегка ушибся, что, мне кажется, явилось поступком весьма благородным. <…> Тут она вновь надела шляпу, дабы защитить от ветра волосы. Шляпа, даже самая скромная, чрезвычайно ей к лицу — как и все остальное.

23 августа 1662 года

Хирург Пирс рассказывает, что леди Каслмейн брюхата и что, хотя понесла она от короля, а ее собственный супруг видит ее лишь изредка, ест и спит с ней раздельно, — младенец получит его имя. Поведал он мне и о том, что герцог Йоркский так влюблен в леди Честерфилд (даму весьма добропорядочную, дочь лорда Ормонда), что герцогиня Йоркская пожаловалась государю и своему отцу, леди же Честерфилд вынуждена была покинуть город. Все это весьма прискорбно, однако является несомненным следствием праздной жизни: сим великим умам не на что себя употребить.

3 ноября 1662 года

В присутствие, где пробыли до полудня, а затем — на Тауэр-хилл наблюдать за въездом в город русского посольства[14], в честь которого по улицам выстроили музыкантов, а также королевскую гвардию; собрались и зажиточные горожане в черных бархатных сюртуках и золотых цепях, тех самых, в которых приветствовали они возвращение государя; но посольства не было, и мы вернулись домой обедать. Отобедав, услышал, что процессия наконец двинулась, направился к пересечению Грейшес-стрит и Корн-хилл и оттуда <…> очень хорошо все разглядел. Сам посол сидел в карете, и его я не видал, зато видел свиту в длинных одеждах и меховых шапках — красивые, статные, у многих на вытянутой руке ястребы — в подарок нашему королю. Но, Боже, сколь же нелепо выглядим мы, англичане, подвергая осмеянию всё, что представляется нам непривычным!

27 ноября 1662 года

В часовню в Уайтхолле, где епископ Морли пел из «Песни ангелов»[15]: «Славься Господь за мир на земле и за добро к людям». Проповедь, мне кажется, получилась длинная и плохая: в ней истинной радости, какая должна царить в наши дни, противопоставлялось фальшивое веселье двора. Касательно страсти к азартным играм и развлечениям сказано было, что тот, кому надлежит призывать к порядку картежников, то бишь камердинер двора, сам вызывается быть секундантом на дуэлях.

Забавно было наблюдать, с каким безразличием воспринимались обвинения епископа; все его рассуждения о дурном поведении придворных встречены были собравшимися в часовне громким смехом. Когда проповедь закончилась, пропели антифон, молящихся обнесли чашей, после чего государь опустился на колени и причастился.

Рождество 1662 года

С мистером Пови в Уайтхолл — хочет, чтобы я присутствовал на балу с участием государя. Сначала отвел меня в покои герцога, где ужинали герцог (Йоркский. — *А.Л.)* и герцогиня, а оттуда в бальную залу, где множество прекрасных дам, весь цвет двора. Входят король и королева, герцог и герцогиня, с ними первые люди государства; заняв свои места, король приглашает герцогиню Йоркскую, герцог — герцогиню Бекингемскую, герцог Монмаутский — леди Каслмейн, другие лорды разбирают других дам, и все танцуют branle[16]. Затем король станцевал с одной из дам куранту, после чего на этот же танец лорды стали, один за другим, приглашать своих дам. Танец весьма благородный и радует глаз. Но вот настала очередь деревенских танцев, и король возглавил первый из них, старый английский танец «Рогоносцы в ряд». Из всех танцевавших дам лучшими, бесспорно, были любовница герцога Монмаутского, леди Каслмейн и дочь сэра Гарри де Викса. Когда король танцует, все дамы, в том числе и королева, встают; танцор государь и в самом деле превосходный, гораздо лучше, чем герцог Йоркский. Пробыв на балу столько, сколько посчитал нужным, и получив несказанное удовольствие, какое только можно было получить при дворе, вышел и, не дождавшись окончания бала, уехал.

31 декабря 1662 года

Делясь со мною дворцовыми сплетнями, капитан Феррер рассказал, среди прочего, будто с месяц назад на балу во дворце одна дама, танцуя, выкинула; кто это был, так и осталось неизвестным, ибо плод тут же, завернув в платок, унесли. Наутро все дамы двора явились во дворец представить доказательства своей невиновности, а потому, с кем приключилась эта история, выяснить не удалось. Говорят, в тот же день миссис Уэллс занемогла и куда-то запропастилась, и все сочли, что выкинула она. Согласно другой истории, леди Каслмейн, спустя несколько дней после вышеописанного случая, пригласила к себе миссис Стюарт[17] и, развеселившись, предложила ей «сыграть свадьбу». Свадьба получилась как настоящая, с обручальными кольцами, церковной службой, лентами, «поссетом» в постели, швырянием

чулка — все обычаи были соблюдены. В конце, однако, леди Каслмейн (она была женихом) уступила свое место на брачном ложе королю, и тот лег рядом с обворожительной миссис Стюарт. Говорят, что именно так все и было.

8 февраля 1663 года

Обедал с Кридом в «Голове короля». <…> Один приятного вида джентльмен в нашей компании утверждает, будто леди Каслмейн отказано от двора, однако по какой причине, сказать не берется. Рассказал нам, как некоторое время назад королева хорошенько проучила леди Каслмейн. Дело обстояло так: леди Каслмейн входит в покои королевы и видит, что ту наряжает горничная. «И как только у Вашего величества хватает терпения!» — восклицает леди Каслмейн, замечая, что процедура затягивается. «Ах, — отвечает королева, — у меня столько оснований проявлять недюжиное терпение, что наряжаться я могу сколько угодно».

4 июля 1663 года

<…> Сегодня видел, как государь и придворные играют в теннис. Наблюдать за тем, как все, без всякой на то причины, превозносят игру короля, — зрелище преотвратное, и это при том, что иногда государь и впрямь играл хорошо и заслуживал всяческой похвалы. Столь неприкрытая лесть омерзительна.

4 января 1664 года

С мистером Пови в его карете — в Гайд-парк, где сегодня первый день Парада[18] и множество прекрасных дам, в том числе и Каслмейн — бесстыдно развалилась в своей карете и спит с открытым ртом. Видел также леди Карнеги, в девичестве леди Энн Хамблтон, которая, говорят, дала герцогу (Йоркскому. — *А.Л.)* пощечину, когда тот в первый раз ее домогался.

19 марта 1665 года

Государь с презрением говорил о чопорности испанского короля[19]. Все его поступки отличаются такой церемонностью (говорил государь), что он даже мочиться не станет, покуда кто-нибудь не подержит ему ночной горшок.

11 июля 1666 года

Оставался до конца Государственного совета и сопровождал короля и герцога Йоркского, гулявших по Сент-Джеймскому парку. Долгое время стояли и смотрели, как возятся в воде гусаки и гусыни, причем гусаки, к моему удивлению, надолго уходили

под воду. Очень по этому поводу веселились, и государь повторил свою любимую фразу: «Вот вам и счастливый брак!», что мне не слишком понравилось.

17 февраля 1667 года

Сегодня был у меня сэр Х. Чолмли; рассказывал, что при дворе, как всегда, творится безумие и что в ночь, когда голландцы сожгли наши корабли, король ужинал с леди Каслмейн и герцогиней Монмаутской и все как сумасшедшие гонялись за несчастной мухой. При дворе боятся парламента, а между тем он считает, что мы будем спасены, только если король передаст парламенту всю власть.

21 июня 1667 года

Беседовал с мистером Пови о прискорбной слабости короля. Государь, заметил мистер Пови, тратит в десять раз больше сил и нервов для восстановления дружеских отношений между леди Каслмейн и миссис Стюарт, чем для спасения собственного государства.

24 июня 1667 года

Сегодня виделся с мистером Пирсом, хирургом; рассказал мне, что дело лорд-канцлера (его отставка) решалось в спальне леди Каслмейн и что, когда он вышел от короля в понедельник утром, особа эта еще нежилась в постели (в полдень-то!) и выбежала в одной сорочке на птичий двор, выходящий в сады Уайтхолла, куда горничная и принесла ей халат. Стояла в саду и радовалась, что старика канцлера выставили за дверь. Несколько кавалеров Уайтхолла (многие ждали, что лорд-канцлер вернется) заговорили с ней, когда она вошла в вольер; был среди них и Блэнкфорд, который называл ее «райской птицей».

27 августа 1667 года

После обеда пришел мистер Таунсенд (хранитель королевского гардероба), и я стал свидетелем головомойки, каковую мистер Эшбернхам, старейший из королевских камердинеров, устроил ему за то, что в королевском гардеробе не хватает белья; он кричал, что мистер Таунсенд за это ответит и что отец государя повесил бы своего хранителя гардероба, если б тот служил ему так же; у государя, кричал он, нет на сегодняшний день ни одного носового платка и всего три шейных. Мистер Таунсенд отговаривался отсутствием денег и тем, что задолжал торговцу льняным товаром пять тысяч гиней, а еще тем, что за последнее время обзавелся многими дорогими

вещами: и тюфяками, и простынями, и седлами, — и все это в долг, и что больше ему в долг давать не будут; и, несмотря на это, старик (и в самом деле испытанный, преданный слуга) продолжал кричать, что государь остался без присмотра. Но когда он ушел, Таунсенд признался, что королевское белье, из-за отсутствия жалованья, каждые три месяца выносят камердинеры…

2 сентября 1667 года

Дела государственные

Утром — к моему господину, где встретился с капитаном Каттенсом. Но господин мой еще почивал, и я отправился на Чаринг-Кросс, на казнь генерал-майора Гаррисона[20]; его должны были повесить и четвертовать; когда толпе продемонстрировали его голову и сердце, он улыбался во весь рот — как и любой бы на его месте. При виде головы казненного толпа издала радостный вопль. Перед казнью Гаррисон говорил будто бы, что в самом скором времени окажется по правую руку Христа и будет судить тех, кто сейчас судит его. Говорят также, его жена ожидает скорого пришествия мужа на землю. Итак, на мою долю выпало видеть, как обезглавили в Уайтхолле короля (то есть Карла I. — *А.Л.)* и как теперь, в отместку за кровь монарха, пролилась первая кровь на Чаринг-Кросс.

13 октября 1660 года

Встал в четыре утра, в присутствие — и за дело. Около одиннадцати мы все отправились на Тауэр-хилл и там, на специально сколоченном в тот же день эшафоте, увидели сэра Генри Вейна — его только что привезли. Огромное стечение народу. Он произнес длинную речь, многократно прерывавшуюся шерифом и прочими; они бы вырвали бумагу у него из рук, не держи он ее так крепко. Однако всех, кто за ним записывал, заставили сдать записи шерифу; кроме того, под эшафот созвали трубачей, дабы заглушить его голос. Засим он помолился и, приготовившись к смерти, принял удар. Увы, вокруг эшафота скопилось столько людей, что самой казни мы не видели. Бормен, он был прямо на эшафоте, подошел к нам и рассказал, что начал Вейн с того, что его несправедливо судили и, вопреки Великой хартии вольностей[21], ему отказали в подаче жалобы. В этом месте его прервал шериф, и тогда он извлек свои записи и огласил их; первым делом — поведал историю своей жизни, сказав, что родился джентльменом, воспитывался как джентльмен и до семнадцати лет вел жизнь, приличествующую джентльмену. Но тут Господу угодно было ниспослать на него благодать, и он, оставив мирские заботы, отправился за границу, где мог служить Богу с большей свободой. Затем его призвали на родину и избрали членом Долгого парламента[22], где он ни разу, вплоть до сегодняшнего дня, не пошел против своей совести, и все, что ни делал, делал во славу Божью. Тут он хотел было рассказать о заседаниях Долгого парламента, но его так часто перебивали, что он вынужден был покориться, упал на колени и вознес молитву за

Англию, а потом за Лондон. С чем положил голову на плаху и принял удар. На шее у него был нарыв, коего он попросил не касаться. Ни разу, до последнего мгновения, у него не дрогнул голос и он не переменился в лице; он умер, не отступившись от себя и от того дела, какому был предан, и перед смертью с уверенностью сказал, что сразу же предстанет перед Христом, по Его правую руку. Никто из тех, кто кончил жизнь на эшафоте, не вел себя с большей решимостью; он был сильно возбужден, но не трусил нисколько, держался достойно и уравновешенно. Кто-то спросил его, почему он не помолился за короля, и он ответил: «Отчего ж, я молюсь за него. Боже, благослови его».

14 июня 1662 года

Сэр У. Ковентри рассуждал о нынешнем положении единоверцев короля, каковые, будучи папистами, хотя в остальном и прекрасными людьми, уже более четырех лет как отстранены от дел, а потому сейчас совершенно недееспособны; то же и кавалеры[23]: эти не у дел уже двадцать лет, в связи с чем (полагает он) либо заняты семьей, либо, в том числе и лучшие из них, ударились в распутство и пр.

24 июня 1663 года

С Кридом в карете в Гайд-парк, где сегодня общий смотр королевской гвардии, конной и пешей. Сразу столько прекрасных всадников и лошадей; верхом и король, и герцог, и все прочие. Долго смотрел, потом вышел из кареты и направился пешком к тому месту, где король, герцог и пр. принимали конный и пеший парад и где стреляли из пушек, дабы показать французскому маркизу (ради которого и состоялся смотр), как хороши наши артиллеристы; они и впрямь очень хороши, хотя, бывало, и промахивались. (Когда мы выезжали из парка, одно ядро упало совсем рядом с нашей каретой, так близко, что опалило волосы.) И все же все эти лихие ребята, по моему разумению, — не те солдаты, которые должны защищать короля, — ведь старый король (Карл I. — *А.Л.)* лишился короны из-за точно таких же солдат, которых наголову разбили точно такие же простолюдины.

4 июля 1663 года

Имел долгую беседу с мистером Блэкберном; видит (человек он весьма разумный), что я с ним чистосердечен, и платит мне тем же. Речь зашла о религии, и он похвально отозвался о короле и Тайном совете за то, что они не ущемляют свободу совести. <… > Говорит, что многие набожные пасторы, носители слова Божьего, вынуждены ныне просить милостыню и что таких

тысячи. Католики же, по его словам, ведут себя в наши дни весьма заносчиво, чем вызывают всеобщие ненависть и смех. А ведь те, кого принято теперь называть «фанатиками» (заметил он) [24], молятся за нашего государя столь же ревностно, что и представители других церквей, которые ныне в фаворе. И пусть король думает что угодно, но в дни войны именно «фанатики» окажут ему помощь, ибо люди это самые верные, самые положительные. Еще он пожелал, чтобы я, среди прочего, передал лорду Сандвичу, что нет больше ни одного солдата или офицера старой армии, который бы ходил с протянутой рукой. И что же? Этот капитан стал сапожником, тот лейтенант — булочником, этот — пивоваром, тот — галантерейщиком, еще один — грузчиком; все бывшие солдаты надели фартуки и рабочие блузы, словно никогда ничем другим и не занимались, — а кавалеры между тем и по сей день носят пояс и шпагу, сквернословят и воруют, врываются в чужие дома, присваивают себе, нередко силой, чужие вещи. Старое парламентское войско (весьма здраво заключил он) столь мирно и богобоязненно по духу, что угроза от него государю в тысячу крат меньше, чем от его собственных, распустившихся кавалеров.

9 ноября 1663 года

Сегодня утром был у меня по делу мистер Бергби, один из переписчиков Совета, человек дельный. Жалуется, что большинство лордов Тайного совета заняты своими делами, а о государственных и не помышляют. Исключение составляет разве что сэр Эдвард Николас. Сэр Дж. Картерет прилежен, однако преследует только собственные интересы и выгоду. Лорд-хранитель печати во все вмешивается и не делает ничего для государственной пользы. Архиепископ Кентерберийский, добившись всего, чего только можно желать, говорит мало, а делает еще меньше. Разговорились о лорде-канцлере, тот избегает государя и заставляет его, ссылаясь на слабое здоровье, каждый день ездить к себе, и это при том, что своего кузена, лорда-главного судью Хайда, навещает исправно <…>. Бергби говорит, что никто бы не разбирался в делах лучше самого государя, если б у него не было того же самого недостатка, что и у его отца: неуверенности в себе, легковерия. Сообщил мне, что лорд Лодердейл не отходит от короля ни на шаг и втерся к нему в доверие — весьма себе на уме. В целом же Бергби находит, что дела обстоят далеко не лучшим образом и даже в Тайном совете никого не заботит жизнь страны.

2 марта 1664 года

Беседовал со стариками в Тринити-хаус. Среди прочего замечено было, что в парламенте всего два моряка, а именно сэр У. Баттен и сэр У. Пенн, и никак не больше 20 или 30 купцов, что для островного государства странно; неудивительно поэтому, что торговля идет кое-как, да и мало кто в ней смыслит.

23 марта 1664 года

Явился государь и огласил два указа: об отмене действия закона, согласно которому парламент избирается раз в три года, и о кассационных жалобах. Я присутствовал; ни разу в жизни не приходилось мне слышать, чтобы кто-нибудь говорил хуже, — уж лучше б читал, а ведь бумага была у него в руке.

5 апреля 1664 года

Герцогиня Албемарл резко возражала против капитанов-джентльменов с перьями на шляпах и кружевными воротниками. Я бы хотела, заявила она, чтобы государь послал моего мужа в море со старыми морскими волками, с которыми доводилось ему служить прежде; такие моряки, сказала она, могут провести свой корабль по морю крови, хоть и не умеют расшаркиваться, как нынешние.

10 января 1666 года

После обеда — на похороны сэра Кр. Мингса; отстоял заупокойную службу, дождался, пока его похоронили, и ушел. Встретил У. Ковентри (кроме него, ни одного знатного лица на похоронах не было) и сел к нему в карету, после чего и произошел сей невероятный случай, самый невероятный из всех, коим был я свидетель; никогда бы не поверил, что такое бывает, если б не видел все собственными глазами. А произошло вот что. К карете подошли человек десять крепких, подтянутых матросов со слезами на глазах, и один из них от имени остальных обратился к сэру У. Ковентри со следующими словами: «Мы все здесь давно знали и любили нашего покойного капитана сэра Кр. Мингса и вот сейчас, отдав ему последние почести, опустили его в землю. Мы были бы рады отдать все наши жизни за его одну. Нижайше просим поэтому обратиться к его королевскому высочеству с ходатайством дать нам на всех военный корабль и выбрать из нас капитана, и мы, кто бы он ни был, будем ему верны и сделаем все, что в наших силах, чтобы увековечить память о нашем покойном командире и отомстить за него». Сэр У. Ковентри был этими словами весьма тронут (да и я с трудом сдерживал рыдания) и записал имена матросов, после чего сказал мне, что непременно сообщит его королевскому высочеству об

этом невероятном случае, на чем мы и расстались. И правда, сэр Кр. Мингс был храбрецом, отличным оратором, человеком благородным и достойным во всех отношениях; по словам сэра У. Ковентри, полезность такого человека трудно переоценить. Славу он снискал и здесь, в Англии, и, еще большую, — за морем, в Вест-Индии; прославил не только себя, но и всю свою семью. Однако ж память о нем и его имя (отец его был и остается по сей день сапожником, а мать — дочерью паромщика, чем он очень гордился) через несколько месяцев забудутся, как будто его никогда и не было, и его родня останется ни с чем, ибо он не успел нажить состояния и умер без гроша за душой.

13 июня 1666 года

Все утро в присутствии. В полдень вернулся домой и, отобедав, заперся у себя в комнате и до 12 ночи трудился над письмом герцогу Йоркскому, в коем изложил бедственное положение нашего флота с такой очевидностью, что, если только государя и герцога сколько-нибудь заботят государственные дела, они, на основании этого письма, должны будут исправить положение и достать денег, чтобы продолжать войну (с Голландией. — *А.Л.),* пока не поздно, или же предложить мир на любых условиях. <…>

17 ноября 1666 года

Среди прочего сэр Р. Форд дал мне понять, что палата общин неуправляема, к ней невозможно подступиться, точно к дикому зверю; никогда не известно заранее, как воспримет парламент даже самую простую и очевидную вещь; каждому есть что сказать по любому вопросу, у каждого свой взгляд, свой интерес, свои представления. Рассказал мне (вслед за сэром У. Баттеном), как сэр Аллен Бродерик и сэр Аллен Аппсли явились на днях в парламент пьяные и в течение получаса говорили одновременно, перебивая друг друга и не обращая внимания на смех, шиканье и уговоры сесть и помолчать; выказано было полное небрежение к слугам государя и его делу — что опечалило меня до глубины души.

19 декабря 1666 года

Дела государственные в состоянии самом плачевном. Отчаявшись получить жалованье, матросы выходят из подчинения. По тому, как обстоят дела ныне, ни один корабль не сможет на следующий год выйти в море. Враги же наши, французы и голландцы, могущественны как никогда и становятся день ото дня сильнее от нашей бедности. Парламент не торопится

давать деньги, и все меньше вероятности того, что Лондон будет отстроен (после пожара. — *А.Л.):* народ селится за чертой города, торговля не поощряется. Достойные сожаления, порочные, нерадивые придворные; все сколько-нибудь трезвые люди при дворе боятся, как бы на следующий год не рухнуло королевство, — отчего упаси нас Бог.

31 декабря 1666 года

По словам капитана Кока, на днях государь пришел в бешенство оттого, что во время заседания Тайного совета перед ним на стол не положили, как это водится, бумаги. Сэр Р-д Браун заверил Его величество, что сей же час вызовет человека, в чьи обязанности входит доставать бумагу; явившись, тот сообщил Его величеству, что он, человек бедный, выплатил за нее 400–500 гиней, все, что у него было, и снабжать совет бумагой больше не может; со дня восшествия государя на престол он не получил на нее ни единого пенни. Пришлось государю объясняться с лордом-гофмейстером. От подобных вещей, с коими государь в наши дни сталкивается ежечасно, простой человек давно бы сошел с ума.

22 апреля 1667 года

Поразительно, как он (сэр Х. Чолмли. — *А.Л.),* да и все остальные тоже, рассуждает о Кромвеле и всячески его расхваливает: Кромвель, дескать, всегда вел себя смело и решительно, его боялись соседи и пр. А ведь за нынешнего монарха, помнится, молился весь народ, его любили, ему верили, за него готовы были отдать жизнь, как ни за какого другого государя. И что же? Все это теперь в прошлом, все потеряно; надо было очень постараться, чтобы потерять так много за такое короткое время.

12 июля 1667 года

Король (утверждает Х. Чолмли) создает армию, которую парламент и королевство никогда не потерпят. Однако есть идея — и герцог Йоркский, по его словам, ее горячий сторонник — завести регулярную армию, как во Франции. Нашим правителям, однако, не хватит для этого ни мозгов, ни предприимчивости, ни предвидения. <…>

12 июля 1667 года

<Сэр Дж. Картерет> говорит, что двор ради своих удовольствий готов пожертвовать всем; уверяет, что сам он однажды взял на себя смелость указать государю на необходимость создания в правительстве хотя бы видимости

религиозного чувства и трезвости, — ведь это то, что было подспорьем Оливеру (Кромвелю. — *А.Л.),* что помогло ему захватить власть, хотя он и был величайшим негодяем на свете. И что набожность и трезвость — в природе простого англичанина и что так было и будет всегда. Сейчас же, посетовал он, когда всем нам надо быть заодно и трудиться на благо королевства, при дворе нет согласия; одни за, другие против лорда-канцлера, все время кто-то против кого-то; все плетут интриги; государь же сегодня с одними, а завтра с другими — что пагубно как для дела, так и для него самого.

27 июля 1667 года

Война [25]

Много разговоров об опасности войны с голландцами; мы получили приказ оснастить и вывести в море 20 кораблей, каковые, надеюсь, сыграют лишь роль пугала — пусть думают, будто мы готовы дать им отпор; хотя один Бог знает: в настоящее время государь не в состоянии выставить и пяти кораблей, да и те с огромным трудом, у нас нет ни денег, ни кредитов, ни боеприпасов.

28 июня 1662 года

В кофейню с капитаном Коком, который с жаром рассуждал о положительных сторонах голландской кампании (я же до сего момента рассматривал, напротив, лишь отрицательные ее стороны), то бишь: торговать с выгодой мы вместе не можем, а стало быть, кто-то один должен отступить.

1 февраля 1664 года

Ходил с мистером Ковентри в Сент-Джеймский парк. После обеда говорили об истории королевского флота, о том, как хорошо было бы ее написать, и он сказал, что ему пришло в голову предложить написать историю последней войны с Голландией[26] мне, отчего я пришел в восторг: мне, признаться, этого давно хотелось, да и вполне по уму; ежели напишу хорошо, такая книга будет лучшей рекомендацией. Тогда он сказал, что даст мне ордер на изыскания во всех архивах и прочее. Возьмусь за дело с превеликим удовольствием.

13 июня 1664 года

После окончания Тайного совета сэр Дж. Картерет, лорд Бранкард, сэр Томас Гарви и я — в покои лорда Казначейства, куда явились также лорд-канцлер и герцог Албемарл. Я дал им подробнейший отчет по морским расходам и уведомил их, что флоту нужны деньги. К вящему моему удивлению, они воздели руки и закричали: «Как же нам быть?» Лорд Казначейства: «Что все это значит, мистер Пипс? Предположим даже, вы говорите правду, но что мне-то прикажете делать? Я отдал все, что у меня было. Почему люди не желают давать государству в долг? Почему они не доверяют королю так, как некогда доверяли Оливеру (Кромвелю. — *А.Л.)* Почему наши нынешние военные трофеи не идут ни в какое сравнение с прошлыми?» И это всё, что нам было сказано, с этим мы и ушли. Что весьма печально; в такое время, когда Англия вступает в величайшую войну в своей истории, —

никому до этого дела нет, всё пускается на самотек — как будет, так будет.

12 апреля 1665 года

В тот день (3 июня 1665 года. — *А.Л.),* не дождавшись попутного ветра и лишив себя тем самым заметного преимущества, голландцы пошли на приступ. Граф Фелмет, Маскерри и мистер Р-д Бойл убиты на борту герцогского фрегата «Король Карл» — с одного выстрела. Их кровь и мозги залили герцогу лицо, а голова мистера Бойла угодила ему в челюсть — так говорят. Убиты граф Мальборо, Портленд, контр-адмирал Сэнсом, а также капитан Кирби и Эйблсон. Сэр Джон Лосон ранен в колено — из раны извлекли осколки, и он, скорее всего, оправится. Не успели его ранить, а он уже послал к герцогу сообщить, что надо менять капитана на «Королевском дубе». Герцог послал Джордана на «Святой Георгий», где он проявил чудеса храбрости. Капитан Джер. Смит на «Мэри» (он шел вторым после герцога) вклинился между ним (то есть «Королем Карлом». — *А.Л.*) и капитаном Ситоном на «Урании» (76 пушек, 400 человек)[27], который поклялся взять герцога на абордаж. Убил его (Ситона. — *А.Л.*), 200 человек в придачу и захватил корабль. Потерял 99 человек, причем из офицеров уцелели только он сам и лейтенант. В живых остался еще его штурман, которому оторвало ногу. Адмирал Опдам взлетел на воздух. Трамп убит, и, говорят, Холмс тоже. Прочие их адмиралы, кроме Эверсона (которому нельзя доверять из-за его расположения к принцу Оранскому), убиты. Предполагается, что мы взяли или потопили 24 их лучших корабля. Убили и взяли в плен от восьми до десяти тысяч их людей; сами же потеряли, думаю, не больше 700. Величайшая победа в истории. Они обращены в бегство; около 43 (кораблей. — *А.Л.*) скрылись за Тексел[28], другие рассеяны, мы их преследуем.

Радости моей нет предела. Сначала домой, затем в присутствие — ненадолго; далее к леди Пен, где всеобщее ликование. < … > Разожгли большой костер у ворот; от леди Пен вместе со всеми — к миссис Тернер, оттуда — на улицу. Дал мальчишкам 4 шиллинга — обрадовались необычайно. После чего — домой и в постель; на душе покойно, все мысли о победе — событие это столь значительно, что никак не могу с ним свыкнуться.

8 июня 1665 года

Утром с сэром Дж. Меннзом и сэром У. Пенном — в Уайтхолл в карете последнего. В Уайтхолле нам сказали, что герцог в Сент-

Джеймском парке, идя по которому мы видели, как сотни людей прислушиваются к грохоту пушек с моря. Переговорив с герцогом, мы с сэром У. Пенном отправились домой и не успели приехать, как мне сообщили, что со мной хотят говорить «двое с флота». Спускаюсь и вижу мистера Дэниеля: лицо черное, как у трубочиста, весь в грязи, смоле, дегте и порохе, одежда разорвана в клочья, на правом глазу — повязка. Вместе с товарищем, повредившим себе левый глаз, он вернулся с флота в пять часов утра. Сегодня, в два ночи, их, вместе с еще двадцатью ранеными, увезли на шлюпке с «Короля Карла». Те, кто еще мог держаться в седле, в три утра сели на почтовых лошадей и были здесь между одиннадцатью и двенадцатью. Я немедля посадил их в карету и отвез в Самерсет-Хаус-Стерз, запасся там водой (по дороге все провожали нас глазами, сообразив, что мои спутники — моряки, и на всех лицах запечатлелся вопрос: есть ли новости?), привез их в Приви-Стерз, оставил у мистера Ковентри (самого его дома не было), сам же отправился в парк к государю сообщить, что в пять утра герцог (Албемарл. — *А.Л.)* был жив и что принц (Руперт. — *А.Л.)* двинулся ему на подмогу и присоединился к его флоту около семи утра. Государь, очень обрадовавшись этому известию, взял меня за руку и заговорил со мной об этом — я же постарался дать ему самый подробный отчет, какой только мог, после чего он попросил меня привести к нему двух спасшихся моряков и с этими словами вошел в дом, а я поехал за моряками и ввел их в приемную, где они поведали государю, как обстояло дело.

СРАЖЕНИЕ

В пятницу мы обнаружили голландский флот стоящим на якоре между Дюнкерком и Остенде и заставили его сняться с места — у них было около 90 кораблей, у нас меньше 60. Мы дали им бой и обратили в бегство, но потом им на помощь пришли еще 16 кораблей, и бой завязался вновь. Сражение продолжалось до ночи и, возобновившись наутро, часов в пять, длилось до семи вечера, и вчера утром началось опять и продолжалось до четырех часов — они гнались за нами большую часть субботы и весь вчерашний день, мы же постыдно бежали. Сам герцог и эти двое матросов сели в шлюпку, и тут вдали показался флот принца, ввиду чего Де Ройтер созвал небольшой совет, на котором решено было разделить их флот на две флотилии, 40 кораблей в одной и 30 в другой (вначале их флот насчитывал 90 кораблей, но за эти дни сократился примерно до 70); большая флотилия должна была преследовать герцога, меньшая — дать бой принцу. Принц, однако, соединился с Албемарлом, и голландцы, вновь объединившись, двинулись в сторону своего берега, мы — за ними. Каков же будет исход

сегодняшнего сражения, шум которого до нас доносится, мы покамест не знаем. Герцог вынужден был, потеряв паруса и оснастку, встать в пятницу на якорь. Из известных людей ранен лишь сэр У. Кларк, который потерял ногу, однако держался молодцом. Получил легкое ранение в бедро и герцог.

Король достал из кармана монет двадцать золотом и вручил их Дэниелю — ему самому и его спутнику. И с этим ушел, весьма довольный отчетом о сражении и об успехе (приходе принца), коим оно завершилось, хотя герцог, похоже, вновь отступает. Король распорядился, чтобы о мистере Дэниеле и его спутнике позаботились, и мы расстались.

4 июня 1666 года

Несколько раз в Тауэр — по делам новобранцев; последний раз — в двенадцать ночи, когда их сажали на корабли. Но Боже, как же плакали бедные женщины! В жизни не доводилось мне видеть более естественного выражения чувств, чем в эти минуты; некоторые горько оплакивали свою судьбу, подбегая к каждой группе рекрутов, которых вели на корабли; они искали своих мужей и рыдали вслед каждому отходящему судну, провожая его глазами, покуда он был различим в лунном свете. От их криков у меня разрывалось сердце. Вдобавок тяжко было наблюдать за тем, как трудолюбивых, толковых мужчин отрывают от жен и детей и, без всякого предупреждения, уводят невесть куда, к тому же наперекор всем законам[29], не заплатив. Какова тирания!

1 июля 1666 года

По словам сэра У. Пенна, надлежит, чтобы не проиграть войну, исправить три вещи:

1. Мы должны сражаться в линию, мы же сражаемся беспорядочно, отчего и терпим поражение; тогда как голландцы сражаются иначе, да и мы, всякий раз когда бьем их, — тоже.

2. Мы не должны в приступе отчаянья покидать корабли наши, ибо из-за этого, когда нет более никакой надежды на помощь, корабль достается противнику.

3. Если корабль поврежден незначительно, капитан не должен по своей воле возвращаться в гавань; следует оставаться в море, переоснастив, на сколько это возможно, судно и заделав пробоины, — многие же наши корабли ретировались с очень небольшими повреждениями.

Сказал он также, что нашим капитанам и даже адмиралам не грех учиться науке командования флотом, делиться друг с другом опытом. По его словам, один наш флотоводец даже не знал, какие паруса ставить по ветру, а какие — против. Говорит, что только

страхом и паникой можно объяснить их бегство на «Скакуне»; чудо еще, что не все тогда погибли.

4 июля 1666 года

Встал — и в присутствие, где просидел всё утро. В полдень — домой обедать, затем вновь в присутствие.

Весь двор забит женщинами (кажется, их более 300), пришедших получить деньги за мужей и друзей, что взяты в голландский плен. Они так возмущались, так проклинали и поносили нас, что мы с женой поначалу не решались даже отправить нашему повару оленину для пирога, коим собирались вечером ужинать, — из страха, как бы они ее себе не присвоили, однако ж все, слава Богу, обошлось. Улучив момент, когда они отошли в сторону, я проскользнул к себе в контору и трудился до вечера. Вскоре, однако, женщины вновь вернулись в сад, подошли к окну моего кабинета и принялись мне докучать; признаюсь, жалобы их на отсутствие денег были столь проникновенны, они столь красноречиво излагали мне бедственное положение детей своих и супругов, говорили, сколько всего их мужья сделали, как пострадали за короля, как жестоко мы с ними обошлись, как хорошо, благодаря денежному пособию своих хозяев, живется здесь (пленным. — *А.Л.*) голландцам и как тяжко, напротив, приходится в Голландии их мужьям, — что я их искренне пожалел и готов был расплакаться вместе с ними; помочь между тем я им не в силах; однако ж, когда почти все разошлись, подозвал к себе одну из них (она ничего не требовала, только жаловалась и оплакивала своего мужа) и дал ей немного денег; удалилась со словами, что будет за меня Бога молить.

10 июля 1666 года

Видел, как на Тауэр-хилл собралась толпа из 300–400 моряков; один из них забрался на груду кирпичей и, насадив носовой платок на палку, принялся ею махать, сзывая всех к себе. Услышав громкие крики и не на шутку перепугавшись, поспешил домой, после чего, удостоверившись, что все стихло, вышел вновь и отправился к сэру Роберту Вайнерсу <…>. По дороге обратно услышал, что около 1000 матросов вооружились и вышли на улицы. В великом страхе — домой, полагая, что у дома моего суматоха, и боясь, как бы не разграбили мое добро, — но Бог милостив. Вскоре, впрочем, сэр У. Батген и сэр Р. Форд известили меня, что матросы прорвались в тюрьмы, дабы освободить других матросов, что герцог Албемарл вооружен, равно как и вся гвардия на другом конце города; и что герцог Албемарл будто бы ушел с войском в Уопинг — усмирять матросов. Каков позор для всех

нас!

19 декабря 1666 года

Сегодня обнаружил у себя во дворе умирающего от голода матроса. Он едва дышал; я дал ему полкроны и распорядился, чтобы он смог получить по своему «билету»[30] деньги.

12 марта 1667 года

Клерк сэра У. Ковентри Поуэлл сообщил мне, что он слышал при дворе плохую новость: будто голландцы прорвали нашу оборону под Чэтемом, отчего я пришел в полное смятение. В Уайтхолл, дабы выяснить правду; подымаюсь по лестнице в парке и слышу разговор двух лакеев; плохие, говорят, новости, у всех придворных глаза на мокром месте. Решил, что внутрь не пойду, — лучше им на глаза не показываться, повернул обратно и скользнул в карету. Засим домой, где все мы в большой тоске, ибо слухи полностью подтвердились: голландцы прорвали нашу цепь и сожгли наши корабли, в том числе и «Короля Карла»; прочие подробности мне неизвестны, но нет сомнений, что весьма печальны и они.

12 июня 1667 года

Только встал, как печальные известия подтвердились полностью: голландцы захватили «Короля Карла» и флот их вошел в Темзу. И то и другое повергло меня в такой ужас, что я тут же принял решение отправить отца и жену в деревню; не прошло и двух часов, как они, вняв моим уговорам, отбыли с 1300 гиней золотом на дне саквояжа. Господи, не дай им пропасть в дороге, помоги по приезде как следует припрятать нажитое! Сердце у меня по-прежнему не на месте. После их отъезда только и думал о том, как поступить с остальной суммой. <…> Надел пояс, в который не без труда вложил 300 гиней золотом, с тем чтобы, в случае чего, не остаться совсем без гроша. Ибо сдается мне, что в любом государстве, кроме разве нашего, людям, которые кажутся (ведь на деле мы таковыми не являемся) столь же виновными, сколь и мы, непременно перерезали бы глотки.

13 июня 1667 года

Говорят, что вчера на улицах Вестминстера кричали: «Парламент! Созвать парламент!» Убежден, за такую неудачу придется расплачиваться кровью. Пока не слышно, чтобы голландцы вошли в Грейвзенд, что чудо, однако еще большее чудо, что по сей день мы не имеем никаких известий из Чэтема ни от лорда Браункера, ни от П. Петта, ни от Дж. Меннза; мне

стыдно оттого, что я лишен возможности отвечать всем тем, кто приходит сюда с вопросами; в присутствии я совершенно один и, признаться, рад, что нахожусь здесь, возле дома и вне опасности, — и в то же время служу государю верой и правдой.

14 июня 1667 года

Встал и в карете — в Уайтхолл, где предстал перед государем и герцогом Йоркским в покоях герцога Йоркского вместе с остальными членами Военно-морского совета, а также многими командующими флотом. Мистер Рен шепнул мне на ухо, что герцог Албемарл сместил многих командующих, среди прочих капитана Баттса, который, по словам герцога Йоркского, моряк весьма отважный, о чем знают все. И что на его судно назначен другой капитан, которого, незадолго до того, выгнали за пьянство с корабля, где он был боцманом.<…> Услышав это, принц Руперт, он стоял рядом, повернулся ко мне и в раздражении заметил: «Если выгонять капитанов за пьянство, то можно и без флота, черт возьми, остаться! Разве тот, кто пьет, хуже в деле? Пусть бы наказывали, но зачем же с капитанского мостика снимать?»

2 января 1668 года

Чума [31]

Сегодня с грустью обнаружил в Друри-Лейн два или три дома с красным крестом на дверях и надписью: «Боже, сжалься над нами», что явилось для меня зрелищем весьма печальным, ибо прежде я ничего подобного, если мне не изменяет память, не видывал. Тут же стал принюхиваться к себе и вынужден был купить табаку, каковой принялся нюхать и жевать, покуда дурное предчувствие не исчезло.

7 июня 1665 года

Вечером, за ужином, к величайшему своему огорчению, узнал, что чума пришла и в Сити (в городе-то она уже четвертую неделю, но до сего дня — за пределами Сити), и надо же было так случиться, что самой первой ее жертвой стал мой добрый приятель и сосед, доктор Бернетт с Фэнчерч-стрит. И то и другое повергает меня в смятение.

10 июня 1665 года

Вышел ненадолго пройтись — по чести сказать, чтобы пощеголять в новом своем камзоле; и на обратном пути заметил, что дверь дома несчастного доктора Бернетта заколочена. До меня дошел слух, будто он завоевал расположение соседей, ибо сам обнаружил у себя болезнь и заперся по собственной воле, совершив тем самым благородный поступок.

11 июня 1665 года

Сегодня был глубоко потрясен происшедшим. Ехал от лорда Казначейства в наемном экипаже по Холборн-стрит и вдруг заметил, что кучер перестал почему-то погонять лошадей, когда же лошади встали, спустился на мостовую и сказал мне, что ему вдруг стало не по себе, в глазах помутилось. «Ничего, — говорит, — не вижу». Я пересел в другой экипаж, испытывая жалость к бедняге и беспокоясь за себя, ведь это могла быть чума: на беду, я нанял его именно в той части города, где бушевала болезнь. Но Господь милостив.

17 июня 1665 года

Встал — и по воде в Уайтхолл, где все забито подводами: двор собирается покинуть город. Число умерших достигло 267 — что на 90 человек больше, чем на прошлой неделе; в Сити же до сего дня скончалось всего четверо, что для всех нас большое благо.

29 июня 1665 года

Сегодня заканчивается этот печальный месяц — печальный, ибо чума распространилась уже почти по всему королевству. Каждый день приносит все более грустные новости. В Сити на этой неделе умерло 7496 человек, из них от чумы — 6102. Боюсь, однако, что истинное число погибших на этой неделе приближается к 10 000 — отчасти из-за бедняков, которые умирают в таком количестве, что подсчитать число покойников невозможно, а отчасти из-за квакеров и прочих, не желающих, чтобы по ним звонил колокол[32].

31 августа 1665 года

Встал и надел цветной шелковый камзол — прекрасная вещь, а также новый завитой парик. Купил его уже довольно давно, но не осмеливался надеть, ибо, когда его покупал, в Вестминстере свирепствовала чума. Любопытно, какова будет мода на парики, когда чума кончится, ведь сейчас никто их не покупает из страха заразиться: ходят слухи, будто для изготовления париков использовали волосы покойников, умерших от чумы. После обеда — по реке в Гринвич, куда меня не хотели пускать, ибо боялись, что я из Лондона и являюсь рассадником чумы, покуда я не сказал им, кто я такой и откуда <…> Боже, сколь же безумны те горожане, что сбегаются (хотя им это строго запрещено) поглазеть, как мертвецов предают земле. Мы договорились издать соответствующий указ, подобные сборища запрещающий. Из прочих историй одна показалась мне особенно трогательной. На жителя Гринвича поступила жалоба, что он взял ребенка из зараженного чумой лондонского дома. Алд. Хукер же сообщил нам, что ребенок этот был младшим сыном весьма достойного горожанина с Грейшес-стрит, шорника, всех остальных детей которого унесла чума; поскольку теперь и он, и его жена вынуждены были жить взаперти и считали себя обреченными на смерть, он пожелал спасти жизнь хотя бы своего крошки и каким-то образом сумел передать его, совершенно обнаженного, своему другу, а тот (надев на ребенка новую, чистую одежду) привез его в Гринвич. Выслушав эту историю, мы приняли решение о том, что передачу ребенка следует разрешить, а самому ребенку — дать возможность жить в городе (Гринвиче. — *А.Л.)*.

3 сентября 1665 года

Боже, как пустынны и унылы улицы, как много повсюду несчастных больных — все в струпьях; сколько печальных историй услышал я по пути, только и разговоров: этот умер, этот

болен, столько-то покойников здесь, столько-то там. Говорят, в Вестминстере не осталось ни одного врача и всего один аптекарь — умерли все. Есть, однако, надежда, что на этой неделе болезнь пойдет на убыль. Дай-то Бог.

16 октября 1665 года

Находясь в Вулидже, шел вечером по темной улице и нагнал двух женщин; рыдая, они несли гроб с телом мужчины — вероятно, мужа одной из них. Печальная история.

29 октября 1665 года

Я с лордом Брукнером и миссис Уильяме, в карете, запряженной четверкой лошадей, — в Лондон, в дом моего господина в Ковент-Гардене. Боже, какой фурор произвела въезжающая в город карета! Привратники низко кланяются, со всех сторон сбегаются нищие. Какое счастье видеть, что на улицах вновь полно народу, что начинают открываться лавки, хотя во многих местах, в семи или восьми, все еще заколочено, и все же город ожил по сравнению с тем, каким он был, — я имею в виду Сити, ибо Ковент-Гарден и Вестминстер еще пустуют, нет ни придворных, ни джентри.

5 января 1666 года

Пожар [33]

Джейн разбудила нас около трех ночи, сказав, что в Сити видели огромный пожар. Встал, накинул халат и подошел к окну <…>; подобных пожаров я прежде не видывал ни разу и, с непривычки решив, что он невелик, вновь отправился спать. Около семи встал вновь, оделся, выглянул в окно и обнаружил, что пожар нисколько не увеличился и даже как будто бы отдалился. Посему — в кабинет — разложить вещи после вчерашней уборки. Но тут опять входит Джейн, говорит, что слышала, будто за ночь сгорело триста домов и сейчас полыхает вся Фиш-стрит у самого Лондонского моста. Тут я, не мешкая более, оделся, пошел в Тауэр и, прихватив с собой сынишку сэра Дж. Робинсонса, взобрался на холм: дома пылали по обеим сторонам моста — и с моей стороны, и с противоположной. <… > Спустился к реке, сел в лодку и проплыл под охваченным гигантским пламенем мостом. Всё, вплоть до «Старого лебедя», сгорело дотла, в том числе и дом бедняги Мичеллса; огонь распространялся с такой быстротой, что в самом скором времени (подумал я) он доберется до Стил-Ярда. Все пытаются спасти свое добро, швыряют вещи в реку или на лихтеры. Многие не покидают своих жилищ до тех пор, пока огонь не начинает лизать им одежду, — тогда только несчастные кидаются в лодки либо сбегают по ступенькам к воде. Подметил, что с неохотой покидают свои жилища даже несчастные голуби: упрямо кружат перед окнами и балконами, пока не падают замертво с обгоревшими крыльями.

За час, что я простоял на этом месте, глядя, как свирепствует пожар, хоть бы один человек попытался потушить пламя! — все только и делали, что спасали свой скарб или самих себя, предоставив огню полную свободу. Увидев, что огонь добрался до Стил-Ярда и поднявшийся ветер гонит его в Сити, а также что после столь долгой засухи мгновенно загорается всё, даже камни церквей <…>, отправился (с одним джентльменом, который пожелал прокатиться в моей лодке, наблюдая оттуда за пожаром) в Уайтхолл, в часовню, где меня тотчас же обступили придворные; я дал им подробнейший отчет, отчего они пришли в смятение и донесли королю, меня вызвали, и я поведал государю и герцогу Йоркскому все, что видел собственными глазами, присовокупив, что, покуда Его величество не прикажет сносить дома, пожар остановить не удастся. Они весьма опечалились, и государь велел мне идти к лорду-мэру и приказать безжалостно сносить все дома, коим угрожает огонь. Герцог же Йоркский

уполномочил меня передать ему, что, если понадобятся солдаты, он их получит в любом количестве; это же — правда, под большим секретом — подтвердил и лорд Арлингтон. Здесь же я встретился с капитаном Коком и в его карете, прихватив с собой Крида, отправился к Павлу (собору Святого Павла. — *А.Л.)* по Уотлинг-стрит не пройти: люди бегут, груженные скарбом; видел больных и увечных, коих несли прямо на кроватях. Вещи — хорошие, добротные — спасают, побросав на тачки или навьючив на самих себя. Наконец, на Каннинг-стрит повстречал лорда-мэра: на шее платок, глаза потухшие. Стоило мне изложить ему приказ государя, как он принялся кричать, точно роженица: «Господи, а я-то что могу поделать? Я — человек конченый. Народ меня не послушается. Думаете, я не сношу дома? Увы, огонь действует быстрее нас». Сказал, что солдат у него хватает, сам же он должен хоть немного отдохнуть, ибо провел на ногах всю ночь. На этом мы расстались, и я направился домой; все словно обезумели, ничего решительно не делается, чтобы погасить огонь; к тому же дома стоят близко один от другого, да и набиты легко воспламеняющимся добром, как-то: варом и смолой, а на Темз-стрит вдобавок — склады с растительным маслом, вином и бренди. Здесь увидел я мистера Исаака Хоублона: этот красивый, хорошо одетый человек стоял, весь перепачканный, у своего дома в Доугейте и заносил внутрь вещи своих братьев, чьи дома погибли в огне; по его словам, вещи уже перевозились дважды; он полагает (и, как вскоре выяснилось, не без оснований), что вскоре наступит и его черед. Печально было слышать эти слова, а также видеть, как люди, вместо того чтобы самим идти в церковь, заносят туда свои пожитки. <…> Отобедав, отправился вместе с Муном в Сити: улицы забиты людьми, лошадьми и повозками; давя друг друга, переносят добро из одного обгоревшего дома в другой; сейчас вещи с Каннинг-стрит, где еще утром было безопасно, переносят на Ламберд-стрит и далее. <…> На причал у Павла, где должна была ожидать меня лодка; взял с собой мистера Каркасса и его брата, коих повстречал на улице; посадил их к себе в лодку и провез под мостом: огонь распространяется, и остановить его не представляется возможным. Пересел в королевскую барку к государю и герцогу Йоркскому, с ними — в Куинхит. Твердят одно: сносить дома до основания <…>, однако поделать ничего, почти ничего нельзя: огонь опережает людей. <…> На воде великое множество лодок и лихтеров, забитых скарбом, многие вещи, причем самого хорошего качества, плывут по воде; только я подумал, что чуть ли не в каждой третьей лодке имеются по-настоящему ценные вещи, как обнаружил в одной из них клавесин. <…> Когда на воде от дыма и огнедышащего

жара находиться стало больше невмоготу, решили пересидеть в небольшой пивной на Бэнксайд, против «Трех журавлей», и пробыли там до самых сумерек; с наступлением темноты пожар кажется все больше и больше; над колокольнями и крышами домов в небо рвутся зловещие, кровавые языки — ничего общего с покойной красотой пылающего в камине огня. Гигантская огневая дуга с милю длиной перекинулась с одного конца моста на другой, взбежала на холм и выгнулась, точно лук. Зрелище это повергло меня в глубочайшее уныние; я не мог сдержать слез, глядя на объятые пламенем церкви и дома, слыша неумолчный шум всепожирающего огня и жалобный треск рушащихся домов.

Засим — домой с тяжелым сердцем; дома только и разговоров что о пожаре; явился бедный Том Хейтер, прихватив с собой то немногое, что удалось ему вынести из горящего дома на Фиш-стрит-хилл. Я пригласил его переночевать и помог ему внести вещи, мы легли, однако заснуть было невозможно: шум пожара с каждой минутой приближался, и мы были принуждены начать укладывать наше собственное добро. При ярком свете луны (стояла отличная, сухая и очень теплая погода) мы выносили вещи в сад, что же до денег и обитых железом сундуков, то их я, с помощью мистера Хейтера, спустил в погреб, полагая, что там они будут в безопасности. Золото же, а также важные бумаги и сложенные в отдельную коробку счета занес к себе в кабинет, чтобы в случае чего были под рукой. Страх наш был столь велик, что в ту ночь сэр У. Баттен распорядился прислать из деревни подводы, дабы перевезти на них свои пожитки. Бедного же мистера Хейтера мы ненадолго уложили в постель, однако долго ему спать не пришлось: в доме носили взад-вперед вещи и стоял невообразимый шум.

2 сентября 1666 года

Сэр У. Баттен, не зная, куда спрятать вино, выкопал у себя в саду яму и сложил бутыли туда; я же, воспользовавшись этой возможностью, сложил в эту же яму все свои бумаги, каковые мне решительно некуда было девать. Вечером сэр У. Пенн и я выкопали еще одну яму и спрятали туда наше с ним вино, а я опустил туда еще и пармезанского сыру, вина и другие вещи. В тот день герцог Йоркский наведался в контору сэра У. Пенна, однако меня там не было. Сидели с сэром У. Пенном в нашем саду и предавались печальным мыслям о том, что, если не принять решительных мер, контора наша сгорит непременно. <…>

4 сентября 1666 года

Ночами дурно сплю: снятся пожар и охваченные пламенем дома.

15 сентября 1666 года

Встал и, впервые за неделю, побрился; Боже, еще вчера я был уродлив как смерть, сегодня же нет меня краше.

17 сентября 1666 года

Побывав на заседании комиссии по расследованию причин пожара в Сити, сэр То. Кру пришел к выводу, причем окончательному, что пожар явился следствием заговора; немало свидетелей единодушно показали, что во многих случаях делались попытки разогнать, а не потушить пожар и что и в Сити, и за его пределами несколько папистов (то есть католиков. — *А.Л.)* во всеуслышание хвастались, что в такой-то день и час у нас в Англии наступит такое пекло, какого еще не бывало; говорились вещи и менее двусмысленные.

5 ноября 1666 года

Любопытно, что с последнего великого пожара прошло уже полгода, я же, в продолжение этих восьми дней, не раз сам видел, как из подвалов иных домов до сих пор валит дым.

16 марта 1667 года

По словам Гриффина, замечено (и замечание это верно), что в недавнем лондонском пожаре сгорело ровно столько приходских церквей, сколько прошло часов от начала и до конца пожара, а также что осталось стоять ровно столько церквей, сколько сохранилось таверн в той части Сити, что не пострадала от огня, — каковых было (если мне не изменяет память) тринадцать. Забавное наблюдение.

31 января 1668 года

Быт и нравы

Улица

Сегодня в городе праздник. Вид мальчишек, что, как в свое время и я, снуют гурьбой по улицам с метлами в руках, радует глаз.

День Вознесения, 23 мая 1661 года

Ехал сегодня по Нью-Гейт-Маркет, и моя карета сбросила с прилавка в грязь два куска говядины, из-за чего мясники остановили лошадей и на улицу высыпала толпа, поднялся крик, что кучер нанес урону на 5 фунтов 40 шиллингов. Вышел из кареты и, обнаружив, что никакого или почти никакого урона не нанесено, дал им шиллинг, и они, довольные, разошлись, я же — домой.

15 декабря 1662 года

Вернувшись домой, застал жену в слезах. Купив себе новый шелковый корсаж, она ехала домой, когда в Чипсайде какой-то человек, приблизившись к экипажу, осведомился, как пройти в Тауэр. Покуда она ему отвечала, другой человек подошел с противоположной стороны, схватил лежавший у нее на коленях сверток и пустился с ним наутек. Пришел от рассказанного в бешенство — но ничего не попишешь.

28 января 1663 года

Встал и, отправив жену к моей тетке (из ее окна хороший вид на площадь, где должны были повесить Тернера), — в присутствие, где просидел все утро. В полдень, по дороге на биржу, увидел, что на площадь валит толпа, справился и узнал, что Тернера еще не повесили. Посему вместе со всеми — на Леденхолл-стрит, в конец Лайм-стрит, где и было совершено ограбление, а оттуда — на Сент-Мэри-Экс, где он жил; там, заплатив шиллинг, забрался на колесо подводы и стал ждать, когда его вздернут. До казни оставался еще целый час, и Тернер тянул время, пускаясь в длинные рассуждения и читая молитвы, одну кончал, за другую принимался — надеялся на отсрочку, но нет, отсрочки не последовало, и он повис под перекладиной. Миловидный парень и хорошо держался — мне его стало жаль. Говорят, за его казнью наблюдало никак не меньше 12 000, а то и 14 000 человек. Вернулся домой — весь в испарине.

21 января 1664 года

Вот что поведал мне сегодня сэр Уильям Баттен. После того

как в Чипсайде за избиение своего хозяина к позорному столбу пригвоздили нескольких подмастерьев, сбежалась целая толпа, они освободили своих товарищей и вдобавок повалили столб; когда же порядок был восстановлен и провинившиеся водворены на место, история повторилась. Лорд-мэр и генерал-майор Браун принуждены были лично явиться на место происшествия, дабы утихомирить толпу; по всему Сити били в барабаны, сзывая ополченцев для предупреждения беспорядков в городе.

26 марта 1664 года

Только и разговоров что о вчерашней потасовке в Мурфилдс и о том, как мясники сначала побили ткачей (между ними давние счеты), а затем уже ткачи, собравшись с силами, одержали решающую викторию. Поначалу мясники расправлялись с ткачами, узнавая их по зеленым и синим фартукам, так что ткачам пришлось снимать их и прятать в карманы штанов. В дальнейшем же настал черед мясников снимать свои нарукавники, однако их это не спасло: им крепко досталось, некоторых избили в кровь. В результате ткачи праздновали победу. «Сто фунтов за мясника!» — победоносно провозглашали они.

26 июля 1664 года

В Вестминстер; по дороге то и дело попадались мне молочницы с увитыми гирляндами ведрами; танцуют, а впереди — скрипач. В Друри-Лейн видел красотку Нелли[34]: стоит в дверях своего дома в платье с оборками и не спускает со скрипача глаз. Чудо как хороша!

1 мая 1667 года

Между Излинггоном и Кингслэндом произошло сегодня странное происшествие: одна из запряженных в карету лошадей вдруг стала спотыкаться и чуть не упала — колер. Кучеру пришлось слезть с козел и надрезать лошади язык и укоротить хвост; лошадь, однако ж, продолжала дрожать, как в лихорадке, и кровь застыла у нее на языке — казалось, она вот-вот падёт. Но тут он сунул ей в ноздри табаку, лошадь чихнула, пришла вскоре в себя и довезла нас до места резвей прежнего. Ничего более поразительного я в своей жизни не видел, однако кучер сказал, что, когда у лошади колер, табак помогает.

18 августа 1667 года

Ехал в базарный день по Леденхолл-стрит и видел, как поймали женщину, которая украла с мясного лотка переднюю

часть бараньей туши и спрятала ее себе в корзину под тряпку. Шельму застали врасплох, и она не отпиралась; торговка же столь глупа, что мясо забрала, а саму воровку отпустила.

22 августа 1668 года

Развлечения

Дамы, я, капитан Петт и мистер Касл сели в барку и поплыли к «Монарху» — корабль произвел на нас большое впечатление; всю дорогу пели; среди прочих развлечений повел миледи (графиню Сандвич. — *А.Л.*), миссис Тернер, миссис Хемпсон и сестер Аллен на маяк, где стал их целовать, говоря, что беру, как полагается крупному чиновнику, поцелуями мзду, по поводу чего очень смеялись; выпили несколько бутылок вина, ели говяжий язык и пр. Засим — домой ужинать и, вволю повеселившись, — спать.

8 апреля 1661 года

В городе только и разговоров что о величайших соревнованиях по бегу, каковые имели место сегодня в Банстед-Даунз между Ли, ливрейным лакеем герцога Ричмондского, и неким кровельщиком, знаменитым бегуном. И Ли взял верх — хотя и государь, и герцог Йоркский, почти все ставили на кровельщика три, даже четыре против одного.

30 июля 1663 года

Велел жене побыстрее собираться, повез ее в экипаже на Варфоломеевскую ярмарку[35] и показал пляшущих на веревке мартышек, что было бы забавно, если б не являло собой зрелище довольно гнусное. Были там и лошадь с копытами, похожими на бараньи рога, и гусь на четырех ногах, и петух на трех. Оттуда — в другое место, где видели немецкие заводные игрушки: «Поклонение Деве Марии», а также несколько сюжетов из Ветхого Завета; главное же, там было море — с Нептуном, Венерой, русалками и Купидоном верхом на дельфине, причем море волновалось.

4 сентября 1663 года

Около часа дня — к Пови; сели обедать: я, он, его жена, которую я видел впервые (красивая старуха, на чьи деньги он живет, и живет неплохо!). После обеда спустились в новые его погреба; красиво: арки, приспособления под бочки и бутылки, в комнате по соседству — грот и фонтан, который летом будет чрезвычайно приятен. Надоедает, однако, наблюдать за тем, как он всем этим кичится, как все расхваливает и ждет, чтобы все восхищались его погребами, каковые, впрочем, весьма того заслуживают.

4 сентября 1663 года

Привлеченный расклеенными по городу афишами, отправился на Шу-Лейн поглядеть на петушиный бой, чего прежде не видывал ни разу. Боже, кого там только не было, народ самый разнообразный, от члена парламента Уайлдса (в бытность Робинсона лордом-мэром он был помощником коменданта Тауэра) до самых бедных подмастерьев; булочники, пивовары, мясники, ломовые извозчики и прочий сброд; кричат, сквернословят, поносят друг друга, бьются об заклад. Довольно скоро мне все это изрядно надоело, однако один раз побывать на подобном спектакле стоило; любопытно было наблюдать за этими несчастными созданиями, как отчаянно они сражаются, пока не падают на стол замертво, как наносят противнику удар, находясь уже на последнем издыхании, — ни смертельная усталость, ни тяжкие раны не дают им права пойти на попятный. Другое дело — домашний петух; стоит сопернику клюнуть его хорошенько, как он обращается в бегство, — такому ничуть не жалко свернуть шею. Этого же, лишись он даже обоих глаз, непременно сохранят для потомства, ведь от него родятся бойцы — столь же доблестные и беззаветные. И еще одно показалось мне любопытным: как это люди столь низкого достатка, у которых вид такой, будто им и на кусок хлеба не хватает, преспокойно ставят и проигрывают по три-четыре гинеи зараз, после чего, как ни в чем не бывало, ставят столько же на следующий кон, то бишь бой, спуская таким манером по 10, а то и 20 гиней за день.

21 декабря 1663 года

Посадил жену в карету и повез в Сити; обсуждали, как провести вечер, и я, подавив в себе желание пойти в театр, повез ее вместо этого в Уайтчепль и в Беднелл-Грин, а оттуда в Хэкни, где не был много лет, с самого детства. Оттуда в Кингслэнд, мимо дома моей няни тетушки Лоренс, у которой когда-то жил с братом Томом. В Ньюинггон-Грин видели дом миссис Херберт, здесь у нее жила тетя Эллен. Боже, как же нам в детстве все видится в розовом свете! Оттуда в Излингтон, в Сент-Джон, где в «Красном быке» заканчивался боксерский матч — бились в кровь, однако зрелище преотличное. Обратно в Излингтон, где обедали в «Голове короля» и пили за этот старый дом, где жил Питтс. Засим вновь через Кингслэнд в Бишопсгейт, а оттуда, очень довольные поездкой, — домой. Отужинали — и в постель.

25 апреля 1664 года

Встал очень рано, жена — тоже, собрались и около восьми, захватив несколько бутылок вина и пива и говяжьи языки, — к

нашей барке в Тауэр, откуда вместе с мистером Пирсом, его женой и сестрой, а также с миссис Кларк, ее сестрой и кузиной — в Хоуп; всю дорогу играли в карты, развлекались и очень веселились. В Хоуп приплыли около часа, показывал им корабли, угощались анчоусами и свиным окороком, и примерно через час, играя в карты и развлекаясь, — в обратный путь; в Гринвиче миссис Кларк, моя жена и я сошли на берег, я — в пивную, они — по делам; далее опять по воде; показал им прогулочную шлюпку короля, засим, уже в темноте, — домой в Бридж и, под дождем, пешком, — в Бэр, где посадил их в лодку, и — в Тауэрскую верфь, откуда — домой. Остался премного доволен компанией, особенно миссис Пирс — она прехорошенькая, лучшего личика я не видал за всю жизнь ни у одной женщины, ни молодой, ни старой, да и у младенца тоже. Кузина миссис Кларк отлично поет, однако держится излишне самоуверенно. Миссис Кларк тоже недурна, но слишком высокого о себе мнения; вдобавок любит покрасоваться, одевается меж тем дурно и излишне пестро. Барка мне, увы, обошлась очень дорого, что не может не огорчать. А впрочем, заплатить пришлось всего-то раз, зато теперь Пирс — мой должник.

6 июля 1664 года

По дороге домой заехал в Чаринг-Кросс посмотреть на Большого Голландца. Даже в шляпе я свободно прохожу у него под рукой и не могу дотянуться кончиками пальцев до его бровей, даже если встаю на цыпочки. Вместе с тем это красивый, хорошо сложенный мужчина, а жена его — миниатюрная, однако ж миловидная голландка. Верно, у него высокие каблуки, но не сказать чтобы очень, вдобавок он всегда носит тюрбан, отчего кажется еще выше, хотя, как уже было сказано, высок и без того.

15 августа 1664 года

Мистер Эвелин показал мне свои сады, каковые, по разнообразию зеленых растений и живой изгороди из остролиста, — лучшее, что я видел в жизни. Оттуда в его карете — в Гринвич, после чего — в присутствие; дорогой услаждали себя беседой о всевозможной растительности.

5 октября 1665 года

Днем в присутствии; вечером пригласили на пирог с олениной целую компанию: мистера Бейтлира и его сестру Мэри, миссис Мерсер, ее дочь Анну, мистера Ле Брюна и У. Хьюерса. Ужинали и очень веселились. Часов в девять — к миссис Мерсер, где ее сын и другие мальчишки ждали нас с шутихами и

воздушными змеями. Пускали фейерверки (вместе с леди Пенн, Пэгг и Нэн Райт) и развлекались до двенадцати ночи, обжигая друг друга и прохожих; вымазывали друг друга свечным жиром и сажей, покуда не стали черными, как черти; засим — ко мне, изрядно выпили, поднялись наверх и пустились танцевать (У. Бейтлир отлично танцует), после чего он, я и некто мистер Банистер (он со своей женой также к нам присоединился) переодевались в женское платье; Мерсер же, нарядившись под мальчика в костюм Тома, сплясал джигу, а Нэн Райт, моя жена и Пэгг Пенн нацепили напудренные парики. Веселье продолжалось до 3–4 часов утра.

День Благодарения, 14 августа 1666 года

После обеда с женой и Мерсером — в Медвежий садок, где я не был, если не ошибаюсь, много лет; наблюдал травлю быка собаками. Зрелище, надо сказать, дикое, преотвратное. С нами в ложе было немало хвастунов и забияк (и один, явно благородных кровей, спустился в яму и поставил деньги на собственную собаку, что джентльмену, по-моему, не пристало), и все пили вино, прежде всего за здоровье Мерсера, к чему я присоединился с большим удовольствием.

15 августа 1666 года

В Медвежий садок; народу набилось столько, что не протиснуться; пришлось идти через пивную и яму, где травят медведей. Влез на табурет и наблюдал за боем: сошлись мясник и лодочник, дрались они беспощадно. Инициатива с самого начала принадлежала мяснику, пока наконец лодочник не выронил шпагу, и мясник, то ли не заметив, что противник безоружен, то ли еще по какой причине, рассек ему запястье, так что больше лодочник драться был не в состоянии. Не прошло и минуты, как на площадку выбежала целая орава лодочников отомстить мяснику за запрещенный прием, и целая толпа мясников, дабы не дать в обиду своего товарища, хотя большинство собравшихся и ругало его; завязалась потасовка, в ход с обеих сторон пошли кулаки, палки, ножи. Смотреть на это было одно удовольствие, но я стоял в самом центре и боялся, как бы не досталось и мне. В конце концов дерущихся растащили, и я уехал в Уайтхолл.

27 мая 1667 года

Внезапно пришел Крид, и мы с ним — в лодку и по воде в Фоксхолл, а оттуда пешком в Спринг-Гарден; много народу, погода и парк превосходны. Ходить сюда и приятно, и ненакладно, расходы здесь невелики, можно и вовсе ничего не

тратить; слушаешь пенье соловья и других птиц, и не только птиц: тут тебе и скрипка, и арфа, и варган; слышен смех, прогуливается знать — смотреть одно удовольствие. Среди прочих попались мне на глаза две весьма миловидные девицы, гулявшие в полном одиночестве. Заметив это, несколько повес принялись их преследовать; бедняжкам пришлось спасаться бегством; стоило им, в целях безопасности, присоединиться к компании прогуливавшихся здесь же дам и господ, как преследователи отступились; наконец, они выбежали на берег, сели в лодку и исчезли. Подобная выходка возмутила меня, и, хоть драться я был не расположен, мне искренне хотелось прийти бедняжкам на помощь.

28 мая 1667 года

Встали с женой около четырех утра, стали собираться; пришла, как и договаривались, миссис Тернер; сидел и разговаривал с ней внизу, покуда жена одевалась, — собралась, отчего я был крайне раздосадован, лишь к пяти часам. Взяли с собой несколько бутылок вина и пива и холодную дичь и — в карету, запряженную четверкой лошадей, коей запасся я накануне. День выдался прекрасный, всю дорогу в Эпсом говорили без умолку, в основном про глупость и зазнайство миссис Лоутер: требует, чтобы за ней носили шлейф. Дорога прекрасная, хоть и пыльная. В Эпсоме — около 8 утра, вышли у целебного источника, где большое стечение народа. Воду пил только я. После обеда женщины, У. Хьюер и я — в Даунз, где паслось стадо овец: зрелище прелестное и вместе трогательное. Вдали от домов и людей сынишка пастуха читал своему отцу Библию. Попросил его прочитать какой-нибудь отрывок и мне, и мальчик принялся читать, как это бывает у детей, с искусственной интонацией, чем привел меня в восторг. Дал ему монетку и подошел к отцу, разговорились, оказалось, что в свое время он был слугой в доме моего кузена Пипса. Рассказал мне, что сталось с остальными слугами, и очень порадовался, что мне понравилось, как читает вслух его малыш. Стал молить за него Бога — настоящий библейский старец; потом еще дня два-три я размышлял на досуге, как же стар все-таки наш мир. На нем двухцветные шерстяные вязаные чулки и башмаки с железными набойками на носке и пятке и с большими гвоздями на подошве. На наш вопрос, к чему ему набойки и гвозди, пастух ответил: «В Даунзе, видите ли, полно камней, вот и приходится подбивать башмаки. Наступишь на камень — он и отлетит». Дал старику монетку, за что он долго меня благодарил, я же попробовал разбросать камни его пастушьим посохом. <…> Разговор с этим

бедным человеком доставил нам немалое удовольствие. На обратном пути миссис Тернер собрала в поле букет ноготков, красивее которых я в жизни своей не видел, после чего, сев в карету, проехали через лес мистера Меннза посмотреть на дом мистера Эвелина, а оттуда — в наш трактир. По дороге остановили бедную женщину с ведром молока, и я, подливая его в свой позолоченный бокал, пил, покуда не утолил жажду, — молоко лучше всяких сливок; потом — в трактир, где съел миску сливок — кислых, отчего ел без малейшего удовольствия. Засим, уплатив за постой, часов в семь вечера отбыли; дорогой наблюдали за тем, как прогуливаются на свежем воздухе люди — целыми семьями: муж, жена и ребенок. Солнце село, и мы, наслаждаясь вечерней прохладой, вспомнили события прошедшего дня. Миссис Тернер очень понравилось мое решение никогда не покупать загородный дом, а вместо этого иметь собственный выезд и иногда по субботам выезжать за город, сегодня в одно место, завтра в другое; такой досуг и разнообразнее, и обойдется дешевле, и хлопот доставит меньше. Меж тем совсем стемнело, и нам на глаза стали попадаться светлячки — очень красиво.

14 июля 1667 года

Отправился на теннисный поединок: принц Руперт и некий капитан Кук играли против Бэба Мэя и старшего Чичли; на матче, в котором встретились лучшие, по моему разумению, игроки королевства, присутствовали государь и весь двор. Но вот что примечательно: когда утром государь играл в теннис, я обратил внимание на весы, их несли за ним следом; как мне объяснили, весы эти предназначались для того, чтобы король мог после игры взвеситься; днем же мистер Ашбернхем сообщил мне, что государь, из чистого любопытства, имеет обыкновение взвешиваться до и после игры, дабы выяснить, насколько он похудел; в этот раз государь потерял четыре фунта с половиною.

2 сентября 1667 года

В Одли-Энд[36]; обошли не без удовольствия весь дом и сад. Дом и впрямь очень хорош, однако хуже, чем показался мне в первый раз. В особенности же нехороши потолки, расписаны куда хуже, чем у лорда-канцлера. Хотя с улицы дом кажется на редкость красивым, лестница внутри весьма жалкая. Картин очень много, но по-настоящему хороша только одна: портрет Генриха VIII кисти Гольбена (Гольбейна. — *А.Л).* Красивых портьер во всем доме — тоже ни одной, все старые, я бы у себя дома их ни за что не повесил, да и мебель, кровати и все прочее

тоже не в моем вкусе. А вот галерея хороша, особенно же винные погреба, куда спустились и выпили много отличного вина; прекрасные в самом деле погреба! Выпив, распевали с женой песни, а затем поднялись в сад и ели много винограда, взяли даже с собой, после чего отбыли восвояси, премного довольные увиденным, хотя и не в той степени, в какой можно было ожидать, — первое впечатление от дома оказалось обманчивым.

8 октября 1667 года

Встретился с мистером Брисбейном, и, коль скоро я давно уже вознамерился отправиться на Рождество в игорный дом (чего никогда прежде не делал), он отвел меня в дом королевского конюшенного, где игра начиналась около восьми вечера. Надо было видеть, сколь по-разному реагировали игроки на проигрыш: одни сквернословили и проклинали судьбу, другие лишь что-то бурчали себе под нос, третьи же и вовсе не выдавали своих чувств. Надо было видеть, как, на протяжении получаса, одним беспрерывно везло, другие же, напротив, не выиграли ни разу. Надо было видеть, с какой легкостью выигрывались и проигрывались 100 гиней (игра шла только на гинеи). Надо было видеть, как два-три пьяных джентльмена клали на кон один 22 монеты, другой — 4, третий — 5, а затем, увлекшись игрой, забывали, кто какую внес сумму, и тот, кто поставил 22 гинеи, пребывал в полной уверенности, что денег у него было ничуть не больше, чем у остальных. Надо было видеть, какое существует многообразие способов заговорить отвернувшуюся от вас фортуну: одни с важностью требовали подать им новые кости, другие пересаживались, третьи пытались бросать кости по-новому, не так, как раньше, — и все это делалось с необычайным усердием, словно от этого хоть что-то зависело. Надо было видеть, как иные (например, сэр Льюис Дайвз, в свое время великий игрок), не будучи в состоянии, как встарь, играть на широкую ногу, приходят лишь за тем, чтобы наблюдать за игрой. Надо было слышать, как они ругались и поносили судьбу; так, один джентльмен, который должен был выбросить «семерку» и никак не мог этого сделать, в сердцах закричал, что пусть он будет проклят, если ему впоследствии хотя бы раз удастся выкинуть «семерку», — столь велико было его отчаянье; другие же без всякого труда выбрасывали злополучную «семерку» по нескольку раз кряду. Надо было видеть, как люди самого благородного происхождения садятся играть с представителями низших сословий и как люди в самом затрапезном платье с легкостью проигрывают по 100, 200 и 300 гиней. <…> Я очень рад, что повидал все это, и надеюсь еще до окончания Рождества

зайти сюда вновь, когда смогу задержаться подольше, ибо настоящая игра начинается не раньше 11–12 ночи, что позволило мне сделать еще одно любопытное наблюдение. Один из игроков, который за самое короткое время выиграл немалую сумму (кажется, 100 гиней), чертыхаясь, заявил в ответ на поздравления: «Будь проклята эта удача! Она пришла ко мне слишком рано. Приди она часа через два, дело другое; но больше мне уже так не повезет, черт возьми!» Вот какому нечестивому, безумному досугу они предаются! Что же до меня самого, то я наотрез отказался испытывать судьбу, хотя Брисбейн уговаривал меня как мог, уверяя, что в первый раз не проигрывал еще никто, ибо Дьявол слишком коварен, чтобы отбивать охоту у новичка; он предложил мне даже 10 гиней в долг, дабы я мог рискнуть, однако я отказался и уехал.

1 января 1668 года

Отправился в Холборн, где лицезрел женщину с бородой, маленького роста — неказистую датчанку по имени Урсула Дайен; на вид ей лет сорок, голос как у маленькой девочки, а борода как у взрослого мужчины — черная, с проседью. Моей жене предложили представить дальнейшие доказательства, в коих отказывали присутствовавшим мужчинам, однако чтобы убедиться, что это и в самом деле женщина, достаточно было услышать ее голос. Борода начала у нее расти лет в семь и была впервые сбрита всего семь месяцев назад; сейчас же она густая, косматая, больше, чем у любого мужчины. Зрелище, признаться, странное и необычайно любопытное.

21 декабря 1668 года

День выдался ясный, но холодный и ветреный; с удовольствием смотрел на Медуэй — быстрая, бурная речка; места очень живописные. Оттуда в Медстоун, где давно уже хотелось побывать; бродил по городу, забрался на колокольню — вид оттуда красивее некуда; затем, спустившись, повстречал в городе старика чесальщика льна; зашел вместе с ним в амбар, дал ему денег и с интересом наблюдал, как он чешет лен, — никогда прежде ничего подобного не видел. Купил и отослал в наш трактир «Колокол» свежей рыбы. Обошел весь город, нашел его одним из самых красивых городов, где только приходилось бывать, — хоть он и невелик, люди в нем видные, приметные. Затем — в трактир, где отлично пообедал, после чего пригласил цирюльника: этим вечером надлежало мне быть у миссис Аллен, и, пробыв в трактире до четырех, отбыл. Ехал в одиночестве, по дороге вышел посмотреть на саксонский памятник — говорят, в

честь короля. Это три камня, поставленных стоймя, а четвертый, самый большой, положен сверху; памятник очень велик, хотя и меньше, чем в Солсбери[37]; сооружение очень древнее — хорошо, что повидал.

24 марта 1669 года

Церковь [38]

Во второй половине дня — в церковь. В ложе миссис Тернер жена обнаружила хорошую черную накидку и взяла ее себе. Неизвестный мне священник дурно читал проповедь, отчего я успел прочесть всю Книгу Товита[39].

5 февраля 1660 года

После ужина горячо спорил с матерью о религии — защищал вероучение, в котором родился.

4 марта 1660 года

<…> Епископ Чичестерский проповедовал в присутствии государя, проповедь получилась напыщенной и льстивой, что мне не понравилось: духовенству вмешиваться в государственные дела не должно.

8 июля 1660 года

В Вестминстерское аббатство, где доктора Фруена переводили в архиепископскую епархию Йорка. Здесь, в часовне короля Генриха VII, лицезрел епископов Винчестерского, Бангорского, Рочестерского, Батского, Уэллского и Солсберского — все в пышном одеянии. Но вот они вышли на улицу, и люди, в большинстве своем, воззрились на них так, словно это были какие-то неведомые существа; мало у кого в глазах читались любовь и почитание.

4 октября 1660 года

С сэром Уильямом Баттеном — в церковь, на нашу новую галерею (впервые открывшуюся и еще не достроенную)[40]; вслед за нами — сэр У. Пенн, мистер Дэвис и его старший сын. Поскольку женщин в тот день не было, разместились на передней скамье, а за нами — наши слуги; надеюсь, впрочем, так будет не всегда: не пристало нашим слугам сидеть рядом с нами, будто с равными.

11 ноября 1660 года

В экипаже из Чатема — в церковь в Гринвиче; хорошая проповедь, отличная церковь и великое множество красивых женщин.

13 января 1661 года

За обедом очень весело. Отчасти потому, что миссис Тернер и

ее компания на протяжении всего поста не съели ни кусочка мяса; я же наелся мясом до отвала, отчего у них слюнки текли.

26 марта 1661 года

В церковь. Перед проповедью, покуда пели длинный псалом, а потом половину следующего, церковный староста собрал то, что ему задолжали прихожане за прошлый год. (Я дал 3 шиллинга, а на прошлой неделе еще 2 — служке, дабы знать, сколько давать на следующий год, если Господу угодно будет, чтобы я жил так долго); забавно, однако, что служка поет 116-й псалом под мелодию 25-го, который спел только что. Очень смешно.

5 января 1662 года

С утра — в Уайтхолл, в часовню, где, благодаря мистеру Благрейву, занял место на его скамье и слушал проповедь доктора Крейтона, великого шотландца, который, в присутствии государя, герцога и герцогини, привел слова Михея: «…изгладит беззакония наши»[41]. Он прочел по этому поводу весьма умную проповедь, при этом с рвением презабавным; ничего смешнее я в жизни своей не слыхивал. Долго рассуждал о том, что в пост муж не должен возлечь с женой своей, что это было бы не меньшим грехом, чем в другое время оказаться в постели с чужой женой.

7 марта 1662 года

Утром в церковь, а оттуда домой, предоставив обоим сэрам У-мам (сэру Уильяму Баттену и сэру Уильяму Пенну. — *А.Л.)* идти к причастию. Что до меня, то, если не считать одного-двух раз в Кембридже, я не причащался никогда, в чем винюсь.

Пасха, 30 марта 1662 года

В Саутгемптоне на борту стоящей на якоре «Ласточки» слушал проповедь нашего морского капеллана. Грустно: нес вздор, да еще на дурной латыни — зато вознес молитву Господу во здравие достопочтенных господ офицеров.

Воскресенье, 27 апреля 1662 года

Заявился мистер Миллз, пастор; у меня он гость не частый, зато к другим наведывается чуть ли не каждый день; знает, бестия, где вкусно кормят и поят — у сэра У. Баттена.

9 июля 1662 года

Мне хотелось послушать последнюю проповедь доктора Бейтса, и я направился в церковь Святого Дунстана, которая из-за раннего часа (еще не пробило семи) была на замке; ушел и с час

гулял в саду Темпля. В восемь вернулся и вместе с остальными зашел с черного хода; когда двери открылись, церковь была уже наполовину полна. Взошел на галерею рядом с кафедрой и слышал все очень хорошо. Выбрал он «Бог же мира»[42], последнюю главу «Евреев», 20-й стих, и прочел превосходную проповедь, в которой было очень мало размышлений о дне сегодняшнем. Порадовала меня не только проповедь, но и прелестное женское личико — эту даму я не раз видел прогуливавшейся в Грейз-Инн. После обеда — вновь к Святому Дунстану; когда я пришел (ровно в час дня), церковь была уже забита до отказа, я вновь поднялся на галерею, но на этот раз всю проповедь простоял в толпе и вспотел чудовищно. <…>

17 августа 1662 года

Только и разговоров о том, что некоторые фанатики уверяют, будто близится конец света и будто настанет он в ближайший вторник, — отчего, когда бы он там ни наступил, Господь милосердный, спаси нас всех.

25 ноября 1662 года

Поехал к брату, где какой-то человек молился перед едой так долго, как будто возносил молитву в церкви. Думаю, он большой хитрец, однако по просьбе брата дал ему крону, ибо человек он нуждающийся. <…>

30 мая 1663 года

Засим в церковь, где проспал всю проповедь под гнусный голос шотландца, заунывно вещавшего с кафедры.

21 июня 1663 года

Пока мы разговаривали, констебли привели несколько несчастных, которых задержали в сектантской молельне. Идут, точно овцы, не оказывая никакого сопротивления. Я так думаю: либо признавай авторитет церкви, либо уж будь умнее и не попадайся.

7 августа 1664 года

В Сент-Джеймский парк, в часовню королевы, где присутствовал на их службе и слушал их музыку, каковые вовсе не столь отвратительны, как многим из нас представляется. Мне их музыка даже кажется приятной — уж лучше, чем антифон, который слышал в Уайтхолле на обратном пути. Дождался, покуда государь спустится к причастию; стоял вместе со всеми и видел — впервые в жизни, — как он причащается. Признаться,

между нашей службой и католической я особой разницы не вижу — разве что убранство нашей церкви не столь богато, да и служба в часовне королевы более торжественная.

15 апреля 1666 года

Встал и с женой в церковь, где мистер Миллз прочел никчемную проповедь о первородном грехе, смысл которой не понял ни он сам, ни его прихожане.

10 февраля 1667 года

В церковь в Патни, где повстречал много школьниц, из коих хорошеньких — считанное число. <…> Проповедь превосходна, публика — тоже, я, однако ж, все время боролся со сном, был не в себе, уронил шляпу в проем под кафедрой, каковую, впрочем, когда служба кончилась, извлек с помощью длинной палки и служки. <…>

28 апреля 1667 года

В Вестминстер-Холл; полно народу — сегодня государь выступает в парламенте. Чрезвычайное происшествие: некто, квакер, прошествовал обнаженный через Холл. Только набедренная повязка — да и то, чтобы избежать скандала. На голове сковорода, символизирующая адские муки. Пересек залу, крича: «Покайтесь! Покайтесь!»

29 июля 1667 года

Шел в направлении Уайтхолла, но почувствовал усталость и свернул в церковь Святого Дунстана, где прослушал толковую проповедь местного проповедника. Стоял подле хорошенькой, скромной девушки, все время пытался взять ее за руку, хотел прикоснуться, однако она не давалась и отступала все дальше и дальше, пока наконец не достала из кармана булавки, чтобы уколоть меня, если я дотронусь до нее вновь. Увидев это, я воздержался от дальнейших попыток, довольный тем, что вовремя разгадал ее замысел. Тут взгляд мой упал на другую хорошенькую служанку, сидевшую от меня неподалеку; обратила на меня внимание и она. Подошел к ней и взял ее за руку; руку отняла, однако не сразу. Но тут проповедь кончилась, а с ней и мое любовное приключение.

18 августа 1667 года

Через парк в часовню королевы, где протиснулся почти до самого ограждения и, набравшись терпения, простоял с девяти вечера до двух ночи в огромной толпе. Ожидал чего-то

необычного, диковинного, а попал на самую обыкновенную торжественную мессу. Была королева и кое-кто из придворных дам. Боже, как странно ощущать себя частью разношерстной толпы: вот лакей, а вон нищий, рядом с ним знатная леди, за ней набожный католик, бедный малый, а там протестант — и не один, а сразу трое. Все время боялся, как бы мне не обчистили карманы. Их музыка и в самом деле очень хороша, зато служба, признаюсь, слишком легкомысленна, воспринимать ее всерьез трудно. И то сказать, одной рукой они перебирают четки, а другой — жестикулируют, делают знаки, помахивают в такт музыке — и это в самой середине своей мессы. При этом все очень богато и красиво. Католики, в большинстве своем, весьма предусмотрительны: берут с собой подушечки, на которые опускаются, когда молятся; у меня такой не было и становиться на колени было очень больно. <…>

24 декабря 1667 года

Вернулся в церковь и послушал хорошую проповедь мистера Гиффорда: «Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам»[43]. Отлично, убедительно, к тому же высоконравственно; в своей проповеди умно показал, что богатства верней добиться праведностью, нежели грехом и злодейством.

23 августа 1668 года

С мистером Шепли, мистером Муром и Джоном Боулсом — в Рейнскую кофейню; туда явился к нам Джонас Мур, математик. Весьма убедительно рассуждал о том, что когда-то Англия и Франция были одним континентом. Коснулся многих предметов, и не столько для того, чтобы доказать ошибочность Священного Писания, сколько давая понять, что те времена мы просто плохо себе представляем. Оттуда в лодке домой, переоделся в черный шелковый камзол (в этом году надеваю его впервые) и в экипаже к лорду Мейорсу, где достойнейшее общество и очень весело. За столом имел весьма поучительную беседу с мистером Ашмолом — уверял меня, что лягушки, равно как и многие насекомые, часто падают прямо с неба уже целиком сформировавшимися.

23 мая 1661 года

Часов в одиннадцать утра специальный уполномоченный Петт и я — в Клуб хирургов (нас туда пригласили, пообещав накормить обедом), где нас провели в зал, куда вскоре явился лектор, доктор Терн, в окружении учителей и студентов. Когда все сели, приступил к своей лекции, второй по счету, о почках, мочеточнике и половых органах. По окончании этой, весьма поучительной лекции направились в здание клуба, где был накрыт превосходный ужин; за столом сидели многие ученые мужи — отнеслись к нам с почтением. После ужина доктор Скарборо повел нескольких своих друзей (а с ними и меня) посмотреть на покойника, здоровенного малого, моряка, которого повесили за грабеж. Из покойницкой — в отдельную комнату, где, насколько я понял, препарируют тела; там: почки, мочеточники, половые органы, камни, семенные канатики, — все то, о чем читалась сегодняшняя лекция. По моей просьбе, каковую поддержали все собравшиеся, доктор Скарборо растолковал нам причину каменной болезни и способ удаления камней[44], а также каким образом семя попадает в половые органы, а вода, через три слоя, — в мочевой пузырь — именно так, как рассказывал мне бедный доктор Джолли. Оттуда, к вящему моему удовольствию, вернулись к столу, откуда, после продолжительной беседы, вновь отправились на лекцию, на этот раз посвященную сердцу, легким и пр. После чего разъехались.

27 февраля 1663 года

Прежде чем уснуть, сидел до двух ночи у себя в комнате и изучал «Наблюдения в микроскоп» мистера Гука, наиболее

оригинальное сочинение из всех, что мне доводилось читать.

21 января 1665 года

В полдень обедал в Тринити-Хаус, а оттуда — в Грешем-колледж[45], где мистер Хук прочел свою вторую, весьма любопытную лекцию о недавней комете, доказывая, между прочим, что, очень может статься, это та же самая комета, что появилась еще в 1618 году, и что в такое же время она появится вновь, — суждение, следует признать, весьма оригинальное. Все это, впрочем, будет в печати. Затем — на собрание, где двух сыновей сэра Дж. Картерета и сэра Н. Слэни должны были принять в Общество. Сегодня заплатил вступительный взнос — 40 шиллингов. Имели место прелюбопытные беседы, равно как и эксперименты, однако мне не хватает разумения понять их, а потому ничего почти не запомнил. Среди прочего очень интересное сообщение о том, как пекут несколько сортов хлеба во Франции, чей хлеб по праву считается лучшим в мире.

1 марта 1665 года

<…> Сэр У-м Пегги известил меня со всей серьезностью, что в завещании отписывает часть имущества тому, кто смог бы изобрести то-то и то-то, например выяснить, каким образом молоко поступает в женские груди, а также тому, кто смог бы объяснить, отчего вкусы наши разнятся. Заявил, что тому, кто изобретет золото, не даст ничего, ибо, говорит он, «те, кто нашел золото, сами смогут себя содержать». «Если уж на то пошло, — говорит, — лучше платить за лекцию, ведь тогда мои душеприказчики будут хотя бы знать, за что они платят». Затем — в Грешем-колледж, где видел, как чуть было не умертвили котенка (умертвлять его, собственно, никто не собирался), выкачав воздух из сосуда, куда его посадили; когда же сосуд вновь наполнили воздухом, котенок тут же ожил. <…>

22 марта 1665 года

У лорда Браункера; весь вечер наблюдал за тем, как его светлость разбирает и собирает часы, в результате чего выучился тому, чего никогда прежде не знал. Наука весьма полезная, очень рад, что наконец-то овладел ею.

22 декабря 1665 года

<…> пообедал в таверне вместе с доктором (доктор Чайльд. — *А.Л.),* сел в карету и — в Итон. Оставил жену в карете и, вместе с доктором, — в колледж, который очень понравился. Школа хорошая, хорош и обычай вырезывать перед отъездом в

Кембридж свои имена на подоконнике. Многие из тех, чьи имена на окне, стали со временем ректорами и членами совета колледжа. В холле, на стене — стихи школьников, у них de peste[46] обычай сочинять стихи на Масленицу. Прочел несколько — все очень складные, лучше, чем в бытность свою школьником писал я; писаны на свитках, которые гораздо длиннее школьного холла. Здесь же картина с видом Венеции, а под ней барельеф сэра Х. Уотгонса, подарившего картину колледжу. Оттуда — в дом привратника, в его отсутствие выпили школьного пива, очень вкусного, после чего — на площадку для игры в мяч. Расстался с доктором, сел в карету и, довольный поездкой, но изрядно уставший, — домой. Дома — в 8 вечера, недолго просидел у себя и — в постель.

26 февраля 1666 года

В полдень — на обед в «Папскую голову», где лорда Браункера (и его госпожу), а также уполномоченного Петга, доктора Чарлтона и меня угощал пирогом с олениной сэр У. Уоррен. Доктор Чарлтон пустился в очень любопытные рассуждения о том, что всякое живое существо получает от Природы зубы в соответствии с той пищей, которую она для него предназначает. И что зубы человека, таким образом, предназначены не для мяса, а для фруктов. И что он без труда может определить пищу неизвестного зверя по его зубам. На это лорд Браункер возразил, что у живых существ пища выбирается в зависимости от зубов, а не зубы растут в соответствии с потребляемой пищей. Тут доктор справедливо заметил, что все живые существа с самого начала, причем совершенно бессознательно, отдают предпочтение одной пище перед другой. И что все дети любят фрукты, мясо же поначалу едят с неохотою. Оттуда с лордом (Браункером. — *А.Л.)* в Хайгейт; по дороге рассказывал мне о принципах оптики, а также о том, почему предмет может казаться меньше или больше. И о том, как предмет уменьшается в зависимости от расстояния. И что определяется расстояние не глазом и не какими-либо оптическими законами, а исключительно логикой, сопоставлением одной точки на местности с другой. Каковое объяснение доставило мне огромное удовольствие и просветило меня чрезвычайно.

28 июля 1666 года

Вскоре, как мы и договаривались, явился мистер Ривз, а за ним мистер Спонг; провел с ними целый день, до и после обеда, до 10 часов вечера; говорили об оптике, он принес раму с

закрытыми ставнями, чтобы показать, как пересекаются лучи света, — в темной комнате это очень красиво. Принес также фонарь с рисунками на стекле, и на стене появились причудливые очертания — красиво. Когда стемнело, видели в мою двенадцатифутовую подзорную трубу Юпитер с его кольцом и спутниками — но не Сатурн: он очень темный. В тот же день вели долгие беседы о планетах, в частности, о том, почему звезды не подымаются и не садятся весь год в один и тот же час, чего он, равно как и я, объяснить не мог. Поскольку было уже поздно, они отужинали и уехали домой. Я же задумался над тем, что Ривз, который демонстрирует всевозможные опыты со стеклами и отражениями, понимает, как это происходит, лишь на практике, но нисколько не разбирается в теории — и не в состоянии объяснить ее другим, что представляется мне скудоумием несколько странным.

19 августа 1666 года

В «Папскую голову»; великолепный ужин, великолепная беседа. <…> Доктор Крун рассказал мне, что сегодня вечером в Грешем-колледже присутствовал на любопытном эксперименте: кровь одной собаки переливали (пока она не издохла) другой, лежавшей рядом, собственную же кровь второй собаки слили тем временем на землю. Первая собака умерла на месте, другая же чувствует себя отлично и, по всей вероятности, будет чувствовать себя так же хорошо и в дальнейшем. Этот эксперимент навел меня на мысль о том, что не худо было бы перелить кровь квакера архиепископу и так далее. Как замечает доктор Крун, плохую кровь можно улучшить, позаимствовав здоровую, что является огромным подспорьем для поддержания человеческой жизни

14 ноября 1666 года

Доктор Уистлер рассказал забавную историю <…> о докторе Кейусе, том самом, что основал Киз-колледж (Кейус-колледж, Кембридж. — *А.Л.)*. Будто бы в глубокой старости доктор Кейус питался одним женским молоком и, покуда пил молоко злой, сварливой женщины, и сам был злым и сварливым; когда же ему посоветовали отведать молока женщины добродушной и терпеливой — сделался добродушен и терпелив, что в его возрасте случается весьма редко. Вот что значит правильное питание — к такому выводу мы пришли. Беседа получилась необыкновенно интересной, и я подумал: если почему-либо лишусь места, то буду свободен и смогу наслаждаться обществом сих джентльменов.

21 ноября 1667 года

<…> Здесь подобралась отличная компания, и я изъявил желание сесть подле доктора Уилкинса, сэра Джорджа Энта и других, кого я высоко ценю. Разговор зашел о нескольких вещах, и доктор Уилкинс, заговорив о всеобщем языке, о чем у него в самом скором времени должна выйти книга, разъяснил мне, что человек создан для общества, ибо изо всех живых существ наименее способен себя защитить, и, в отличие от зверенышей и птенцов, наши дети совершенно беспомощны; если не подсунуть им сосок, они не в состоянии сами найти его и умрут, если мать не придет им на помощь. Говорит, что, если бы не речь, человек был бы существом весьма жалким.

30 ноября 1667 года

В Игл-Корт на Стрэнде, где встретился с хирургом мистером Пирсом, а также с доктором Кларком, Уолдроном, моим глазным врачом Тербервиллом и Лаури. С огромным удовольствием присутствовал при разрезании глаз у овец и быков — многое почерпнул. Странно, однако ж, что такой великий человек, как Тербервилл, до сих пор ни разу не видел, как разрезают глаза, и пожелал, чтобы д-р Лаури предоставил ему возможность посмотреть, как это делается.

3 шюля 1668 года

Предрассудки

В Хилл-Хаус в Чатеме, где я никогда не бывал прежде. Дом весьма недурен, равно как и висевшее по стенам оружие. Отлично поужинали и поздно легли спать. Рассказы сэра У-ма (Баггена. — *А.Л.)* о том, что его предшественник, старый Эджбороу, недавно скончался и теперь дух его является в моей комнате, несколько меня смутили, но не особенно, ибо я принял все это за шутку. Итак, я лег спать в покоях казначея около трех ночи и, вскоре после того проснувшись, увидал при свете луны, что моя подушка, которую я сбросил во сне, стоит на полу стоймя, что, признаться, вывело меня из равновесия. Но со временем сон победил страх, и я проснулся поздним утром от треска поленьев в камине и от запаха жидкой овсянки.

8–9 апреля 1661 года

В полдень — к лорду Кру, где обедал некий мистер Темплер (человек любопытный и, как кажется, весьма достойный); пустившись в рассуждения о змеях, поведал нам, как на Ланкаширской пустоши они питаются жаворонками, делая это следующим образом: заметив, что жаворонок поднялся высоко в небо, змеи ползут на то место, которое находится в точности под ним, после чего задирают голову как можно выше и выпускают в птицу яд — как бы то ни было, жаворонок начинает, кружась в воздухе, падать вниз и попадает прямиком в пасть змеи, что представляется мне чрезвычайно странным.

4 февраля 1662 года

Капитан Меннз и другие капитаны, сидевшие с нами за столом, сообщили мне, что негры-утопленники становятся белыми — черная их кожа после смерти светлеет. Слышу об этом впервые.

11 апреля 1662 года

С капитаном Феррером в Чаринг-Кросс, где в таверне «Триумф» он указал мне на нескольких португальских дам, что приехали в Лондон перед прибытием королевы (Екатерины Браганцы. — *А.Л.).* Они некрасивы и юбки носят с фижмами, что странно. Многие дамы и знатные господа приезжают на них поглядеть. Мне они не по вкусу. Уже, что заметно, научились целоваться и не прячут глаз; скоро, надо думать, перестанут быть затворницами, каковыми были у себя на родине. Очень жалуются на отсутствие хорошей питьевой воды.

25 мая 1662 года

За обедом и после оного долгое время говорили о привидениях, их происхождении и коварстве, а также о том, способны ли они оживлять мертвецов, к чему, равно как и к существованию духов вообще, господин мой лорд Сандвич отнесся весьма скептически. Говорит, что единственное привидение, в которое он поверил, был Уилтширский дьявол, о коем в последнее время много разговоров и который известен тем, что громко бьет в барабан. О нем немало пишут, и, кажется, весьма достоверно. Но мой господин заметил, что, хоть и считается, что Уилтширский дьявол отвечает на любую мелодию, которую ему играют, ему он, как ни старался, подыграть не смог, что вызывает подозрение в его существовании, — и, как мне представляется, аргумент этот здравый.

15 июня 1663 года

После завтрака (в Вулидже. — *А.Л.)* мы с мистером Каслом двинулись пешком в Гринвич и по пути встретили цыган, которые, по обыкновению, предложили предсказать судьбу. В конце концов я согласился, и цыганка, как водится, наговорила мне множество самых заурядных вещей, однако предупредила, чтобы я поостерегся Джона и Томаса, ибо они хотят причинить мне вред. И добавила, что на этой неделе ко мне придут просить в долг, но чтоб я не давал. За это цыганка получила с меня девять пенсов, и мы расстались.

22 августа 1663 года

Пешком в Редрифф, а оттуда домой. По дороге обогнал двух нищих, похожих на цыган, и вспомнил, что мне нагадали цыгане восемь или девять дней назад: ко мне придут просить в долг и чтобы я не давал. И вот когда я явился в присутствие и заглянул в свой журнал, то увидел там письмо от моего брата Тома, которое принес мой брат Джон и в котором Том просил у меня в долг еще 20 гиней, что привело меня в такое бешенство, что я не утерпел и послал письмо отцу в деревню, рассказав о случившемся.

3 сентября 1663 года

Сегодня вечером говорили с мистером Брисбейном о магии и заклинаниях. Делились опытом: я рассказал ему о заговорах, известных мне, он — о том, что видел собственными глазами в Бордо, во Франции.

В Бордо он увидел четырех девочек, совсем еще маленьких, все четверо стояли, преклонив колена; первая шептала на ухо

второй первую строчку заклинания, вторая — третьей, третья — четвертой, а та — первой. Потом первая принималась шептать вторую строчку — и так все четверо по очереди. Вот слова этого заклинания:

Voicy un corp mort
Royde comme un baston
Froid comme marbre
Leger comme un esprit.
Levons te au nom de Jesus Christ[47].

При этом каждая указывала пальцем на мальчика, что лежал навзничь на спине, словно мертвый. В конце заговора им удалось, указывая на мальчика пальцами, поднять его так высоко над землей, что сами они с трудом могли до него дотянуться. Пораженный увиденным (а также изрядно испугавшись, ибо девочки хотели, чтобы и он тоже принял участие в заклинании и повторял за ними слова; кроме того, самой младшей было так мало лет, что ее с трудом заставили затвердить текст), мистер Брисбейн, заподозрив, нет ли здесь мошенничества со стороны мальчика, который к тому же весил очень мало, позвал домашнего повара, здоровенного детину, ничуть не меньше, чем повар сэра Дж. Картерета, — и девочки оторвали его от земли с той же легкостью. Признаться, ничего более странного я в своей жизни еще не слышал, однако он изложил мне то, что видел собственными глазами, и у меня нет никаких оснований ему не верить. Я поинтересовался, кто были эти девочки, католички или протестантки, и он ответил, что протестантки, что поразило меня еще больше.

31 июля 1665 года

Обедал в очень веселой компании. Среди прочего, много говорили о лондонском пожаре и о пророчестве Нострадамуса, чьи стихи напечатаны в «Книжном альманахе» за этот год. По этому поводу сэр Дж. Картерет рассказал, как, находясь при смерти, он (Нострадамус. — *А.Л.)* взял с горожан клятву, что после его похорон прах его не будет потревожен; однако спустя шестьдесят лет они все же откопали его гроб, открыли его и на груди обнаружили медную табличку, где говорилось, какими дурными и лживыми были жившие в этом городе люди, раз они, после стольких клятв и заверений, осквернили его прах в такой-то день, год и час, — что если и верно, то очень странно.

3 февраля 1667 года

С сэром У. Пенном в карете — в Излингтон, в «Королевскую голову», где нас, а также двух братьев мистера Лоутера ждали его (У. Пенна. — *А.Л.*) супруга, а также мадам Лоутер и ее свекровь; потчевали только пирогом с голубятиной, ради чего не стоило и приглашать столь большую компанию; однако после обеда мы развлеклись вволю, ибо пришел фокусник, который показал нам такие фокусы, каких я за всю свою жизнь не видел ни разу. Ловкость рук его была такова, что жена моя твердит без умолку, что никогда не поверит, чтобы здесь не был замешан дьявол.

24 мая 1667 года

Все утро в присутствии, а в полдень обедал вместе с клерками; от них и узнал, что в городе все говорят о метеоре или каком-то пламени, пронесшемся в субботу над городом; тут я вспомнил, что тем вечером, закончив писать, прогуливался в одиночестве по саду и вдруг заметил перед собой сноп света, пронесшийся из-за спины, повернул голову и увидел, как по небу, в сторону Чипсайд-Уорда, пронеслось и исчезло белое пятно, похожее издали на огненное пламя. Тогда я стал соображать, нет ли сегодня какого праздника, и принял пламя за шутиху, хотя оно и было гораздо ярче любой шутихи, после чего больше об этом не думал. Однако мистер Хейтер и Гибсон, которые возвращались в тот вечер домой, встречали по пути многих, кто удивлялся увиденному; пламя видели и в Сити, и за его пределами; прошел даже слух, будто город объят пламенем и католики собираются перерезать всем нам глотки — от чего избави нас Бог.

21 мая 1668 года

В полдень — на биржу, где было много моряков, в том числе капитан Каттл, Кертис и Мутэм; пошел с ними в таверну «Золотое руно», где до четырех часов выпивали и рассказывали истории про Алжир и про то, как там живут рабы. Капитан Мутэм и мистер Доз (и тот и другой попали туда в рабство) подробно рассказали о том, как с ними обращались. Как ничего, кроме хлеба и воды, не давали. Как при освобождении взяли с них много денег за ту воду, какую они выпили из городских фонтанов, пока находились в рабстве. Как их били по пяткам и по животу по милости их padron[48]. Как загоняли в хозяйский подвал, где им приходилось всю ночь лежать на каменном полу. Рассказывали, что чем бедней хозяин, тем лучше он относится к своим рабам. Что хорошо живется ворам и проходимцам, если они делятся ворованным со своими хозяевами, которые за это не заставляют их работать. И что воровство в тех краях вовсе не считается преступлением.

8 февраля 1661 года

Обедали с капитаном Ламбертом и беседовали о Португалии, откуда он недавно прибыл. Говорит, что место это очень бедное и грязное, речь идет о Лиссабоне — городе и королевском дворе. Что король очень груб и примитивен; не так давно за то, что он оскорбил какого-то дворянина, назвав его «рогоносцем», его чуть было не отправили на тот свет; ему устроили засаду и наверняка пронзили бы шпагой, не скажи он им, что он их король. Говорит, что в окнах там нет стекол — нет и не будет. Что королю прислуживает дюжина ленивых охранников, носят ему за отдельный стол мясо, порой в глиняных мисках, а иногда ничего, кроме фруктов, и время от времени полкурицы. И что сейчас, когда их Инфанта станет нашей королевой[49], ей будут подавать целую курицу или гуся, что для нее в диковинку.

17 октября 1661 года

К сэру Уильму Баттену, где зашел разговор об обычае избрания герцога Генуэзского, который правит два года и которому, точно королю, каждодневно прислуживают 400–500 человек. Когда же срок истекает и избирается новый герцог, к старому посылается гонец, который, становясь у подножья лестницы и глядя на него снизу вверх, обращается к нему со следующими словами: «Vostra Illustrissima Serenidad sta finita et puede andar en casa», что означает: «Срок Вашей светлости

завершился, и теперь вы можете идти домой», после чего гонец с поклоном снимает шляпу, и старый герцог (по традиции он уже отослал вещи домой) покидает дворец, порой в сопровождении всего одного слуги, а на его место с величайшей торжественностью воцаряется его преемник. Согласно другой рассказанной нам истории, в герцогстве Регуэзском на Адриатике (государство небольшое, но, говорят, более древнее, чем Венеция, считается матерью Венеции, и турки обложили его со всех сторон) начальника дворцовой охраны меняют, опасаясь заговора, каждые 24 часа, с тем чтобы никто не знал, кто будет во главе стражи следующей ночью. Обычай таков: за вами приходят два человека, хватают вас, словно преступника, и отводят во дворец, где и вручают ключи <…>

11 января 1662 года

По словам Стокса, невзирая на то, что в Гамбо (Гамбии. — *А.Л.*) столь нездоровый климат, жители этой страны живут очень долго и ныне здравствующему монарху 150 лет, каковые считаются у них по дождям, ибо каждый год дожди идут четыре месяца кряду. Сообщил нам также, что тамошние монархи имеют по сто жен каждый и царь Гамбо предложил ему любую свою жену на выбор. Его предложением воспользовался капитан Холмс.

16 января 1662 года

Сегодня капитан Кок поведал мне, между прочим, с каким презрением относятся к ремеслу палача в Польше, хотя у страны этой доброе имя. В свое время, рассказал он, деревянные виселицы задумали там переделать в каменные, однако строители от такой работы отказывались до тех пор, пока в одном городе не было организовано торжественное шествие с флагами и сам бургомистр, в парадных одеждах, в присутствии всех строителей, не подошел к деревянной виселице и не ударил по ней молотком <…>, дабы каменщикам не стыдно было применить свое искусство для перестройки виселиц.

3 августа 1662 года

Сэр У-м Райдер рассказал мне историю о том, как однажды молния ударила в генуэзскую галеру под Ливорно с такой силой, что мачта разлетелась в щепы, а цепь на ноге одного из рабов расплавилась, ногу, впрочем, не повредив. Сэр У-м поднялся на борт и стал уговаривать освободить раба, которого освободило само Провидение, однако это ему не удалось, и раба вновь заковали в кандалы.

26 июня 1663 года

В Мурфилдсе встретил мистера Парджитера, с коим долго гуляли по полям <…>, беседуя главным образом о России, каковое государство, по его словам, — место весьма печальное. И хотя Москва город громадный, люди там живут бедно, дома, между коими огромные расстояния, тоже бедные, даже император и тот живет в деревянном доме; занятия же его сводятся к тому, что он напускает на голубей ястреба, который гонит их миль на десять-двенадцать, после чего бьется об заклад, какой из голубей быстрее вернется домой. Всю зиму сидят по домам, некоторые играют в шахматы, остальные же пьют. Женщины там ведут жизнь рабскую. Во всем императорском дворце не найдется, кажется, ни одной комнаты, где бы не было больше двух-трех окон, из них самое большое не больше ярда в ширину или в высоту — дабы зимой тепло было. От всех болезней там лечатся парильнями; те же, кто победнее, забираются в заранее нагретые печи и там лежат. Образованных людей мало, по-латыни не говорит никто, разве что министр иностранных дел, да и тот при необходимости.

16 сентября 1664 года

Беседовал с капитаном Эрвином об Индии, где он часто бывал. Рассказал, между прочим, что тамошнего царя Сиама обычно сопровождает около тридцати — сорока тысяч человек и ни один из них не смеет в его присутствии хмыкнуть или кашлянуть. Говорит, что преступникам там не отрубают голову, а срезают верхнюю ее часть, да так искусно, что у несчастных обнажаются мозги, от чего они немедленно умирают. По его словам <…>, в присутствии государя всем надлежит пасть ниц и под страхом смерти не поднимать на него глаз. Когда Эрвину и его товарищам оказали как иноземцам честь, пригласив их наблюдать за охотой на дикого слона, они встали на колени и не сводили с монарха взгляд, однако их переводчик настаивал, чтобы они пали ниц, ибо боялся, что за вольности иноземцев будет наказан он. Когда охота завершилась, от монарха явился гонец, и переводчик счел, что его собираются казнить, однако царь всего лишь прислал узнать, понравилась ли чужеземцам охота, на что переводчик отвечал, что ничего лучшего они в жизни своей не видали и считают Сиама величайшим из монархов. Когда гонец удалился, Эрвин и его товарищи поинтересовались у переводчика, что он сказал, и, когда тот ответил, спросили: «Зачем ты сказал неправду, не спросив у нас разрешения?» — «Я должен был сделать это, — отвечал переводчик, — иначе бы меня повесили, ведь наш царь предпочитает мясу и вину лесть».

17 августа 1666 года

Забавно было слышать, как мистер Проджерс, без всякой инициативы с моей стороны и нисколько не стыдясь, рассказал историю о том, как в Испании он завел себе хорошенькую любовницу, каковую, когда деньги у него кончились, он вынужден был бросить, и впоследствии услышал, что она с мужем живет очень хорошо, ибо взяла себе в любовники богатого старика. Иное дело, заметил он, жены наших пасторов: эти целыми днями болтаются без дела, не принося пользы своим мужьям и не помогая бедным; и не только жены пасторов, но и высших духовных лиц, — с чем я, со своей стороны, при всем желании не мог не согласиться.

17 февраля 1667 года

Лорд Арлингтон много рассказывал о непритязательности испанцев: король и знатные господа носят плащи из грубого сукна, а дамы, даже в самую холодную погоду, — мантильи из белой фланели. И что все попытки наладить производство этих материй в стране сводятся на нет святой инквизицией: англичане и голландцы, коих посылают в Испанию, попадают за чтение Псалтыря или Ветхого Завета в лапы инквизиции, и даже самый знатный вельможа умолкает, стоит только упомянуть слово «инквизиция».

24 февраля 1667 года

Обедал с Ширзом; долго и увлекательно рассказывал о церемонности испанцев; какое бы радостное или печальное событие ни происходило в доме знатного вельможи, посол обязан откликнуться либо en hora buena (в случае свадьбы или рождения младенца), либо pesa me[50] (если речь идет о смерти ребенка или других несчастьях). <…>. Он говорит, что месть за оскорбление не только не преследуется законом, но считается делом чести; получивший оскорбление не вправе появляться на людях, покуда он за себя не отомстил <…>; некоторые следовали за своими врагами в Индию (в данном случае в Вест-Индию. — *А.Л.*), оттуда в Италию, из Италии во Францию и обратно, ища возможности отомстить. Говорит, что мой господин[51] вынужден был долгое время хранить у себя письмо герцога Йоркского королеве Испании, прежде чем счел возможным передать его по назначению; а все оттого, что на конверте значилось «Моему двоюродному брату», и он не знал, сочтет ли королева возможным вскрыть его. Говорит, что многие испанские дамы, узнав, что они беременны, не выходят из своих покоев и даже не

встают с постели, покуда не настанет время рожать, — до того они чопорны. Говорит, что влюбленные поют под окном серенады и что встречаться им негде, разве что в церкви, на мессе; что при дворе не бывает ни балов, ни выхода короля или королевы — все живут, точно в монастыре.

27 сентября 1667 года

Курьезы

Лаллен рассказал мне, как одна хорошенькая женщина, что держит в начале Чипсайда магазин детских вещей и мне уже давно приглянулась, стала жертвой леди Беннет (известной шлюхи), которая, придя к ней в лавку и притворившись, что лишилась чувств, с ней познакомилась, завоевала ее доверие и в конце концов свела ее с одним дамским угодником, нанявшим леди Беннет специально для того, чтобы она добыла ему эту несчастную крошку.

22 сентября 1660 года

Мистер Кристмас, мой одноклассник, напомнил мне, что мальчишкой я был отъявленным «круглоголовым», и я здорово испугался, как бы он не вспомнил, что я сказал в день казни короля. Будто, читая проповедь, я тогда изрек: «Память о нечестивых да омерзеет!»[52] Впоследствии я выяснил, что он ушел из школы раньше и помнить этих слов не может.

1 ноября 1660 года

После обеда — в театр, где вновь посмотрел «Падшую», которая в этот раз понравилась мне больше, чем раньше. Поскольку сидел я в глубине ложи и был невидим, какая-то дама, сплюнув, попала в меня. Я было рассердился, но, обнаружив, что она прехорошенькая, простил ей эту выходку.

28 января 1661 года

Утром — в присутствии, занимался делами. Позвали к сэру У. Баттену поглядеть на странное существо, привезенное из Гвинеи капитаном Холмсом. Это огромная обезьяна, во многом необычайно похожая на человека. Не могу тем не менее поверить, что чудище это произошло от человека и самки бабуина. Меж тем обезьяна уже неплохо понимает по-английски, и, думаю, со временем ее можно будет научить говорить или подавать знаки.

24 августа 1661 года

Мистер Ковентри рассказал мне о том, как один француз, проплывая под Лондонским мостом, почему-то решил, что лодка его вот-вот перевернется, и, не на шутку перепугавшись, стал креститься и читать молитвы, однако, когда опасность миновала, воскликнул: «Mon dieu, c'est le plus grand plaisir du monde»[53], что, по-моему, передает психологию француза как нельзя более точно.

8 августа 1662 года

О сэре Джероме Боузе, посланнике королевы Елизаветы к русскому государю, есть немало любопытных историй. Как-то, подымаясь в царские покои, он пропустил вперед себя нескольких вельмож, которых вскоре спустили с лестницы, причем с такой бесцеремонностью, что они, пересчитав головами все ступеньки, вскоре скончались. Когда же поднялся он, в дверях от него потребовали снять шпагу, на что он заявил, что, раз хотят его шпагу, пусть возьмут и башмаки; с этими словами он разулся и послал за ночной рубашкой, чепцом и шлепанцами и в таком виде предстал перед государем. Когда же в другой раз государь, дабы продемонстрировать нашему послу, с каким презрением он относится к своим подданным, велел одному из них выпрыгнуть в окно и тот, на глазах у посла, сломал себе шею, сэр Джером заметил, что его государыня использует шеи своих подданных с большей пользой и искусством. Дабы доказать, на что способны подданные Ее величества, он бросил царю перчатку и призвал всех дворян выступить на защиту их повелителя против его королевы. С того самого дня имя сэра Джер. Боуза окружено было в той стране почетом и славой.

5 сентября 1662 года

В полдень — на биржу, оттуда домой обедать. Дома застал жену, которая ходила с Ашвелл к Ля Рошу вырывать больной зуб. Однако с одного раза зуб вырвать не удалось, и они вернулись, так зуб и не вырвав, что меня и жену очень повеселило.

7 апреля 1663 года

За обедом мистер Хант рассказал нам забавную историю о бережливости сэра Дж. Даунинга, его соседа, который, расщедрившись, пригласил в прошлом году на рождественский обед бедняков. Пригласить-то он их пригласил, однако угощал одной овсянкой да пудингом с жидким супом. Молчание, воцарившееся за столом, прервала его мать, сказав: «Хорош суп, сын», на что он ответил: «Да, суп хорош». Затем его жена, в подтверждение его слов, заметила: «Очень хорош». Опять наступила тишина, и через какое-то время он изрек: «Хороша свинина». — «Да, — поддакнула мать, — недурна». — «Даже очень недурна!» — воскликнул он. И так говорилось обо всех блюдах. Приглашенные же хранили молчание, они-то знали, что хозяин — скряга, и пришли они к нему не из почтения и любви, а набить брюхо. С тех пор стал он всеобщим посмешищем.

27 февраля 1667 года

К Криду, вместе с ним в Уайтхолл; по дороге встретили мистера Кулинга, секретаря лорда Чемберлена; ехал верхом и остановился перекинуться с нами словом. Оказалось, что он мертвецки пьян, и, дай ему волю, он проговорил бы без умолку всю ночь. Схватив меня за руку, чтобы я не ушел, он твердил, что его лошадь — это взятка, и сапоги — взятка; <…> пригласил меня к себе домой, чтобы я испробовал его вино — тоже взятку. Никогда в жизни не видал я человека более суетного.

30 июля 1667 года

После обеда моя жена, Уиллет и я — на «Генрихе Четвертом». В зале полно членов парламента — у них сейчас каникулы. И вот посреди пьесы какой-то хорошо одетый джентльмен, который сидел перед нами и ел фрукты, вдруг, поперхнувшись, рухнул замертво; с большим трудом прислужница расцепила ему зубы и, сунув палец в глотку, вернула к жизни.

2 ноября 1667 года

В Театр короля. Сегодня в зале как никогда много наидостойнейших лиц. Очень был тронут, увидев, как одна бедная женщина, мать ребенка, занятого в тот вечер в спектакле и, в соответствии с ролью, расплакавшегося, бросилась на сцену и силой его увела.

28 декабря 1667 года

Человек

Дом и соседи

Вернувшись домой, обнаружил, что жена и служанка моются. Сидел у себя до тех пор, покуда под моим окном, как раз когда я писал эти строки, не появился ночной сторож со своим колокольчиком и не прокричал: «Половина второго ночи! Холодная, морозная, ветреная ночь!» После чего я отправился спать, а жена и служанка все еще мылись.

16 января 1660 года

На обед к сэру У. Баттену. Сегодня свадьба его слуги и служанки. Позвано очень много купцов и прочих знатных гостей, с тем чтобы собрать молодым денег, что мы, когда обед кончился, и сделали. Я дал 10 шиллингов и ни пенса больше, хотя, думаю, остальные дали больше и посчитали, что и я дал столько же.

15 ноября 1660 года

Сегодня утром, обнаружив, что некоторые вещи лежат не там, где им надлежит, схватил метлу и стал колотить горничную до тех пор, пока она не закричала на весь дом, чем крайне мне досадила.

1 декабря 1660 года

Вернулся вечером с сэром Уильямом (Пенном. — *А.Л.*) и, поскольку было еще очень тепло, стал играть на флажолете прямо в саду. Сэр Уильям тоже вышел к себе в сад в одной рубашке, и мы, стоя под луной по обе стороны ограды, до 12 часов ночи разговаривали, пели, пили стаканами бордо и ели молоку с хлебом и маслом. Засим, изрядно опьянев, — спать.

5 июня 1661 года

Домой. Обнаружил, что леди Баттен и ее дочь косо смотрят на мою жену, ибо жена не гнет перед ними шею и не ищет с ними дружбы, что меня нисколько не смущает.

25 августа 1661 года

За обедом и ужином я, сам не знаю почему, выпил столько вина, что потерял всякое разумение и промучился головной болью весь вечер. Посему домой и в постель, даже не помолившись, — раньше по воскресеньям я не пропускал молитвы ни разу. Но сегодня был так плох, что не посмел читать молитву из страха, что слуги заметят, в каком я состоянии. А посему — в постель.

29 сентября 1661 года

Сегодня я хорошенько проучил своего человека Уилла — впредь будет относиться с большим уважением к своему хозяину и хозяйке.

25 октября 1661 года

По возвращении домой обнаружил, что жена моя недовольна своей горничной Долл, которая провинилась тем, что не в состоянии держать себя в руках, без умолку болтает и все время чем-то недовольна, причем без всякой на то причины. Меня это огорчает; задумался над тем, что рост благосостояния сопряжен с определенными неудобствами: приходится держать больше прислуги, что прибавляет хлопот.

30 октября 1661 года

Домой и в постель; волновался из-за того, что в доме собралось слишком много денег, о чем я было запамятовал. Заставил горничных встать, зажечь свечу и выставить сундук в столовую, дабы спугнуть воров. После чего уснул.

3 июня 1662 года

Поскольку жена и горничные жаловались на мальчишку, я вызвал его наверх и отделывал плеткой до тех пор, пока не заболела рука, и, однако ж, мне так и не удалось заставить его признаться во лжи, в которой его обвиняют. В конце концов, не желая отпускать его победителем, я вновь взялся за дело, сорвал с него рубаху и сек до тех пор, пока он не признался, что и в самом деле выпил виски, от чего все это время с жаром отрекался. А также сорвал гвоздику, главное же, уронил на пол подсвечник, от чего отпирался добрых полчаса. Надо сказать, я был совершенно потрясен, наблюдая за тем, как такой маленький мальчик терпит такую сильную боль, лишь бы не признаться во лжи. И все же, боюсь, придется с ним расстаться. Засим в постель; рука ноет.

21 июня 1662 года

Утром леди Баттен послала за мной и весьма вежливо сообщила, что не хочет (и надеется, что не хочу и я), чтобы у нас испортились отношения, хотя между нею и моей женой добрососедских отношений не было никогда. Так вот, она пожаловалась на мою служанку, которая посмеялась над ней за то, что свою служанку у себя в доме она ласково назвала «Нэн» (вместо Нэнси. — *А.Л.*) моя же служанка Джейн, которая в это время была во дворе, услышала это и ее высмеяла. Привела она и

другие примеры непочтительного к ней отношения, заявив, что жена моя дурно о ней отзывается. На все это я отвечал ей со всей учтивостью, всячески ей угождая; я и в самом деле сожалею, что такое произошло, хотя мне вовсе не хочется, чтобы моя жена водила с ней дружбу. Пообещал ей, что впредь подобная история не повторится, с чем и отправился домой. Вечером же созвал всю прислугу и примерно отчитал Джейн, которая держалась при этом с такой покорностью и непосредственностью, что я, хоть и делал вид, будто сержусь, остался ею доволен — да и женой тоже.

5 ноября 1662 года

К сэру У. Баттену, где — мистер Ковентри, а также сэр Р. Форд с семьями. Пировали на славу — болтали и веселились. Пробыл там всю вторую половину дня до позднего вечера. Затем ненадолго в присутствие — неотложные дела, после чего домой и спать. Дома жена играла с прислугой в карты, все очень веселы. Я — в постель, они же допоздна сидели за картами, а также играли в жмурки.

26 декабря 1664 года

Сегодня сэр У. Баттен, который занемог уже дней пять назад, очень плох, настолько, что многие боятся, как бы не преставился; я же никак не пойму, что выгодней мне: чтобы он помер, ибо человек он плохой, или чтобы выжил — могут ведь вместо него и кого похуже назначить.

7 февраля 1665 года

Узнав стороной, что мои служанки, себе в помощь, впустили в дом одну шотландку, которая явно нечиста на руку, и что произошло это вдобавок совсем недавно, — я вышел за ужином из себя и заставил жену, переполошив весь дом и соседей, высечь нашу крошку (здесь и далее: Джейн. — *А.Л.),* после чего мы заперли ее в чулан, где она просидела всю ночь, сами же отправились спать.

19 февраля 1665 года

Оделся и был причесан моей крошкой, к которой, должен признаться, que je sum demasiado благосклонен, nuper ponendo saepe mes mains na su dos choses de son грудок. Mais il faut que je отступиться, дабы это не принесло мне alguno серьезных неудобств[54].

6 августа 1665 года

Сегодня, по случаю окончания чумы, постный день, и я дома:

вожусь у себя в кабинете, убираю вещи, ставлю на место книги, привожу комнату в то состояние, в каком она была до чумы. Но утром, забивая гвоздь, ссадил в кровь палец на левой руке. От вида крови моя жена не на шутку перепугалась, однако я приложил к ране бальзам миссис Тернер и, несмотря на сильную боль, продолжал заниматься своим делом, в результате чего все привел в идеальный порядок, чем остался весьма доволен.

7 февраля 1666 года

Все мы, то бишь лорд Браункер, Дж. Меннз, У. Баттен, Т. Харви и я, — на обед к сэру У. Пенну, где, при стечении большого числа людей, празднуется свадьба его дочери; одета в затрапезное платье, на руке дешевый браслет — подарок служанки, сама же страшна как смертный грех. Угощение под стать невесте: все невкусно, неопрятно, разве что подавали на серебре, взятом, кстати сказать, у меня же. После обеда перекинулись словом, после чего я — в присутствие, засим домой, ужинать и в постель; говорили с женой о том, как жалко и убого все, что делают сэр У. Пенн и прочие наши знакомые, в сравнении с тем, что делаем мы.

22 февраля 1667 года

Встал и, собравшись, — в присутствие; немного потрудился и, по возвращении, обнаружил, что Люси, кухарка наша, по недосмотру, оставила входную дверь открытой, что привело меня в такое бешенство, что я, пинком ноги в зад, загнал ее на крыльцо, где отвесил ей солидную оплеуху, свидетелем чему стал мальчишка-посыльный сэра У. Пенна; это привело меня в еще большее бешенство, ибо не сомневаюсь: он доведет увиденное до сведения хозяев, а потому улыбнулся сорванцу самым ласковым образом и обратился к нему совершенно спокойно, дабы он не подумал, что я сержусь; и все же история эта не идет у меня из головы.

12 апреля 1667 года

Засим домой; оказалось, что Люси напилась и, когда ее хозяйка указала ей на это, собрала свои вещи и ушла, хотя никто ее не гнал. По правде сказать, хоть у меня никогда не было более нерадивой и грубой служанки, уход ее меня огорчил: отчасти из-за той любви, какую я всегда питаю к своим слугам, а отчасти потому, что девушка она усердная и старательная — вот только пьет.

18 мая 1667 года

Сегодня днем не упустил возможности para jouer с миссис Пенн, tocando ee mamelles и besando ella, ибо она была sola в casa ее pater и притом fort не прочь[55].

23 мая 1667 года

Домой, после чего, вместе с женой, — на обед к сэру У. Пенну, где подавали очень хороший пирог с олениной — лучше, чем мы ожидали: тот, которым кормили прошлый раз, дурно пахнул.

5 августа 1667 года

Когда стемнело, мы все: мой отец, я с фонарем в руках и жена, — в сад выкопать мое золото[56]. Боже, я так волновался, что они не найдут, где оно закопано, что весь вспотел и пришел в ярость оттого, что они никак не могут договориться о месте, и, в конце концов, испугался, что золото пропало; однако в скором времени мы нащупали его вертелом, выкопали яму и стали подымать золотые монеты на поверхность. Но, Боже, как же неловко мы это делали, да еще у всех на виду! Не дай Бог кто-то случится рядом, что-то увидит из окна соседнего дома или услышит, проходя мимо! Отец, правда, говорит, что деньги он закопал, когда все ушли в церковь, не раньше, но мне от этого легче не стало. Я чуть с ума не сошел, когда, вонзая лопату в землю, заметил, что рассыпаю монеты по земле и по траве и что земля и влага попала в мешки с золотом и они сгнили. Поэтому я не мог знать, сколько украдено, а сколько растерял, спустившись в яму, Гибсон, отчего окончательно обезумел и вынужден был взять целые куски дерна, в котором при свете свечи поблескивали золотые монеты, и отнести их в комнату брата, где, заперев дверь, наскоро поужинав и дождавшись, пока все лягут спать, вместе с Хьюером принес несколько ведер воды, отмыл грязь с монет и тогда только начал их пересчитывать; сверившись с запиской, где была указана общая сумма, обнаружил, что не хватает 100 монет, от чего впал в уныние. Учитывая же, что соседний дом находился совсем близко, и мы, поскольку отец мой был глух, не имели возможности говорить шепотом, и, стало быть, соседям ничего не стоило проведать, чем мы занимались, — я испугался, что они ночью проникнут к нам в сад и соберут рассыпанные монеты, и поэтому мы с Хьюером вновь, уже за полночь, вышли на улицу и при свете свечи подобрали еще 45 монет, после чего, вернувшись и отмыв их, в третьем часу утра отправились спать. Оттого что удалось собрать так много — на душе спокойно. Служанка пошла спать к жене, я же лежал без сна на раскладной кровати и в некотором волнении считал часы, покуда не рассвело.

10 октября 1667 года

Сегодня проснулся около семи утра от сильного шума, раздававшегося возле нашей спальни; со сна мне послышалось, что кто-то стучит, причем с каждой минутой все громче; разбудил жену, и некоторое время мы напряженно вслушивались: сначала будто кто-то высаживает окно, потом выносит табуретки и стулья, а потом — тут уж мы не могли ошибиться — ходит вверх-вниз по лестнице. Мы оба боялись пошевелиться; впрочем, я бы встал, но жена меня не пускала, к тому же я не смог бы сделать это бесшумно; в конце концов мы заключили, что в дом проникли воры, — но тогда что стряслось с нашей прислугой? Либо убиты, либо затаились со страху, как мы. Так мы лежали, пока часы не пробили восемь и не рассвело, после чего я потихоньку переложил халат и шлепанцы на другую сторону кровати, встал, надел халат и штаны и, вооружившись головней, приоткрыл дверь и выглянул наружу. Никого. Затем (не скрою, со страхом) прокрался к двери в девичью, однако и там все было тихо и спокойно. Кликнул Джейн, спустился вниз, открыл дверь к себе в кабинет — всё в полном порядке. Потом, несколько осмелев, походил по дому и зашел на кухню: кухарка на месте. Опять поднялся наверх, и, когда пришла Джейн и мы спросили, слышала ли она шум, она ответила: «Да, и испугалась», тем не менее вместе с другой служанкой встала, но ничего не обнаружила, только услышала шум в дымоходе сэра Дж. Меннза по соседству. Послали узнать — так и есть: сегодня утром у него чистили трубы, отсюда и шум. Это явилось одним из самых невероятных происшествий в моей жизни, достойных Дон-Кихота… Взять хотя бы историю, которая произошла накануне. Наш кот в два прыжка слетел с лестницы, перемахнув с верхней ступеньки на нижнюю, чем так напугал нас, что мы не знали, кошка это или злой дух. После сегодняшнего шума поневоле задумаешься, уж не завелось ли в доме привидение. Слава Богу, что все обошлось, а то я изрядно перепугался!

29 ноября 1667 года

Дела семейные [57]

Пошел привести в порядок свои бумаги и, обнаружив разбросанные вещи жены, разгневался…

19 августа 1660 года

Перед сном, уже в постели, повздорили с женой из-за собаки, которую, по моему приказу, заперли в чулане, ибо она изгадила весь дом. Всю ночь провели в ссоре. Приснился сон, будто жена моя умерла, отчего дурно спал.

6 ноября 1660 года

Среди прочего миледи (графиня Сандвич. — *А.Л.*) очень меня уговаривала не экономить на жене, и мне показалось, что говорилось это серьезней обычного. Мне ее слова пришлись по душе, и я решил подарить жене кружевной воротник. Беседовали на разные темы, отчего получали немалое удовольствие.

9 ноября 1660 года

В Уордроб, где миледи (графиня Сандвич. — *А.Л.*), как оказалось, уже подыскала моей жене кружевной воротник за 6 фунтов. Очень рад, что обойдется он мне не дороже, хотя про себя подумал, что и это не так уж мало. Да поможет мне Бог упорядочить свои расходы и расходы жены, дабы расточительность моя не нанесла урон ни моему кошельку, ни моей чести.

11 ноября 1660 года

Часов в девять утра, позавтракав, отправились верхом (из Чатема. — *А.Л.*) в Лондон. Из всех путешествий, какие только мне доводилось совершать, это было самым веселым, и меня переполняло непривычное чувство радости жизни. <…> Несколько раз спрашивал встречавшихся нам по дороге женщин, не продадут ли они мне своих детей, — не согласилась ни одна; некоторые, правда, предлагали отдать мне ребенка на время, если бы это меня устроило.

11 апреля 1661 года

Мы взяли лошадь и, еще до обеда, приехали в Болдуик, на ярмарку. Съели по куску свинины, за что с нас спросили по 14 пенсов — неслыханно дорого! Оттуда в Стивнедж и, переждав ливень, — в Уэллинг, где нас отлично накормили и отвели на ночь в комнату с двумя кроватями. Спал поэтому один, и, должен

признаться, за всю жизнь не спалось мне так хорошо и вольготно; время от времени, правда, просыпался от шагов за дверью и от шума дождя, который шел всю ночь, однако потом тут же засыпал вновь. Никогда прежде не было у меня так покойно на душе. И у жены, по ее словам, — тоже.

23 сентября 1661 года

Все утро в присутствии; по возвращении обнаружил в спальне, наедине с моей женой, мистера Ханта, что, прости Господи, запало мне в душу. Припомнил, однако, что сегодня — день стирки, камин во всем доме горел только в спальне, а на улице холодно, — и успокоился.

19 ноября 1661 года

Долго и с удовольствием беседовал в постели с женой, которая ни разу еще, благодарение Господу, не доставляла мне больше радости, чем теперь. Сейчас она, как никогда прежде, заботлива, послушна и экономна, и, если не давать ей действовать по своему усмотрению, будет оставаться таковой и впредь. Домашняя хозяйка она бесподобная.

2 ноября 1662 года

Допоздна разговаривал с женой о супруге доктора Кларкса и о миссис Пирс, коих мы недавно у себя принимали. Очень сожалею, что у жены моей так по сей день и нет сносной зимней одежды; стыдно, что она ходит в тафте, тогда как весь свет щеголяет в муаре. Засим помолились и в постель. Но ни к какому решению так и не пришли — придется ей и впредь ходить в том же, в чем и теперь.

29 декабря 1662 года

Вечером — дома с женой, все хорошо. Жаль только, что сегодня она забыла в карете, в которой мы ехали из Вестминстера (где ночевали), свой шарф, а также белье и ночную рубашку. Надо признать, что следить за свертком велено было мне, — и все же в том, что я не забрал его из кареты, виновата она.

6 января 1663 года

Сегодня жена опять заговорила о том, что ей нужна компаньонка; водить дружбу с прислугой — ее только портить, да и компании у нее нет (что чистая правда); засим позвала Джейн и, вручив ей ключи от комода, велела достать оттуда пачку бумаг. Взяла копию давнего своего письма ко мне (оригинал я в свое время читать не пожелал и сжег), в котором жаловалась на жизнь,

и принялась читать его вслух. Жизнь у нее, дескать, одинокая, скучная и проч. Писано по-английски и может, попади оно в посторонние руки, стать достоянием гласности, в связи с чем приказал ей это письмо порвать, от чего она отказалась. Тогда выхватил его у нее из рук и порвал сам, после чего отобрал пачку бумаг, вскочил с постели, натянул штаны и запихнул бумаги в карман, дабы она не могла ими завладеть. Засим, надев чулки и халат, стал вынимать из кармана письма и, превозмогая себя, по одному рвать их у нее на глазах, она же рыдала и упрашивала меня не делать этого. <…>

9 января 1663 года

В Вестминстер-Холле разговорился с миссис Лейн и после всех рассуждений о том, что она, дескать, более с мужчинами дела не имеет, в минуту уговорил ее пойти со мной, назначив ей встречу в Рейнском винном погребе, где, угостив омаром, насладился ею вдоволь; общупал ее всю и нашептал, что кожа у нее, точно бархат, и действительно, ляжки и ноги у нее белы, как снег, но, увы, чудовищно толстые. Утомившись, оставил ее в покое, но тут кто-то, следивший за нашими играми с улицы, крикнул: «Кто вам дал право целовать сию благородную особу, сэр?», после чего запустил в окно камнем, что привело меня в бешенство; остается надеяться, что всего они видеть не могли. Засим мы расстались и вышли с черного хода незамеченными.

29 июня 1663 года

Утренняя беседа с женой, в целом приятная, немного все же меня огорчила; вижу, что во всех моих действиях она усматривает умысел; будто я неряшлив специально, чтобы ей было чем заняться, чтобы она целыми днями сидела дома и о развлечениях не помышляла. Жаль, что это ее заботит, однако в ее словах есть доля истины, и немалая.

27 августа 1663 года

Всю первую половину дня занимался с женой арифметикой; научилась сложению, вычитанию и умножению, с делением же повременю — покамест начнем географию.

6 декабря 1663 года

Вернувшись домой, обнаружил, что жена, по собственному разумению, выложила 25 шиллингов на пару серег, от чего пришел в ярость; кончилось всё размолвкой, наговорили друг другу невесть что; я и помыслить не мог, что жена моя способна отпускать подобные словечки. Припомнила она мне и наш

разъезд, чем крайне мне досадила. Пригрозил, что поломаю их (серьги. — *А.Л.*), если она не отнесет их обратно и не получит назад свои деньги, с чем и ушел. Спустя некоторое время бедняжка послала служанку обменять серьги, однако я последовал за ней и отправил домой: мне довольно было и того, что жена подчинилась.

4 июля 1664 года

<…> Время провели очень весело; когда женщины, отдав вину должное, встали из-за стола и поднялись наверх, я отправился за ними следом (из всех мужчин один я) и, заведя разговор о том, что у меня нет детей, попросил научить меня, как их завести, на что они ответили согласием и, от души веселясь, дали мне следующие десять советов. 1. Не обнимай жену слишком крепко и слишком долго; 2. Не ешь перед сном; 3. Пей настой шалфея; 4. Не брезгуй красным вином; 5. Носи тонкие подштанники из грубого полотна; 6. Живот держи в тепле, спину в холоде; 7. На мой вопрос, когда этим лучше заниматься, вечером или утром, они ответили, что не утром и не вечером, а тогда, когда охота будет; 8. Жене — не слишком туго шнуровать корсет; 9. Мне — пить крепкое пиво с сахаром; <…> Последнее же правило самое главное: ложиться головами в ноги кровати или, по крайней мере, поднимать изножье и опускать изголовье. Необычайно забавно.

26 июля 1664 года

Вернувшись сегодня вечером домой, принялся изучать счета моей жены; обнаружил, что концы с концами не сходятся, и рассердился; тогда только негодница призналась, что, когда нужная сумма не набирается, она, дабы получить искомое, добавляет что-то к другим покупкам. Заявила также, что из домашних денег откладывает на свои нужды, хочет, к примеру, купить себе бусы, чем привела меня в бешенство. Больше же всего меня тревожит, что таким образом она постепенно забудет, что такое экономная, бережливая жизнь.

29 сентября 1664 года

Вчера вечером легли рано и разбужены были под утро слугами, которые искали в нашей комнате ключ от комода, где лежали свечи. Я рассвирепел и обвинил жену в том, что она распустила прислугу. Когда же она в ответ на это огрызнулась, я ударил ее в левый глаз, причем настолько сильно, что несчастная принялась голосить на весь дом; она пребывала в такой злобе, что, несмотря на боль, пыталась кусаться и царапаться. Я

попробовал обратить дело в шутку, велел ей перестать плакать и послал за маслом и петрушкой; на душе у меня после этого было тяжко, ведь жене пришлось весь день прикладывать к глазу припарки; глаз почернел, и прислуга заметила это.

19 декабря 1664 года

Встал и отправился в «Старый лебедь», где встретился с Бетти Майкл и ее мужем; Бетти, за спиной у su marido[58], удостоила меня двух-трех жарких поцелуев, чем привела в совершеннейший восторг.

5 августа 1666 года

Сегодня утром, когда я одевался, к постели моей жены подошел малютка Уилл Мерсер и в доказательство, что он ее Валентин[59], принес ей синюю бумагу, на которой собственноручно вывел золотом, причем очень красиво, ее имя. В этом году я тоже Валентин моей жены, и обойдется мне это в 5 фунтов, каковые бы я, не будь мы Валентинами, отложил.

14 февраля 1667 года

Митчелл с женой нанесли нам визит, много пили и смеялись, после чего — вечер был прекрасный, светила луна — Митчеллы и я отправились кататься на лодке. К своему огорчению, видел, как всю дорогу ella жмется a su marido и прячет manos quando yo пытаюсь взять одну de los — так что тем вечером у меня con ella ничего не получилось. Когда мы пристали к берегу, я под каким-то благовидным предлогом отправил муженька обратно a bateau, расчитывая урвать у нее пару baisers; взял было la за руку, однако ella отвернулась, и, quando я сказал: «Мне нельзя tocar te?», с легким modo ответила: «Yo no люблю, когда меня трогают». Я сделал вид, что не заметил этого, после чего вежливо попрощался et su marido andar меня почти до самого mi casa[60], где мы и расстались. Вернулся домой раздосадованный, про себя, однако ж, решил, что еще не все потеряно.

17 февраля 1667 года

Долго лежал со своей бедной женой в постели; вспоминали, как она, бедняжка, покуда мы ютились в нашей комнатушке у лорда Сандвича, топила углем печку и стирала своими нежными ручками мое грязное белье, за что я должен любить ее и восхищаться ею всю жизнь. А также убеждать себя, что она способна делать все это и впредь, если только, по воле Господа, нам суждено опять впасть в нужду.

25 февраля 1667 года

Перед обедом упросил жену спеть; бедняжка так фальшивила, что довела меня до исступления. Увидев, в какую я пришел ярость, она стала так горько плакать, что я решил: не буду более ее расхолаживать, а попробую лучше научить петь, чем, безусловно, доставлю ей удовольствие, ведь учиться она очень любит — главным образом, чтобы угодить мне. С моей стороны крайне неразумно отбивать у нее охоту выучиться чему-то дельному. Ссора наша, впрочем, продолжалась недолго, и за стол мы сели помирившись.

1 марта 1667 года

Вернулся домой к обеду; у жены учитель музыки. Я так рад, что она, пусть и с опозданием, начинает играть на флажолете, что решил, что буду в течение месяца-двух учиться у него и сам. Если только Господь пошлет моей жене и мне долгую жизнь, мы сможем в старости играть вместе.

8 мая 1667 года

Вечером дома. Пели с женой на два голоса, после чего она, ни с того ни с сего, заговорила о своих туалетах и о том, что я не даю ей носить то, что ей хочется. В результате разговор пошел на повышенных тонах, и я счел за лучшее удалиться к себе в комнату, где вслух читал «Гидростатику» Бойля[61], пока она не выговорилась. Когда же она устала кричать, еще пуще сердясь оттого, что я ее не слушаю, мы помирились и легли в постель — в первый раз за последние несколько дней, которые она спала отдельно по причине сильной простуды.

4 июня 1667 года

С утра — в присутствии, куда присылает за мной жена; возвращаюсь и вижу хорошенькую девушку, которую она хочет взять себе в компаньонки. И хоть девушка не столь красива, как описывала жена, она все же весьма хороша собой, настолько, что мне она должна понравиться, а потому, исходя из здравого смысла, а не из чувства, было б лучше, если бы она у нас не осталась, дабы я, к неудовольствию жены, ею не увлекся. <…>

27 сентября 1667 года

Домой в карете. Дома пел и ужинал с женой, поглядывая украдкой на нашу красотку (Деб Уиллет. — *А.Л.*) Засим — в постель.

1 октября 1667 года

Тут я попрощался с отцом и дал сестре 20 шиллингов. Когда я уезжал, она плакала — то ли оттого, что не хотела со мной расставаться, то ли потому, что жена была с ней нелюбезна. Да простит меня Господь, я считаю ее такой хитрой и зловредной, что слишком большой любви к ней не испытываю. Впрочем, она, как бы там ни было, — мне сестра, и я должен ее содержать.

11 октября 1667 года

Встал, оделся и спустился к себе просмотреть кое-какие бумаги. Тут входит Уиллет с поручением от своей хозяйки, и я впервые не удержался и ее поцеловал — уж больно она хорошенькая и очень мне по душе.

22 декабря 1667 года

Вечером ужинал у нас Дж. Бейтлир; после ужина Деб (Деб Уиллет. — *А.Л.*) расчесывала мне парик, что привело к величайшему несчастью, какое только выпадало на мою долю, ибо жена, неожиданно войдя в комнату, обнаружила девушку в моих объятиях, а мою manus sub su[62] юбками. На беду, я так увлекся, что не сразу жену заметил; да и девушка — тоже. Я попытался было изобразить невинность, но жена моя от бешенства потеряла дар речи; когда же обрела его вновь, совершенно вышла из себя. В постели ни я, ни она отношения не выясняли, однако во всю ночь не сомкнули глаз; в два часа ночи жена, рыдая, сообщила мне под большим секретом, что она — католичка и причащалась, что, разумеется, меня огорчило, однако я не придал этому значения, она же продолжала рыдать, касаясь самых разных тем, пока наконец не стало ясно, что причина ее страданий в увиденном накануне. Но что именно ей бросилось в глаза, я не знал, а потому счел за лучшее промолчать. <…>

25 октября 1668 года

Встал и незаметно сунул Деб записку: пусть знает, что я продолжаю отрицать, что ее целовал, и ведет себя скромно. Очень надеюсь, Господь простит мне эту ложь, ибо знает, как тяжело мне будет, если бедняжка из-за меня пострадает; ежели жена все узнает, она никогда со мной не помирится и жить вместе нам будет невмоготу. Девушка прочла записку и, проходя мимо, мне ее подбросила.

9 ноября 1668 года

Хандра не оставляет жену ни днем ни ночью; утром сказала, что не допустит, чтобы я виделся с девчонкой. В присутствие, где

пробыл все утро; оттуда — домой обедать; жена раздражена пуще прежнего, говорит, девчонка во всем призналась, что не может меня не пугать, ибо последствия предвидеть невозможно. <…> Упрекала меня в жестокости и вероломстве, я же продолжал отрицать, что целовал ее. Твердила, что всегда была ко мне добра, я же с самого начала обращался с ней дурно; что из верности мне отказывалась от многих искушений: домогался ее, дескать, при посредстве капитана Феррера даже милорд Сандвич, чем вызвал ревность жены. Все это я признал, очень горевал и плакал, после чего мы вновь помирились, и я — в присутствие, где просидел допоздна; вернулся, поужинали вместе и легли, однако спустя полчаса будит меня и кричит, что заснуть не может; не спала до полуночи, бесновалась, и я опять рыдал и, как и давеча, просил прощения, после чего дал ей слово: что сам рассчитаю девчонку, продемонстрировав мою к ней неприязнь, что я, пусть и с тяжелым сердцем, попытаюсь сделать. Таким образом удалось ее успокоить, мы наконец уснули и худо-бедно проспали до утра.

10 ноября 1668 года

Жена говорит, что Деб сегодня утром куда-то отправилась и по возвращении сообщила, что нашла себе место и завтра утром уходит. Это немало меня опечалило, ибо, по правде сказать, я испытываю сильное желание лишить эту девушку невинности, чего бы я, вне всякого сомнения, добился, если бы уо имел возможность провести con[63] ней время, но теперь она нас покидает, и где ее искать, неизвестно. Перед сном жена предупредила меня, что не позволит мне не только поговорить с Деб, но даже с ней расплатиться, поэтому я выдал жене 10 гиней, жалованье Деб за полтора с лишним года, и деньги эти жена отнесла ей в комнату. Засим в постель, и, слава Господу, на этот раз, впервые за последние три недели, мы провели ночь в мире и согласии.

13 ноября 1668 года

Встал с мыслью о том, что надо бы передать Деб записку и немного денег, с каковой целью завернул в бумагу 40 шиллингов, однако жена не спускала с меня глаз ни на секунду; она пошла в кухню до меня и, вернувшись, сказала, что она (Деб. — *А.Л.*) там, а потому мне туда заходить нельзя. После того как она повторила это несколько раз, я не выдержал и вспылил, чем вызвал ее гнев; обозвав меня «собакой» и «скотиной», она заявила, что я бездушный негодяй, и все это, сознавая ее правоту, я стерпел. <…> Ушел в присутствие с тяжелым сердцем; чувствую, что не

могу забыть девушку, и испытываю досаду из-за того, что не знаю, где ее отыскать; более же всего гнетет меня мысль о том, что после случившегося жена возьмет надо мной власть и я навсегда останусь ее рабом. <…>

14 ноября 1668 года

Все утро у себя; радуюсь при мысли, что на сегодняшний день отношения между женой, Деб и мной улажены. В полдень поднялся наверх посмотреть, как идут дела у обойщиков — они вешают портьеры в моей лучшей комнате и обивают мою новую кровать, и обнаружил жену, в печали сидящую в столовой. На мой вопрос, в чем дело, она стала вновь кричать, что я изменник и последний негодяй, намекая на то, что накануне я был у Деб, что я с жаром отрицал, понимая, что узнать об этом ей было неоткуда, однако в конце концов, дабы облегчить свою и ее совесть и раз и навсегда покончить с этим дурным делом, во всем признался, после чего весь день, сидя наверху в нашей спальне, выслушивал ее угрозы, заклинания и проклятия. И, что того хуже, она поклялась всем, что у нее только есть на свете, что собственноручно расквасит нос этой девице и сегодня же от меня уйдет, и потребовала 300–400 фунтов отступного — тогда она, дескать, уйдет без шума, в противном же случае молчать не станет. Так, в смятении, печали и стыде, запечатлевшемся и на лице моем, и на сердце, в неимоверных страданиях, какие только могут быть ниспосланы человеку, провел я остаток дня, боясь, что история эта не кончится никогда; однако в конечном счете я вызвал У. Хьюера, которому во всем признался, после чего бедный малый, рыдая, как дитя, добился того, чего не удалось мне, а именно: взял с жены слово, что она успокоится, если я пообещаю ей никогда больше, до конца дней моих, не видеть Деб и не говорить с ней, точно так же, как в свое время я дал ей слово не видеть Пирс и Непп. И я дал, прости Господи, ей слово, что не увижусь и с Деб тоже, хотя, уверен, едва ли свое обещание сдержу. Вследствие чего, вопреки самым моим смелым надеждам и стараниям, в доме воцарился мир. Вечером — ужинать, за ужином теплые, ласковые слова — и в постель, где, к ее удовольствию, yo hacer con ella[64], и, проведши ночь в покое и радости, преисполнился решимости, если только удастся преодолеть этот разлад, избавить ее впредь от подобных переживаний — этих и каких-либо других тоже, ибо нет на свете большего проклятия, чем то, что происходит сейчас между нами; а потому клянусь Богом никогда более не обижать ее, о чем с сегодняшнего вечера каждодневно буду молиться в одиночестве у себя в комнате. Господь знает, что пока я не способен еще

возносить Ему молитвы от всего сердца, однако, надеюсь, Он сподобит меня с каждым днем бояться Его все больше и хранить верность бедной моей жене. <…>

19 ноября 1668 года

<…> Когда же я вернулся, рассчитывая, что в доме наконец-то воцарился мир и покой, то застал жену в постели: она вновь пребывала в ярости, поносила меня последними словами и даже, не удержавшись, ударила и вцепилась в волосы. Всему этому я нисколько не противился и вскоре покорностью и молчанием добился того, что она несколько поутихла. Однако после обеда жена вновь озлилась, еще больше, чем прежде, и стала кричать, что «вырвет девчонке ноздри», и прочее в том же духе. По счастью, пришел У. Хьюер, что несколько ее успокоило; пока я в отчаянии лежал распластавшись у себя на кровати в голубой комнате, они о чем-то долго шептались и, наконец, сошлись на том, что, если я отправлю Деб письмо, в котором обзову ее «шлюхой» и напишу, что ее ненавижу и не желаю ее больше знать, — жена мне поверит и меня простит. Я на все согласился, отказался лишь написать слово «шлюха», после чего взял перо и сочинил письмо без этого слова; каковое письмо жена разорвала в клочки, заявив, что оно ее не устраивает. Тогда только, вняв уговорам мистера Хьюера, я переписал письмо, вставил в него слово «шлюха» (ибо боялся, как бы девушку не оговорили из-за того, что она состояла в связи со мной) и написал, что принял решение никогда не видеть ее больше. Обрадовавшись, жена послала мистера Хьюера отнести это письмо, приписав еще более резкое послание от самое себя. С этой минуты она заметно подобрела, мы расцеловались и помирились. <…> Вечером же я клятвенно пообещал ей никогда не ложиться в постель, не помолившись перед сном Господу. Начинаю молиться с сегодняшнего вечера и надеюсь, что не пропущу ни одиного дня до конца жизни, ибо нахожу, что для моих души и тела будет лучше всего, если я буду жить, угождая Господу и моей бедной жене; это избавит меня от многих забот, да и от трат тоже.

20 ноября 1668 года

У. Хьюер и я — по воде в Уайтхолл. И тут, сойдя на берег, я вдруг увидел Деб, отчего одновременно забилось сердце и прилила кровь к голове. Не удержавшись, отослал У. Хьюера на поиски мистера Рена (У. Хьюер, надо думать, ее тоже заметил, но вот заметил ли он, что я ее заметил, неизвестно; неизвестно также, сообразил ли он, почему я его отослал); сам же, по велению сердца, пустился вдогонку за ней и за двумя женщинами

и мужчиной, людьми более простыми; она же — в старом своем платье. Сначала потерял их из виду, но потом обнаружил в часовне; заметил, что она меня сторонится, тем не менее заговорил с ней, она — со мной, и настоял на том, чтобы она para docere мне, ou она demeure теперь. И попросил ее, para она не выдала меня, что я vu elle[65], что она мне пообещала, после чего в волнении и изумлении — домой, к жене. Да простит мне Бог, не знаю, как напустить на себя уверенный и невинный вид после сегодняшней встречи с Деб, пусть и совершенно случайной. Больше же всего боюсь, как бы Господь не сподобил меня отыскать эту девушку, которую я и в самом деле люблю, люблю дурной любовью, — и буду молить Бога ниспослать мне сил этому желанию воспротивиться. Засим — ужинать; за едой отмалчивался, дабы не давать повода жене осведомиться, где я сегодня был и что делал; после чего с женой в постель, довольный, что страхи мои на этот раз не оправдались.

13 апреля 1669 года

Спускаясь в карете по Холберн-хилл, увидел ее (Деб. — *А.Л.*), а она — меня, однако она не остановилась, по всей видимости не желая со мной говорить. Отправился дальше, но затем остановился, вышел из кареты и последовал за ней; догнал ее в конце Хозьер-Лейн в Смитфилде и, дабы не стоять на улице, велел ей следовать за мной и привел ее в маленькую пивную, где, кроме нас, — никого; сели, разговорились и я besar la[66]. Дал ей банкнотами 20 шиллингов, и, договорившись встретиться в понедельник в Вестминстер-Холле, мы расстались. Вид у нее, к моей великой радости, столь же скромный и честный, как и прежде.

15 апреля 1669 года

С 10 до 12 ждал Деб в Вестминстере, однако то ли она пришла раньше и, не найдя меня, ушла, то ли ей что-то помешало, то ли она решила не приходить (последнее меня особенно радует, ибо свидетельствует о ее скромности). Так она и не явилась, и я, устав ходить взад-вперед, — домой.

19 апреля 1669 года

В полдень — домой, обедать; жена — необычайно хороша в своем муаровом платье в цветах, которое она пошила два года назад; вся в кружевах — красотка да и только! Хотя день выдался пасмурный, очень хотела в Гайд-парк (Майский парад в Гайд-парке. — *А.Л.*), мне же велела надеть мой лучший камзол, что я и сделал. Выехали: на запятках лакеи в новых ливреях из сержа, в

гривах и хвостах лошадей вплетены красные ленты, опоры покрыты лаком, поводья зеленые, все такое яркое, блестящее, что народ провожает нас глазами. И то сказать, за весь день не видел я кареты красивее, наряднее нашей.

1 мая 1669 года

На службе у короля

В постели с женой. Долго говорили о бережливости, о том, сколь экономно следует жить и в дальнейшем. Сказал ей, что я намереваюсь сделать, если накоплю 2000 гиней, а именно: стать рыцарем и завести собственный выезд, что весьма ее обрадовало. Очень надеюсь, что мы и в самом деле что-нибудь накопим, ибо я преисполнен решимости тратить как можно меньше.

2 марта 1662 года

Утром — в присутствие, где обнаружил малютку Гриффинс, подметавшую пол. Как же мне она нравится, прости Господи! Но я ее не трогаю. Когда она ушла, принялся проделывать в стене кабинета отверстия, дабы видеть, что делается в общем зале, не заходя туда, отчего пришел в хорошее настроение.

30 июня 1662 года

Утром — в присутствие; в девять в одиночестве (все остальные остались) в Дептфорд, а оттуда платить (жалованье. — *А.Л.*) Вулвич-Ярду; в полдень отлично пообедал, сидел во главе стола, все, чего я не мог не заметить, оказывали мне уважение и всевозможные почести. После обеда опять выплачивал жалованье — и так до вечера; на свою беду, вынужден был урезать жалованье слугам, за что люди меня проклинали, а это мне совсем не нравится. Вечером, поужинав холодным цыпленком, отправился при лунном свете в Редрифф в сопровождении трех или четырех вооруженных людей, меня охранявших. Приятно сознавать, в каком я теперь положении: люди сами, без приказаний, меня охраняют.

19 сентября 1662 года

Только сегодня к вечеру кончили праздновать Рождество, насладившись в полной мере самыми разнообразными удовольствиями. Испытываю столь сильную потребность вновь предаться разгулу, что сейчас самое время вспомнить старый обет воздержания от вина и азартных игр, каковой, да будет на то воля Божья, я приму с завтрашнего дня, дабы и впредь достойно и прилежно исполнять свой долг, преумножать славу, а также доходы, которые делают жизнь отраднее и в которых имею я нужду, и немалую.

6 января 1663 года

Выезжая из Уайтхолла, повстречал капитана Гроува, который

вручил мне письмо; сразу же разглядел, что в конверте деньги, и сообразил, что это, должно быть, часть суммы, которую он заработал на оснащении направляющихся в Танжер[67] судов. Однако вскрыл письмо не раньше чем пришел в присутствие — разорвал конверт, не заглядывая внутрь и дождавшись, пока деньги сами не выпали наружу, — чтобы потом сказать, если вдруг будут допытываться, что денег внутри не видал. Внутри оказалась одна золотая монета и 4 гинеи серебром.

3 апреля 1663 года

Прогуливался в доках, беседуя с офицерами, после чего, на обратном пути, встретил юного Бэгвелла с женой; отведя меня в сторону, обратились с нижайшей просьбой подыскать им корабль повыгоднее. Сделал вид, что с удовольствием пойду им навстречу; про себя же подумал, что надо бы поближе познакомиться с его женушкой.

7 августа 1663 года

С самого утра — в присутствие, где сидели полдня; корпел над делом Диринга и его сделками: никогда бы столько не трудился, если б не надеялся чего-нибудь с него получить; впрочем, я искренне убежден, что делал не более того, что выгодно государю. И все же, видит Бог, когда дело прибыльное, и трудишься добросовестнее.

19 декабря 1663 года

В таверне «Солнце» с сэром У. Уорреном; долго беседовали, наговорил мне много приятного — прямо и намеками; между делом вручил пару завернутых в бумагу перчаток — для жены. Пакет оказался тяжелый, и открывать его я не стал, однако заметил, что жена будет за него благодарна, и продолжал беседу. По возвращении домой стоило немалых трудов выпроводить жену из комнаты, дабы увидеть, что собой представляют эти перчатки. Наконец она ушла, я раскрыл сверток и обнаружил внутри пару белых женских перчаток, а в них — 40 золотых монет; это привело меня в такой восторг, что за обедом кусок не лез в горло от радости: Господь, стало быть, не забывает нас — и, будем надеяться, не забудет и впредь, воздавая мне должное за труды праведные. Не знал, как мне поступить: сказать об этом жене или нет; с одной стороны, не терпелось поделиться с ней столь отрадной вестью; с другой же, я опасался, как бы она не подумала, что я нахожусь в лучшем положении и зарабатываю легче, чем на самом деле. <…>

1 февраля 1664 года

Сэр У. Райдер просидел у меня до полуночи — пытались научиться измерять мачты мистера Вуда; хотя считалось, что, коли я имею дело с Вудом, я в этом разбираюсь, к стыду своему должен признать, что ничего в обмерах не понимал; сейчас же хочу в это вникнуть, чтобы сэкономить королю денег. Хоть голова работала плохо и никакой ясности не возникало, я из чистого упрямства вознамерился сидеть, пока все не пойму, и досидел в полном одиночестве до четырех утра, после чего, приведя мысли в порядок, отправился, освещая себе путь огарком свечи, домой. Служанка накрыла на стол (все остальные спали), и я, перекусив, усталый, сонный, замерзший, с головной болью, однако с чувством исполненного долга, — в постель.

17 февраля 1664 года

С утра — в присутствии: готовил отчет о дополнительных расходах, в которые ввели нас голландцы. Получилось у меня 852 700 фунтов. Только Богу ведомо, что цифра эта дутая: я лишь пытаюсь припугнуть парламент, дабы он дал больше денег.

25 ноября 1664 года

Обнаружил, возвращаясь после обеда, в дверях присутствия миссис Бэгвелл; отправились, elle и я, в таверну, где elle и я уже ete прежде; там провел с ней toute l'apres-diner и получил от elle шоп plein plaisir — и все ж странно, признаться, видеть, как женщина, которая претендует на верность a son man и вере, может быть столь легко vaincue[68]. <…> Вновь ненадолго в присутствие; однако, вознамерившись посвятить весь сегодняшний день удовольствиям, чтобы уж завтра с самого утра взяться за дело, сел в экипаж и вновь направился к Джервесу, полагая, что avoir rencontre там Джейн, но elle n'etait pas dedans. Посему — обратно в присутствие, где с огромной радостью faire обет заниматься исключительно делами и на месяц laisser aller les femmes[69]; необычайно рад, что принял столь здравое решение и могу отныне заниматься делами, каковые, к стыду своему должен сказать, пребывают в полнейшем запустении.

23 января 1665 года

В присутствие, где обнаружил супругу Бэгвелла; отправил ее домой, сказав, что займусь сегодня ее вопросом — напишу письмо лорду Сандвичу, дабы муж ее получил, если сия возможность представится, подряд на лучшее судно, — что и было сделано; затем по воде до Дептфорд-Ярда, отплыл чуть дальше, пристал к низкому берегу и, коль скоро уже стемнело,

незаметно entrer en la maison de la femme de Бэгвелла и там насладился sa compagnie, хотя столкнулся при этом с немалыми трудностями; neanmoins, enfin je avais ma volontft d'elle[70].

20 февраля 1665 года

Посетили комиссию Совета по рекрутам. Боже милостивый, как они заседают! Никто не сидит на месте ни минуты, один входит, другой выходит, нежданно заявляется кто-то еще; один сетует, что ничего не сделано, другой недоволен: он здесь уже два часа, а никого нет. Наконец лорд Эннсли предложил: «Думаю, — сказал, — мы будем вынуждены просить государя являться на каждое наше заседание. Только в его присутствии сможем мы чего-то добиться». Полагаю, что он прав. Сам-то он — непременный участник заседаний Совета, чего нельзя сказать о его предшественниках. Ежели будет так, как он говорит, нашей комиссии по силам любые, самые значительные дела.

27 февраля 1665 года

Засим — в Уайтхолл, где государь, заприметив меня, подошел и, назвав по имени, беседовал со мной о стоящих на реке судах; сегодня я первый раз убедился, что государь знает меня в лицо, поэтому впредь, приходя сюда, я должен быть готов дать надлежащие разъяснения в случае необходимости.

17 апреля 1665 года

С утра занимался делами, затем с сэром У. Баттеном — в Дептфорд, откуда, уже без него, в Гринвич, в парк, куда, как я слышал, должны были сегодня утром прибыть из Хэмптон-Корт король и герцог. Отвечал на их вопросы; государь не нарадуется идущим там строительством. Говорили на темы самые разнообразные, король и герцог выслушивали меня со вниманием. Затем позвали к столу — всех, кроме меня, на что, правда, я, по скромности своей, и не мог рассчитывать, но я, да простит мне Бог мою гордыню, пожалел, что сюда явился, ибо сэр У. Баттен непременно скажет, что его бы пригласили, — хотя у него для этого в двадцать раз больше оснований, чем у меня. Впрочем, это говорят во мне гордыня и глупость. Отобедав, государь спустился к реке, я сел к нему в королевскую барку и, в продолжение всего пути, сидя у дверей каюты, слушал их с герцогом беседу, наблюдал за тем, как они держатся, и, да простит мне Бог, хоть я и питаю к ним самые верноподданнические чувства, тем не менее чем больше наблюдаешь за ними со стороны, тем меньше разницы находишь между ними и другими людьми, хотя (благодарение Господу!) оба

они — принцы не только по крови, но и по духу.

26 июля 1665 года

К утру достигли мы Гиллингхэма, далее пешком — до Чатема; оттуда с уполномоченным Петтом — в доки; увидели, среди прочего, как четыре лошади тянут бревно, которое бы без особого труда донес на спине один человек; я распорядился, чтобы лошадей увели и нашли одного-двух грузчиков, которые бы отнесли бревно куда следует. Уполномоченный видел все это, но не сказал ни слова; полагаю, однако, что у него были все основания устыдиться.

2 октября 1665 года

После обеда — вновь в присутствие. Явился мистер Даунинг, корабельный кузнец, месяц назад он дал мне 50 монет золотом, чтобы я замолвил за него слово сэру У. Ковентри. Я свое обещание выполнил, он же дела забросил и, стало быть, моей помощью не воспользовался, ввиду чего, в полном согласии со своей совестью, я отвел его к себе домой и, хоть и не без огорчения, вернул ему его деньги. Бедняга ни за что не хотел их брать, однако я его заставил, и он ушел. Приятно сознавать, что я дал ему повод хорошо обо мне отозваться.

8 мая 1666 года

В присутствие, где занят был всю вторую половину дня; лишний раз убедился, как плохо запускать работу; я за все принимаюсь в последний момент и постоянно ищу предлога выйти на улицу, что бы я обязательно сделал, если бы не возникали все новые и новые дела, одно за другим. Однако стоит мне вникнуть в суть того или иного вопроса, разобраться с бумагами и ответить на письма, коими завален обыкновенно мой письменный стол, как я начинаю испытывать глубочайшую удовлетворенность от содеянного и чувствую, что мог бы в случае необходимости продолжать трудиться всю ночь. <…>

16 августа 1666 года

После обеда, вместе с сэром Дж. Меннзом — в Уайтхолл и, вместе с У. Баттеном и лордом Браункером, — на заседание кабинета в присутствии короля и герцога Йоркского. Никто не знал, какие доводы приводить, ясно было лишь, что надо просить денег, — поэтому я был вынужден прикинуть в уме различные способы убеждения. Наконец нас вызывают в Зеленую комнату, никто не решается начать, и тогда я произношу бойкую и, по-моему, хорошую речь, в коей раскрываю бедственное положение

флота: огромные долги, огромная работа, которую предстоит в следующем году сделать, время и материалы, которые понадобятся, — и наша беспомощность ввиду полного отсутствия денег. Не успел я закончить, как встает принц Руперт и в запальчивости говорит государю: «Что бы там ни говорил этот джентльмен, флот я привел обратно (после окончания голландской кампании. — *А.Л.*) в отличном состоянии». В ответ я сказал, что вовсе не хотел обидеть его высочество, а лишь огласил отчет, который мы получили от тех, кому флот доверен. Принц пробормотал еще раз то, что уже говорил, после чего воцарилось долгое молчание, никто, даже герцог Албемарл, выступающий на стороне принца, не обратил внимания на его слова, с чем мы и удалились.

7 октября 1666 года

Сегодня утром, только я собрался в присутствие, явились ко мне мистер Янг и мистер Уистлер, изготовители флагов, и принялись со всею искренностью уговаривать принять от них коробку, в которой, судя по весу, было никак не меньше 100 гиней золотом. Несмотря на все их уговоры, я отказался — по правде сказать, оттого, что не считал их достаточно благонадежными людьми, от коих можно принимать дары без особой на то надобности. Я боялся оказаться жертвой их наговоров и оставлял за собой возможность в случае необходимости сказать, что их предложение отклоняю.

5 февраля 1667 года

После обеда в экипаже — к лорду-канцлеру, где заседали герцог Йоркский, герцог Албемарл и еще несколько лордов из Танжерской комиссии. Представил свои расчеты и сделал это настолько хорошо, что лорд-канцлер, хоть он и пребывал в тот день в хандре, заметил, что ни один человек в Англии не высказался бы по этому вопросу яснее и убедительнее, чем я.

14 февраля 1667 года

Встал чуть свет и, не совершая туалета и не переменив белья, спустился к себе в комнату, думая лишь о том, как бы поскорее заняться делами. Когда же сел за стол, то обнаружил, что, не побрившись, не могу взяться за работу, а потому принужден был подняться наверх и одеться, после чего вновь спустился к себе и до обеда подготовил доклад по Танжеру для лордов — членов комиссии. Остался собой доволен.

2 июня 1667 года

В полдень обедал дома со своими клерками, каковые последнее время часто у меня столуются; предполагаю угощать их и впредь, ибо таким образом получаю возможность говорить с ними о деле, к тому же мне их общество весьма по душе.

20 ноября 1667 года

С самого утра — в присутствии, куда явились и мои клерки; собрал все свои записи для сегодняшнего выступления; к девяти утра был готов и отправился в «Старый лебедь», а оттуда, с Т. Хейтером и У. Хьюером, — в Вестминстер, где собрались уже все мои коллеги. Ни о чем, кроме как о своей речи (в парламенте. — *А.Л.)* и о ее последствиях, думать не мог, а потому, для смелости, пошел в «Собаку», где выпил полпинты подогретого белого вина, а затем, у миссис Хаулеттс, — стаканчик бренди, отчего несколько приободрился. Вызвали нас между одиннадцатью и двенадцатью, все места заполнены; ждут, причем с большим предубеждением, что-то мы скажем в свое оправдание. После того как спикер уведомил нас о недовольстве парламента, я начал свою речь со всей осторожностью и выдержкой, на какие только был способен; говорил гладко, уверенно, не сбиваясь и не противореча логике, как будто сидел дома, за своим столом. Речь моя продолжалась до трех часов пополудни и спикером не прерывалась ни разу; когда же я кончил, мои коллеги, а также все, кто меня слушал, поздравили меня, заявив, что лучшей речи в жизни своей не слышали. Мои товарищи не скрывали своей радости. <…> Мы все надеялись, что сегодняшнее голосование закончится в нашу пользу, что и произошло. Впрочем, речь моя была столь длинной, что многие, не дослушав ее, отправились обедать и вернулись навеселе. В любом случае ясно, что мы одержали победу, я же держался выше всяких похвал, а посему, дабы отметить наш успех, мы все отправились на обед к лорду Браункеру.

5 марта 1668 года

С сэром Д. Годеном — к сэру У. Ковентри, который встретил меня словами: «А вот и мистер Пипс, коему надлежит быть спикером парламента», и заявил, что мое выступление в палате общин запомнится надолго. Сказал, что его брат, который сидел рядом с ним (в парламенте. — *А.Л.*), мною восхищен; и что еще один джентльмен заметил, что, надень я мантию и заседай я в Верховном суде лорда-канцлера, меньше 1000 фунтов я бы не получал. Больше же всего порадовали меня слова о том, что, по мнению министра юстиции, я — лучший оратор в Англии.

6 марта 1668 года

Обедал дома с У. Хьюером; долго и плодотворно беседовали о нашей работе, о том, как вредит делу большое число людей, в нем занятых, а также то, что нет никого, кто бы единолично отвечал за сделанное; и что было бы лучше всего возложить всю ответственность на одного человека (такого, как я, например). <…>

5 апреля 1668 года

Досуг

Книгочей

Был в книжной лавке (в Гааге. — *А.Л.),* где приобрел, исключительно из любви к кожаному переплету, «Французские псалмы» в четырех частях, «Органон» Бэкона[71] и «Риторику» Фарнаби[72].

15 мая 1660 года

Мистер Грейторекс показал мне стеклянную лампу, которая дает много света. С ней хорошо читать в постели, и нечто подобное я собираюсь приобрести.

24 октября 1660 года

В Ползч-Черч-Ярд, где впервые в жизни увидал «Достоинства Англии» доктора Фуллера. Сел читать и опомнился, только когда было уже два часа пополудни. Встал и отправился домой обедать в расстроенных чувствах: хоть он (Фуллер. — *А.Л.*) и беседовал со мной о моей семье и родословной, в книге о нас не сказано ровным счетом ничего, нет упоминания о нас ни в Кембридже, ни в Норфолке. А впрочем, семья наша, сдается мне, никогда особо заметной не была.

10 февраля 1662 года

Встал в четыре часа утра и сел читать «Вторую речь против Каталины» Цицерона. Понравилась мне необычайно; никогда раньше не подозревал, что найду в нем столько для себя занятного. Теперь-то я понимаю, что дело было в моем невежестве. Более интересного писателя мне прежде читать не приходилось.

13 июня 1662 года

Сегодня явился мистер Батгерсби, и разговор зашел о книге шутовских стишков под названием «Гудибрас»[73]. «Надо будет обязательно ее поискать», — сказал я себе — и обнаружил ее в Темпле по цене 2 шиллинга 6 пенсов. Оказалось, однако, что поэма эта столь глупа, идущий в поход пресвитерианский судья предстает в ней в столь издевательском виде, что мне стало стыдно, что я за нее взялся, и, встретившись за обедом с мистером Таунсэндом, я продал ее ему за 18 шиллингов.

26 декабря 1662 года

По воде в Уайтхолл — туда и обратно; всю дорогу не выпускал из рук небольшую книжку, написанную, как говорят, какой-то знатной персоной о неоцененных достоинствах нетитулованного мелкопоместного дворянства. Совершеннейшая чушь — ни смысла, ни стиля, написано настолько дурно, что во всей книге не смог отыскать ни единого правильного предложения.

22 мая 1663 года

К своему книгопродавцу, что на подворье собора Святого Павла; получив сегодня у себя в конторе по моему канцелярскому счету около 40 шиллингов, или 3 гинеи, я просидел здесь часа два-три, листая одновременно около двадцати книг, однако никак не мог выбрать нужные. С удовольствием тратил бы на книги все свои средства. Не знал, впрочем, стоит ли расходовать деньги на легкое чтиво, каковым являются пьесы, — мое любимое чтение, и наконец, полистав Чосера, «Историю Павла» Дагдейла[74], «Лондон» Стоу[75], «Историю Трента» Геснера[76], а также Шекспира, Джонсона[77] и пьесы Бомонта[78], я остановил свой выбор на «Достоинствах» пастора Фуллера[79], на «Каббале, или Собрании государственных писем», на маленькой книжке «Delices de Hollande»[80], а также еще на нескольких — и поучительных, и доставляющих немалое удовольствие; купил и «Гудибрас», обе части, книга эта сейчас в большой моде из-за своего остроумия, хотя, по чести говоря, в чем это остроумие состоит, сказать не берусь.

10 декабря 1663 года

Сегодня вечером, преисполнившись желания устроить генеральную чистку всего и вся, рвал старые бумаги; среди них попался мне роман (под названием «Любовь плута»), который я начал писать десять лет назад еще в Кембридже. Перечитал и счел его весьма недурным; пришло в голову, что возьмись я за него сегодня — и он наверняка получился бы хуже.

30 января 1664 года

Утром отправился к своему книгопродавцу и дал ему исчерпывающие указания, как переплести большую часть моих старых книг, — дабы все стоящие в кабинете тома были в одинаковых переплетах.

18 января 1665 года

Шел полем домой и при свете факела, который держал

передо мной один из моих лодочников, читал книгу; стояла прекрасная ночь — лунная, сухая.

27 декабря 1665 года

С утра — у себя в комнате: занимался разными неотложными делами, после чего вместе с Симпсоном (плотником из Дептфордских доков. — *А.Л.*) с огромным трудом сколотили шкафы для книг; их у меня с каждым днем становится все больше и больше, они громоздятся на стульях, на которые теперь я могу сесть, лишь перекладывая книги с одного места на другое.

23 июля 1666 года

К себе в комнату; наклеивал на книги ярлыки с номерами — так их будет проще искать.

19 декабря 1666 года

<…> Засим домой, где, с помощью брата, весь вечер, часов до восьми, расставлял все свои книги по алфавиту, после чего — ужин.

Рождество 1666 года

В экипаже — в Темпль, где купил пару книг; забавно, что книгу Райкотта[81] о Турции, которую до Пожара мне предлагали за 8 шиллингов, сегодня я готов купить за 20, с меня же просят 50; и я, пожалуй, эту сумму выложу — потому хотя бы, что она будет служить мне напоминанием о Пожаре.

20 марта 1667 года

Сел в лодку и поплыл в Барн-Элмс, читая по пути только что вышедшую книгу мистера Эвелина об одиночестве. Большого смысла в ней не обнаружил, хотя отдельные рассуждения вполне любопытны. Прогуливался вдоль Элмса и с огромным удовольствием наблюдал за прелестными домами, за всеми, кто пришел сюда со своими бутылками, корзинами с провизией и стульями поужинать на берегу реки под деревьями. Зрелище весьма приятное.

26 мая 1667 года

Весь день дома. Все утро расставлял книги в книжных шкафах. С прошлого года число их заметно возросло, и я принужден некоторые выкладывать, дабы высвободить место для книг получше. Решил впредь покупать книг ровно столько, сколько войдет в мои шкафы.

2 февраля 1668 года

Все утро у себя в комнате: занимался делами, а также почитывал «L'ecole des filles»[82]; книжонка весьма непристойная, однако и здравомыслящему человеку не мешает изредка читать подобное, дабы лишний раз убедиться в человеческой подлости.

9 февраля 1668 года

Ценитель изящных искусств[83]

После обеда — в Уайтхолл, там встретился с мистером Пирсом, он провел меня в спальню королевы и в ее будуар. Оттуда — в кабинет короля, где такое разнообразие картин и прочих ценностей и всевозможных раритетов, что я совершенно потерял голову и никакого удовольствия не получил. Впервые в жизни не испытал ни малейшего восхищения, находясь в окружении вещей столь восхитительных.

24 июня 1664 года

К мистеру Хейлсу, живописцу. Начал писать мою жену в позе святой Екатерины[84] точно так же, как писал леди Питере. Пока он трудился, Нипп, Мерсер и я пели. Странное дело: в первом же сделанном им наброске обнаружилось такое сходство, что я, к величайшему своему удовлетворению, отметил: картина получится великолепная.

15 февраля 1666 года

В карете к Хейлсу; наблюдал за тем, как жена позирует; картина нравится мне необычайно, портрет получается очень похожим и в то же время смелым. Художник жалуется, однако ж, что ему никак не давался ее нос и что времени он потратил на него больше, чем на все лицо, — в конечном счете получилось то, что надо.

3 марта 1666 года

К Хейлсу, посмотреть портрет жены, который мне очень понравился; увидел, между прочим, как он пишет небо: сначала задает темный фон, а потом освещает его по своему разумению. Превосходно.

10 марта 1666 года

Сегодня начал позировать Хейлсу; полагаю, портрет получится отменный. Обещает, что выйдет не хуже, чем женин. Велел мне, чтобы тень падала куда следует, сидеть, повернув голову набок. Чуть шею себе не свернул.

17 марта 1666 года

К Хейлсу. Картина практически готова, осталось лишь пририсовать ноты; они получаются как настоящие, что меня весьма радует.

11 апреля 1666 года

К Хейлсу — посмотреть, как продвигается работа над портретом моего отца; очень доволен, однако бывает, что в начале портрет имеет большее сходство, чем в конце, когда он готов; так было с миссис Пирс, так вышло и на этот раз. И наоборот, мой портрет после первого, второго и третьего раза был хуже, чем в конце.

18 июня 1666 года

С сэром Уильямом Пенном зашли к Лилли[85] узнать, когда он напишет портреты участников прошлогоднего боя. Лилли так занят, что вынужден был достать записную книжку, чтобы припомнить, как распланировано его время; и назначил ему (Пенну. — *А.Л.*) явиться через шесть дней, между семью и восемью утра.

18 июля 1666 года

К мистеру Куперу[86] — посмотреть его портреты, каковые весьма невелики, но превосходны; впрочем, должен признать, что цвет лица несколько искусственен, и тем не менее картины столь поразительны, что мне вряд ли удастся увидеть что-либо подобное. Видел два портрета миссис Стюарде[87] — один в молодые годы, другой недавний, незадолго до того, как у нее появилась оспа; слезы наворачиваются на глаза, когда видишь, какой она была тогда и на кого стала похожа теперь.

30 марта 1668 года

К мистеру Стритеру[88], известному художнику, я о нем много слышал, но работ его не видел прежде ни разу; застал его самого, доктора Рена[89] и нескольких знатоков, они разглядывали картины, которые он пишет для нового театра в Оксфорде <…> Весьма недурно, собравшиеся высказались даже в том смысле, что они ничуть не хуже полотен Рубенса в пиршественном зале Уайтхолла, однако я с этим не вполне согласен; впрочем, они весьма благородного свойства, и я рад, что мне посчастливилось познакомиться с этим художником и его работами. Сам же он человек очень тихий, покладистый, небольшого роста и хромой — живет, однако же, в необыкновенной роскоши. <…>

1 февраля 1669 года

К лепщикам из глины; сняли с моего лица маску. Сходство сверхъестественное — надо будет сделать еще одну.

15 февраля 1669 года

После обеда — с женой в Лотон, к пейзажисту-голландцу, живет возле Сент-Джеймского рынка; художник весьма посредственный, однако познакомил нас с другим художником, тоже голландцем, жившим по соседству с ним. Зовут Эверелст, только что приехал, повел нас к себе на квартиру и показал небольшой горшок с цветами — натюрморт, писанный маслом; ничего более прекрасного в жизни своей не видывал; капли росы на листьях столь естественны, что несколько раз с трудом удерживался, чтобы не дотронуться до холста пальцем — дабы убедиться, не обманывают ли меня мои глаза. Хочет за свой натюрморт 70 гиней, я же, из чистой скаредности, предложил 20 — но лучшей картины мне лицезреть не приходилось; ради того, чтобы увидеть такое, не жалко пройти и двадцать миль.

Пасха. 11 апреля 1669 года

Театрал

В театр[90], где давали «Нищенскую братию»[91]; спектакль очень хорош, впервые видел на сцене женщин.

3 января 1661 года

С женой — в оперу[92], смотрели «Ромео и Джульетту», первую постановку. Ничего хуже видеть не доводилось, да и актеры играли преотвратно; впредь вознамерился на премьеры не ходить, ибо все они (актеры. — *А.Л.*) на первом спектакле совершенно теряют голову.

1 марта 1662 года

В Театр короля, где смотрели «Сон в летнюю ночь», каковую я никогда прежде не видывал — и более не увижу, ибо это самая бесцветная и нелепая пьеса из всех, что мне приходилось видеть. Должен, однако ж, признать, что танцуют они недурно, да и некоторые актрисы хороши собой — но и только.

29 сентября 1662 года

В Театр герцога, где видели «Ущемленную деву»[93]; постановка хорошая, хотя сама пьеса ничем не примечательна; с удовольствием наблюдал, как прелестная крошка танцует в

мужском наряде: очаровательные ножки, вот только в ляжках кривоваты — но это изъян всех женщин.

23 февраля 1663 года

<…> Оттуда в новый театр[94], открылся накануне. Давали «Забавного лейтенанта»[95] — пьеса бездарная. Впрочем, танцевал Дьявол весьма пристойно. И хотя данный мною обет не ходить более в театры на этот не распространяется, ибо тогда его еще не было, я вознамерился отказать себе в удовольствии посмотреть две пьесы, каковые будут играться при дворе в марте и апреле, что более чем уравновесит сие излишество.

8 мая 1663 года

После обеда — пешком в Театр короля; всё в грязи — это они расширяют сцену; когда возобновятся спектакли, один Бог знает. Мне давно хотелось посмотреть, что делается за сценой: гримерные, машины и пр. Зрелище и впрямь запоминающееся; костюмы, рухлядь, все перемешано: деревянная нога, ажурный воротник, палка с конской головой, корона — смех разбирает. <…> Подумал: как же великолепно все это выглядит на сцене при свечах и какой жалкий вид имеют эти вещи, если смотреть на них вблизи. Машины превосходны, картины очень красивы.

19 марта 1666 года

По словам Т. Киллигрю, зрителей в его театре до недавнего пожара было вдвое больше, чем теперь. Говорит, что Непп может стать лучшей актрисой из всех, кто когда-нибудь ступал на сцену, — очень понятлива. Сказал, что собирается платить ей на 30 гиней в год больше и что сцена его стараниями стала в тысячу раз лучше, чем была. Теперь у них восковые свечи, много свечей; сейчас все благопристойно — не то что раньше, когда театр похож был на притон. Тогда было двое-трое скрипачей, сейчас — девять-десять, самых лучших; раньше голый пол, устланный соломой, грязь, запустение — ныне все иначе. Раньше королева бывала редко, а король — никогда, теперь же не только король, но и лучшие люди в государстве приходят, да еще за честь почитают.

12 февраля 1667 года

После обеда с женой — в Театр короля на «Королеву-девственницу»[96], новую пьесу Драйдена, ее хвалят за вкус, интригу и остроумие. И в самом деле, Нелл (Гуинн. — *А.Л.*) в комической роли Флоримелл превзошла самое себя: ни одному мужчине, ни одной женщине в жизни так не сыграть. На

спектакле были государь и герцог Йоркский. <…>

2 марта 1667 года

В полдень домой обедать, после чего с женой и сэром У. Пенном в Театр короля; зал битком набит, были король и герцог Йоркский, играли новую пьесу «Волнения королевы Елизаветы, или История восемьдесят восьмого года»[97]. Должен признать, что я с самой колыбели наслышался столько грустных историй о королеве Елизавете, что, случается, с трудом сдерживаю слезы. <…> Увы, спектакль — не более чем кукольный театр, разыгранный живыми куклами; замысел и язык — немногим лучше. Правда, Нипп чудесно танцевала вместе с молочницами и спела песенку королеве Елизавете; в одной ночной рубашке, без парика, с волосами, затянутыми узлом на затылке, она обворожительна.

17 августа 1667 года

В Театр герцога Йоркского; зал полон — премьера новой пьесы «Кофейня»; попасть не смогли — и в Театр короля; у входа встретили Непп, отвела нас в гримерную, где в это время переодевалась Нелл; неприбранная, она особенно хороша, еще краше, чем я думал. Ходил по театру, потом зашел за сцену, сел, и она угостила нас фруктами; репетировал с Непп: подавал ей реплики, а она отвечала; прошлись по всей ее роли в «Причудах Флоры»[98] — пьеса играется сегодня. Но, Боже, какой у них обеих ужасный вид, когда они размалеваны, какие ужасные мужчины их окружают, как и та и другая сквернословят. <…> Забавно было, однако ж, слышать ругань Нелл, когда она увидала, что в партере так много пустых мест, — в другом театре (Театр короля. — *А.Л.)* премьера, и все зрители там. Туда вообще сейчас больше ходят, ибо актеры там лучше. <…>

5 октября 1667 года

Сегодня со мной преотлично обошлись у входа в театр. Я протянул привратнику шесть шиллингов за нас троих, и тот, изловчившись, один шиллинг припрятал и с таким чистосердечным видом заявил, что я дал ему всего пять, что я, хоть и был уверен в обратном, поддался и вынужден был добавить еще один.

24 февраля 1668 года

Моя жена давно хотела пойти на «Варфоломеевскую ярмарку»[99] с куклами, что мы и сделали. Пьеса великолепная; чем больше я ее смотрю, тем больше мне нравится ее остроумие

— разве что издевательства над пуританами приелись и лишены смысла, ведь именно они в конечном счете окажутся самыми мудрыми.

4 сентября 1668 года

С женой в наемном экипаже — в Театр короля; давали «Заговор Катилины»[100] — только накануне состоялась премьера; мест в партере не было, и мы сидели в ложе. Пьеса весьма глубокомысленна — но если ее читать, на театре же не смотрится совершенно, очень однообразна, хотя костюмы красивые, сцена же в сенате, а также сцена боя — лучшее из всего, что я когда-либо видел. И все же предназначена эта пьеса лишь для чтения.

19 декабря 1668 года

Музыка и танцы

В «Дельфин» — на званый обед к мистеру Харрису, где были сэр У-с, леди Баттен, две ее дочери и многие другие. Очень весело. Сидели до 11 вечера. Я так веселился, что пел, а иногда принимался даже играть на скрипке. Кончилось тем, что все мы пустились в пляс, — я танцевал впервые в жизни, и мне самому не верилось, что танцую. Дошло до того, что мы заставили плясать Минго, негра сэра У. Баттена, а также Джека и сэра У. Пенса. Странно было видеть, что Минго танцует, как заправский танцор.

27 марта 1661 года

На биржу, оттуда — в ресторан напротив, где за обедом какой-то человек играл нам на волынке и насвистывал при этом, точно птица, — и то и другое выше всяких похвал. У меня возникло желание научиться свистеть так же, и я пообещал ему, что как-нибудь возьму у него урок за 10 шиллингов. Оттуда в присутствие, где просидел до девяти вечера. Засим домой — музицировать; допоздна сидели с женой в моей комнате и пели на два голоса. После чего — спать.

17 мая 1661 года

В Вестминстер; сидел в комнате мистера Монтегю и слушал, как какой-то француз играет на гитаре. Очень понравилось. Впрочем, и превосходная игра на этом инструменте — сущая безделица.

27 июля 1661 года

После ужина танцевали — с сегодняшнего дня жена моя

начала брать уроки танцев у мистера Пемблтона; сомневаюсь, однако, чтобы она преуспела: жена полагает, что уже превзошла сию науку, а это, по-моему, не соответствует действительности.

25 апреля 1663 года

Ходил слушать, как дочка миссис Тернер играет на клавесине. От ее игры, прости Господи, выворачивает наизнанку, однако пришлось расхваливать. Вернулся домой, поужинал — и в постель. Перед сном слушал, как Ашвелл играет на треугольнике. Играла очень хорошо.

1 мая 1663 года

Явился учитель танцев; я стоял и смотрел, как он обучает мою жену; закончив с ней, заявил, что мне необходимо научиться танцу под названием coranto[101], и, поддавшись его настойчивым просьбам, а также назойливым уговорам жены, я взялся за дело, в результате чего вынужден был заплатить ему 10 шиллингов за первый урок. Теперь и я его ученик. По правде говоря, мне кажется, что наука эта для любого джентльмена весьма полезна и может пригодиться, и, хотя это будет стоить мне денег, о чем я весьма сожалею, ибо, помимо всего прочего, дал обет отдавать бедным вдвое больше, чем раньше, — я вознамерился учиться этой премудрости, тратя на нее никак не больше месяца-двух в году. Таким образом, хотя дело сие мне не особенно по душе, займусь им; если же увижу, что мне это неудобно или накладно, — брошу.

4 мая 1663 года

Домой — в доме полумрак, жена моя с учителем танцев одна наверху — не танцуют, а прогуливаются. Тут меня охватил такой приступ ревности, что сердце заныло, голова пошла кругом, и я, как ни старался, делами заниматься не смог; пошел обратно в присутствие и домой вернулся совсем поздно: всем недоволен, ко всему придирался. Улегся спать, но заснуть не мог; проговориться, однако ж, не решился.

15 мая 1663 года

Встал обуреваемый вчерашними тревогами и сомнениями, за что меня следовало бы изрядно поколотить, ведь не секрет: самому мне ничего не стоить изменить ей, поддавшись даже самому ничтожному искушению, а потому обвинять ее в легкомыслии я не вправе. Да простит мне Господь мой грех и мою безумную ревность. После обеда вновь явился Пемблтон; сослался на дела, чтобы только его не видеть.

16 мая 1663 года

В церковь. Напротив нашей галереи — Пемблтон: пялился на мою жену всю проповедь; сделал вид, что не обращаю на него внимания; жена же не сводила с него глаз; когда выходили из церкви, заметил, что она, потихоньку от меня, сделала ему реверанс, и это, приняв во внимание, что последние два дня ее все время, и утром, и после обеда, тянуло в церковь, вызывает у меня некоторые подозрения, хотя о худшем стараюсь не думать. И все же терзаюсь сомнениями, проклинаю тот день и час, когда согласился нанять ей учителя танцев. <…> Впрочем, не следует отчаиваться; необходимо увезти ее в деревню или, по крайней мере, как можно скорее положить конец этим урокам.

24 мая 1663 года

Проснулся в три ночи в совершенном смятении и под предлогом того, что надобно вскипятить воды, разбудил жену; лежал до четырех, все время порываясь встать — единственно за тем, чтобы посмотреть, чем она занимается. Встав с постели, взяла меня за руку и стала допытываться, чем это я обеспокоен, и, потратив немало добрых, а также некоторое количество злых слов, я принялся упрекать ее во вчерашнем поведении (в церкви. — *АЛ.*), в связи с чем она нашла повод упрекнуть и меня — дескать, я всегда страдал приступами ревности, от чего я попытался отречься, но безуспешно. После часового разговора, во время которого я прибегал то к грубости, то к ласке, сделал вывод, что жена и в самом деле много себе с ним позволяла, куда больше, чем положено, однако не имея в виду ничего дурного. Кончилось тем, что я приласкал ее и мы вроде бы помирились. Засим на лодке в Темпл, а оттуда с уполномоченным Петтом в Сент-Джеймский дворец, где провел около часу с мистером Ковентри. Далее — домой; жена не в духе, сообщила, да еще при Ашвелл, что приходил Пемблтон и что она ему сказала, чтобы впредь он не смел являться в мое отсутствие, чем, признаться, меня пристыдила, и все же пусть лучше будет так, а не иначе. <…>

27 мая 1663 года

К мистеру Блэндсу, куда мистера Пови, Годена и меня пригласили на обед, каковой прошел превосходно. У них в доме живет родственница, уродливая рыжая девка крохотного роста, которую они зовут «дочкой» и которая играет на клавесине и поет, однако так грубо, по-деревенски, что мне быстро надоело, однако принужден был делать ей комплименты. После обеда

явился некий мсье Готье, который принялся учить ее петь; Боже, что за смешной, нелепый человечек: требовал от нее, чтобы она сидела с открытым ртом, да и говорит презабавно — поет, однако ж, весьма пристойно.

24 июля 1663 года

Обратно к мистеру Пови, где и поужинал; после ужина беседовали и пели. Жена его слуги Даттона (широкоплечая толстуха) поет очень красиво, одна песня понравилась мне особенно, и я записал слова и набросал на бумаге мелодию. Никогда прежде не слыхивал, чтобы кто-нибудь получал от пения такое удовольствие, чтобы пел с таким чувством и проникновением. Весьма приятно было слушать.

15 октября 1665 года

До десяти часов вечера занимался письмами и другими неотложными делами. Около одиннадцати — домой; по случаю отличного лунного вечера вместе с женой и Мерсером вышел в сад, где до двенадцати ночи пели, ублажая себя и соседей, чьи окна во все это время оставались открытыми. Засим домой, ужинать — и в постель.

5 мая 1666 года

Ужинали с лордом Лодердейлом, его женой и несколькими шотландцами — компания весьма резвая, хотя лорд Браункер уверяет, что лорд Лодердейл — человек в высшей степени степенный и здравого ума. За ужином один из его людей играл на скрипке какую-то шотландскую мелодию, каковая пришлась присутствующим по душе: гости не скрывали своего восхищения. Мне же мелодия эта показалась несколько необычной, к тому же довольно однообразной. Что же касается лорда Лодердейла, то он — и это показалось мне особенно странным — заявил, что самой лучшей музыке на свете предпочитает мяуканье кошки и что чем лучше музыка, тем хуже он себя чувствует. И что из всех музыкальных инструментов более всего ненавидит лютню, а также волынку[102].

28 июля 1666 года

К лорду Браункеру; там сэр Роб Мюррей, которого по-настоящему я оценил только теперь, с ним побеседовав; это человек блестящего ума и обширных познаний, глубоко и тонко чувствующий музыку, да и прочие предметы, коих мы коснулись в беседе; явились также мистер Гук, сэр Джордж Энт, доктор Рен и многие другие; дошло наконец дело и до музыки, то бишь до

сеньора Винченцио, дирижера, и шести музыкантов, из коих двое — евнухи (оба исполинского роста, по поводу чего сэр Т. Гарви остроумно заметил, что если человека оскопить, то расти он будет так же быстро, как мерин) и одна женщина, хорошо одетая и красивая, однако не пожелавшая со мной расцеловаться, когда нас знакомил мистер Киллигрю, приведший сюда всю компанию. Клавесины завезены были заблаговременно, и, настроив их, музыканты начали играть. Должен признать, играли они хорошо, однако мне все же более по душе, когда играют свои, миссис Нипп, капитан Кук и другие. Не остался я в восторге и от евнухов: у них и впрямь голоса высокие и чистые, тем не менее доводилось мне слышать голоса ничуть не хуже — как женские, так и мужские, взять хотя бы хранителя королевского гардероба Криспа. Женщина пела хорошо, но ведь в пении главное — слова и то, как они согласуются с мелодией; к тому же, чтобы по-настоящему оценить чужеземного певца, следует знать язык, на котором он поет; я же к такому пению не привык и по незнанию моему языка остался ко всем голосовым модуляциям невосприимчив, хотя готов признать, что итальянцу, а также всякому, знающему этот язык, они вполне могли прийтись по вкусу. В то же время я пришел к заключению, что мог бы сочинять слова песен по-английски и класть их на музыку и песни эти ублажали бы слух англичанина (даже самого взыскательного) ничуть не менее, чем итальянские. <…>

16 февраля 1667 года

В церковь, оттуда домой; вскоре явился мистер Пеллинг, который привел, как и было обещано, двоих, одного зовут Уоллингтон, другого — Пигготт; у первого из них, мужчины довольно неприметного, оказался великолепный бас; он — золотых дел мастер, однако, бедняга, ходит без перчаток. Мы, все вместе, спели несколько хороших вещей, в результате чего я лишний раз убедился, что пение хором — это не пение, а своего рода инструментальная музыка, ибо слова не слышны и смысл их теряется; <…> истинное же пение — это пение на один, самое большее — два голоса, один высокий, другой низкий.

15 сентября 1667 года

Все утро в присутствии, а в полдень — домой обедать; оттуда с женой и с Деб (Уиллет. — *А.Л.*) в Театр короля на «Деву-мученицу»[103]; пьеса эта давно уже не ставилась и очень хороша. <…> Особое впечатление произвели духовые инструменты <…> музыка захватила меня до такой степени, что мне стало дурно, закружилась голова, как бывало, когда я был влюблен в свою

жену; и в театре, и по дороге домой, и дома я не мог думать ни о чем другом; пролежал всю ночь без сна… Кто бы мог вообразить, что музыка может оказывать столь сильное воздействие на душу человека. Принял решение учиться играть на духовых инструментах и жену учить тому же.

27 февраля 1668 года

Весь вечер у себя в комнате; делал записи; обдумывал, как изобрести лучшую теорию музыки, чем та, что существует за границей; не сомневаюсь, что со временем непременно этого добьюсь.

20 марта 1668 года

С лордом Браункером и еще несколькими членами Королевского общества — в таверну «Королевская голова», что неподалеку от Чансери-Лейн; пили, ели и беседовали; более всего хотелось мне, чтобы мистер Гук и милорд объяснили, отчего в музыке бывает благозвучие и неблагозвучие, на что они отвечали, что все дело в вибрации. Меня, впрочем, ответ этот не удовлетворил: надо будет как следует подумать об этом на досуге, поискать иных, более подходящих объяснений.

2 апреля 1668 года

Застолье

Встретился с Осборном, Шоу и Спайсером; отправились обедать в таверну «Солнце», куда велели отнести две мясные туши. Очень веселились; но тут пришли мистер Уэйд и его друг капитан Мойз; сидели до семи часов; выиграл у Шоу кварту вина: он говорил, что нам подадут ягненка, а я — что телятину. Поскольку в кармане у меня было лишь 3 пенса, я ровно столько и потратил; имей я с собой больше, я бы и потратил больше, как и все остальные, — а посему предпочтительно носить с собой денег поменьше.

16 февраля 1660 года

Сегодня мистер Гудмен пригласил своего друга мистера Мура, а также меня и еще несколько человек к себе на обед, каковой имел место в «Бычьей голове» и состоял из пирога с олениной, лучшего, какой только едал я в своей жизни. За столом разгорелся спор между мистером Муром и доктором Клерком; первый утверждал, что в основе истинной трагедии должна лежать правда, а не вымысел, с чем доктор решительно отказывался согласиться. В результате меня назначили судьей в

их споре и положили встретиться в том же месте утром во вторник, доесть остатки пирога и окончательно прояснить этот вопрос; проигравший же в споре заплатит 10 шиллингов.

1 сентября 1660 года

После обеда сэр Дж. Меннз предложил играть в игры, одна из коих состояла в том, чтобы посредством вопросов узнавать имена присутствующих. Вышла потеха. Мне доставляло особое удовольствие, в качестве штрафов, целовать дам, которые не смогли угадать моего имени. Особенно приглянулась мне одна прехорошенькая особа, каковая, как в дальнейшем выяснилось, оказалась невесткой сэра Уильяма Баттена.

4 февраля 1661 года

Пригласил в «Тюрбан» старых своих знакомых по Казначейству и накормил их отличным говяжьим филеем, каковой, вместе с тремя бочонками устриц, тремя цыплятами, большим количеством вина и веселья, и составил наш обед. Собралось нас в общей сложности человек двенадцать. Сдуру наобещал им, что буду угощать их обедом каждый год, и так до конца дней своих. Наобещал — но выполнять обещание не собираюсь.

30 декабря 1661 года

Сегодня вечером мистер Годен прислал мне к Рождеству большой кусок говядины и три дюжины языков. Посыльному я дал 6 ш. и еще полкроны — носильщикам. Обедал у постели жены с большим аппетитом; ели жареного цыпленка с рисом, после чего послал за сладким пирогом, ибо, по нездоровью, жена сама испечь его не смогла. После обеда сидели и разговаривали — боль у нее поутихла. Засим ненадолго — к сэру У. Пенну, а от него — в присутствие, где в полном одиночестве и с огромным удовольствием до 11 часов вечера упражнялся в арифметике, после чего — домой, ужинать и в постель.

24 декабря 1662 года

Поскольку сегодня Страстная неделя, обед наш состоял лишь из гренок и рыбы. За весь Великий пост постимся впервые.

17 апреля 1663 года

Встал и в присутствие, откуда в полдень сэр Дж. Картерет, сэр Дж. Меннз и я отправились на обед к лорду-мэру, куда были заблаговременно приглашены; кроме нас были откупщики из Таможни, три сына лорда-канцлера и прочие знатные и

благородные люди. Обед выше всяких похвал, ибо мэр ни на что большее не способен. Никаких интересных разговоров — все заняты были одной едой.

20 октября 1663 года

К капитану Коку, где за ужином встретился с лордом и леди Браункер, а также с сэром Дж. Меннзом (присутствовали вдобавок сэр У. Дойли и мистер Ивлинг); радостная весть[104] привела всех нас в такой восторг, что в течение последующих двух часов мы покатывались со смеху и развлекались как могли. Среди прочего мистер Ивлинг потешал нас тем, что экспромтом сочинял и декламировал стишки, в которых обыгрывались слова «уметь» и мочь», и преуспел в этом настолько, что у сэра Дж. Меннза застрял кусок в горле и он чуть было не задохнулся, от чего, впрочем (что вполне в его духе), развеселился еще пуще. <…> Более искренней радости я в жизни своей не испытывал.

10 сентября 1665 года

В церковь, где наш пастор Миллз прочел хорошую проповедь. Оттуда — домой, отлично пообедал жареными говяжьими ребрышками и сладким пирогом; за столом только жена, брат и Баркер, а также много хорошего вина собственного изготовления. От души радуюсь и благодарю всемогущего Господа за то, что в этот день я жив и здоров.

Рождество 1666 года

После обеда милорд (граф Сандвич. — *А.Л.*) и другие знатные гости сели за карты, мы же беседовали, рассматривали мои книги, картины, рисунки жены, каковые гости сочли превосходными; весь день провели в веселии и разошлись в семь вечера, ибо уже стемнело, да и погода испортилась. На этом прием завершился, был он для меня почетным и радостным; более удачного приема у меня еще не было и вряд ли в скором времени будет. Засим в комнату жены, где мы поужинали наедине, после чего я попросил ее расчесать мне волосы и заглянуть под рубашку, ибо последние дней шесть-семь испытывал ужасный зуд; выяснилось, что у меня вши, в волосах и на теле она обнаружила в общей сложности более двадцати вшей, больших и маленьких, что меня поразило, ибо подобного не случалось со мной последние лет двадцать. Я подумал было, что меня наградил ими наш мальчуган (слуга. — *А.Л.*), однако на нем вшей не нашли, откуда они взялись, ума не приложу. Решил коротко постричься и избавиться от них раз и навсегда, от чего пришел в прекрасное настроение и отправился спать.

23 января 1669 года

Щеголь

Сегодня утром принесли мой камлотовый плащ с золотыми пуговицами и шелковый камзол, каковой обошелся мне очень дорого — дай Бог, чтобы я сумел за него расплатиться.

1 июля 1660 года

Обед был прекрасен, вино отличное. Будучи неряшливо одет, что мне, увы, свойственно, не был так весел, как мог бы быть и бываю, когда одет пристойно; поневоле вспоминаются советы моего отца Осборна[105], писавшего, что джентльмен может экономить на всем, кроме туалетов.

9 октября 1661 года

Сегодня утром в день лорда-мэра сэра Энтони Бейтмена принесли мой новый бархатный плащ — верней сказать, он подбит бархатом, а снаружи — добротная материя. Такой плащ у меня впервые, и я больше всего на свете боюсь его быстро сносить. Думал пойти в нем обедать, однако, поразмыслив, решил его не надевать, дабы он не потрепался в толпе. Сегодня утром, одеваясь, обнаружил, что мои манжеты не отглажены, и в раздражении смял их и бросил на пол, отчего бедняжка Джейн так расстроилась, что я даже пожалел о содеянном.

29 октября 1663 года

В присутствие, где до 10–11 вечера трудился над месячным отчетом и, к превеликому огорчению, обнаружил, что в этом месяце потратил на 43 фунта больше, чем в предыдущем; тогда было 717, а теперь 760 — в основном из-за расходов на платье для себя и для жены; на нее ушло 12 фунтов, а на меня 55 или около того: я пошил себе бархатный плащ, два новых камзола, один черный, оба одноцветных, новую бархатную мантию с ворсом, золотыми пуговицами и петлями, новую шляпу, высокие сапоги на шелку и много чего еще, вознамерившись впредь следить за своим видом. А также два парика, один обошелся мне в 3 фунта, другой в 40 шиллингов. Покамест не надевал ни тот, ни другой, но с Божьей помощью со следующей недели начну носить. Посему теперь тратиться на одежду долгое время не понадобится. Будем, однако, надеяться, что со временем удастся купить и еще что-нибудь, дабы не пришлось, как прежде, из-за отсутствия нарядов красться по улицам, подобно нищему.

31 октября 1663 года

Явился брадобрей Чапмен, который по моему желанию и безо всякого труда состриг мне волосы, что, признаться, привело меня в уныние; но коль скоро дело было сделано, и к тому же на голове у меня красовался новый парик, я долго не отчаивался и заплатил ему 3 гинеи, с чем он и ушел, прихватив с собой и мои волосы, чтобы сделать из них парик кому-нибудь еще. Я же продемонстрировал новый завитой парик всем своим служанкам, каковые сочли, что мне он к лицу, только Джейн промолчала: бедняжка никак не могла прийти в себя от того, что у нее на глазах я расстался с собственными волосами.

3 ноября 1663 года

Встал и, коль скоро было уже поздно, — в церковь. Обнаружил, к своему удивлению, что мой новый завитой парик, вопреки всем моим опасениям, большого впечатления на прихожан не произвел; я-то думал, что вся церковь будет разглядывать меня во все глаза, однако ничего подобного не произошло.

8 ноября 1663 года

Сегодня утром надел свой новый плисовый камзол; вещь дорогая и благородная; обошлась мне в 17 гиней.

30 октября 1664 года

Спустившись утром вниз, обнаружил брадобрея Джервеза, он принес мне завитой парик, тот самый, к которому я на днях приценивался в Вестминстере; однако разглядел, что он весь свалявшийся (у Джервеза такое случалось и раньше), и от парика отказался; приобрел его в другом месте.

4 апреля 1667 года

Сегодня утром, в соответствии с новой модой, облачился в только что купленный камзол из добротной материи с перевязью через плечо; отвороты рубашки и мундира оторочены шелковыми кружевами — в тон камзолу. Навел на себя красоту — и в церковь, где скучная проповедь и никому не известный пастор.

17 мая 1668 года

Сватовство [106]

23 июня. Милорд заговорил со мной о том, как ему хочется пристроить своих детей, и спрашивал моего совета и помощи. Сказал, что хотел бы отдать леди Джемиму замуж за старшего

сына сэра Дж. Картерета, к чему я отнесся с одобрением и вызвался сам с ним поговорить, что милорду понравилось. <…>

24 июня. Встал, когда не было еще и шести, а в семь был уже в Вестминстере у доктора Кларка, коего в записке, посланной накануне вечером, уведомил о цели своего приезда. Поведал ему о возложенном на меня поручении, к каковому (как, впрочем, я и предполагал) отнесся он с большой радостью; сошлись на том, что, поскольку и милорд, и сэр Джордж связаны — под милостивейшим покровительством Его величества — с морем и оба являются представителями знатного и благородного рода, — их родственная связь принесет всем нам немалую пользу. А посему он вызвался отыскать сегодня же сэра Джорджа и начать действовать. От доктора Кларка — к сэру Дж. Картерету, коего обнаружил в его кабинете в Уайтхолле и, насколько это было возможно и со всеми подобающими любезностями, изложил ему суть дела, каковое было воспринято им с величайшим благорасположением и всяческими благодарностями в мой адрес; сэр Дж. Картерет пообещал, что сделает для своего сына все, что только в его силах, дабы он был достоин дочери милорда. Со мной же держался с благожелательностью и чувством благодарности за то дело, какое я на себя взял.

9 июля. Около 10 утра по воде — к сэру Дж. Картерету в Дептфорд. Приняты были с величайшими любезностями леди Картерет и ее детьми и превосходно пообедали. После обеда, воспользовавшись случаем, долго беседовал с мистером Ф. Картеретом, нашел его человеком скромным, весьма добронравным и сообразительным. <…> Все мы очень радовались, ибо никогда еще не было пары более подходящей, чем мистер Картерет и леди Джемима.

Между тем, бедная леди Сандвич по секрету сообщила мне, что пребывает в сомнении, придется ее дочери по душе этот союз или нет, и испытывает по этому поводу немалый страх, на что я ответил, что со своей стороны нисколько не боюсь и ей желаю того же. Впрочем, ведет себя миледи в высшей степени осмотрительно и своими опасениями ни с кем не делится.

14 июля. По воде к сэру Дж. Картерету; застал там леди Сандвич — покупает вещи на свадьбу леди Джем (Джемимы. — *А.Л.).* Против ожиданий леди Джем сегодня явилась в Дейгенхемз[107], куда завтра для встречи с ней должен прибыть и мистер Картерет (здесь и далее — Филип Картерет. — *А.Л.).* Мое предложение его сопровождать, ибо здесь он никого не знает,

было с радостью принято, и посему еду с ним. Боже, чего только леди Картерет для нее (Джемимы. — *А.Л.)* не делает: посылает ей драгоценности, закупает постельное белье лучшего качества! Миледи и я потрясены ее любезным отношением к нам всем; кажется порой, будто Картереты вознамерились юную леди купить.

15 июля. Мистер Картерет и я — паромом в Гринвич, откуда, спустя час, покамест переправлялись на другой берег и свозили с парома карету и лошадей, — в Дейгенхемз. Боже, какой же глупый разговор состоялся у нас о любви: за всю свою жизнь не встречал еще человека, в любовных делах более робкого. Приехали, когда уже смеркалось, и были радушно приняты леди Райт и лордом Крю. Жених разумно и кратко отвечал на все вопросы о нашем путешествии, однако невесте — ни слова. Сели ужинать и после ужина беседовали вновь, однако на невесту он по-прежнему никакого внимания. Милорд предложил, коль скоро Филип приехал ненадолго, оставить молодых вечером наедине, дабы между ними завязались любовные отношения, однако я посоветовал этого не делать, чтобы не приводить невесту в слишком большое смущение. Посему жениха отвели в отведенную ему комнату, куда я направился вместе с ним узнать, понравилась ему невеста или нет, на что он ответил, что понравилась и даже очень, но, Боже, никогда еще влюбленный не произносил подобных слов столь вяло, безжизненно! Пожелав ему спокойной ночи, спустился помолиться на ночь с семьей лорда Крю, после чего лорд и леди Райт и я стали думать, как действовать дальше, и решили наконец отправить молодых вместе в церковь, как это было принято в их семье, несмотря на то что хромота жениха явится немалой помехой. <…>

16 июля. Утром привел себя в порядок — и к мистеру Картерету; прогуливались с ним час-другой по галерее: дома более просторного и красивого мне прежде видеть не приходилось. Наставлял его постоянно держать невесту за руку и пообещал, что изыщу способ оставить их наедине, после чего ему надобно будет сказать ей то-то и то-то, а также не забыть выразить благодарность лорду Крю и леди Райт, за что он меня поблагодарил, признав, что без моего наставления ни за что бы не справился. Между тем спустились лорд Крю, леди Райт, а также сама невеста, и, сев в кареты, мы отправились за 4 мили в церковь, где прослушали прекрасную проповедь, а следом — покаянное признание одного из прихожан, осужденного Церковью за грехи. После чего — в обратный путь; ни в церкви, ни по

дороге мистер Картерет ни разу не осмелился взять невесту за руку, на что по возвращении домой я не преминул ему указать, и он пообещал, что исправится. Засим — обедать. Беседовал, прогуливаясь по галерее, с милордом, после чего леди Райт и я, а следом и лорд Крю, словно бы невзначай, вышли, оставив молодых наедине; последовала нашему примеру и прелестная малютка, дочь леди Райт, которая покинула столовую, будто по наитию прикрыв за собой дверь, чем вызвала всеобщий смех стоявших за дверью. Вместе молодые пробыли около часу, и, когда пришло время вновь ехать в церковь, жених вывел ее из дома за руку и усадил в карету. В церкви, где простояли всю вторую половину дня, — несколько весьма миловидных дам, однако слишком уж душно. По возвращении гуляли в саду, где, во второй раз, оставили молодых наедине; во время прогулки леди Райт, к моему огорчению, заметила, что доктор Скотт должен до свадьбы что-то сделать с шеей леди Джем, ввиду чего за ним следует послать, а также надлежит пошить ей новые наряды, о чем я непременно позабочусь. Отвели мистера Картерета в его комнату и, вновь помолившись, — спать.

17 июля. Утром леди Райт, мистер Картерет, я и все прочие играли в бильярд, после чего вновь оставили молодых наедине. <…> Перед нашим отъездом отвел леди Джем в сторону и спросил, нравится ли ей этот джентльмен и не испытывает ли она с ним затруднений. Она покраснела и отвернулась, однако затем, помолчав, ответила, что готова подчиниться родительской воле. Больше ей сказать — а мне от нее ожидать — было нечего. На обратном пути мистер Картерет горячо благодарил меня за заботу и старания и сказал, что совершенно счастлив, хотя, по правде говоря, леди Джем вела себя чопорно и ничего ни себе, ни ему не позволила, отвечая на его вопросы со всей серьезностью, что следовало из его рассказа и на что я не мог не обратить внимания. <…>

24 июля. Между шестью и семью утра — в Дептфорд к сэру Дж. Картерету, откуда на переправу, после чего, со всей торжественностью, в карете, запряженной шестеркой лошадей, — в Дейгенхемз. По приезде всех нас — и сэра Дж. Картерета с женой, и их маленькую дочь Луизонну, и меня — прекрасно приняли и развлекали как могли; весь день провели лучше некуда, и я радовался от души нашей миссии, благородному обществу и пышному застолью. Мистер Картерет, однако, по-прежнему так же робок, как и в первый день. Вечером, около семи, — вновь в карету и в обратный путь. Сэр Дж. Картерет и

тогда и теперь в превосходном настроении; оттого, что дело сладилось, он весел, разговорчив, ребячлив — в жизни не видел его таким! Правда, в какую-то минуту он с самым серьезным видом обмолвился, что, знай он, что его сын такой же распутник и пьяница, как очень многие при дворе, он бы ни за что не стал этого скрывать и во всеуслышание заявил, что он леди Джем — не пара.

31 июля. В 6 утра — в Дептфорде, где встретился с сэром Дж. Картеретом и миледи; я в новом камзоле из цветного шелка с золотыми пуговицами и широкими золотыми кружевами на манжетах — очень богато и красиво. По воде к переправе, где по прибытии кареты не обнаружили: из-за отлива паром не смог добраться до противоположного берега и ее перевезти. Посему вынуждены были на холоде и на ветру сидеть на Собачьем острове без малого три часа, однако, коль скоро повод у нас был приятный, да и поделать мы ничего не могли, пришлось набраться терпения; забавно было наблюдать, как сэр Дж. Картерет, человек, который отличался самым необузданным нравом на свете и которому не терпелось поскорей добраться до цели, не только смирился с необходимостью ждать, но и пребывал в приподнятом настроении — во всяком случае, не досадовал и не раздражался. Опасаясь, как бы не пропустить время, отведенное для венчанья, мы были вынуждены, хоть и с большой неохотой, отправить вперед разрешение на венчанье и обручальное кольцо. Когда же мы наконец добрались до места, то, хоть и ехали во весь опор на шести лошадях, оказалось, что из дома молодые уже выехали; когда же подъезжали к церкви, то встретили их в дверях — венчанье кончилось, что было весьма огорчительно. Однако, узнав, что молодые обвенчаны и все прошло хорошо, мы успокоились. Невеста печальна, что досадно; впрочем, думаю, все дело в ее излишней серьезности. Все, кроме меня, ее поздравили; я же сделал это лишь после того, как леди Сандвич поинтересовалась, поздравил я невесту или нет. Засим — обедать; за обедом весело, но чопорно — в столь знатных семьях на свадьбах ведут себя обыкновенно вольготнее. После обеда общество разделилось: одни сели за карты, другие предались беседе. Вечером ужинали, затем вновь разговаривали и, что особенно удивительно, все, в том числе и молодые, пошли к молитве. Помолившись же — спать. Перед сном вошел в комнату жениха и, покуда он раздевался, имел с ним весьма игривую беседу, после чего его вызвали в комнату невесты, и они легли в брачную постель. Я же поцеловал невесту, когда та уже лежала в постели, после чего она, с присущими ей серьезностью и

здравомыслием, задернула полог, и я пожелал молодым доброй ночи.

Философ

<…> Хоть я и убежденный противник расточительства, однако придерживаюсь того мнения, что лучше пользоваться радостями жизни теперь, когда у нас есть здоровье, деньги и связи, а не в старости, когда не останется сил насладиться этими радостями в полной мере.

20 мая 1662 года

Вчера умер сэр Уильям Комптон, и смерть эта поразила меня до глубины души, ведь это был, по мнению многих, один из наидостойнейших мужей и лучших военачальников Англии; к тому же это был человек незапятнанной чести, беспримерной отваги, редких способностей, исключительного благородства, достоинства и усердия; это был человек, который умер в расцвете лет (говорят, ему не было и сорока) и равного которому не осталось ни в одном из трех королевств[108], — а между тем, хоть трезвые люди при дворе и опечалены его смертью, я что-то не заметил, чтобы это мешало им радоваться жизни, предаваться досужим беседам, смеяться, есть и пить, словом, вести себя так, словно ничего не произошло, что позволяет мне лишний раз убедиться: смерть наша неизбежна, внезапна и малозначима для окружающих; все умирают одинаково: богатого и знатного покойника мы оплакиваем ничуть не больше, чем любого другого.

19 октября 1663 года

Поднялся в четыре часа утра и отправился пешком в Гринвич, где зашел к капитану Коксу; увидев его лежащим в постели, внезапно вспомнил вчерашний свой сон, лучше которого трудно себе представить, а именно: приснилось мне, будто я держу в объятьях саму леди Каслмейн, будто она позволяет мне делать с ней все, что только пожелаю, и будто я вдруг осознаю, что происходит это не наяву, а во сне. Но коль скоро я сумел испытать столь невыразимое блаженство не наяву, а во сне, какое счастье было бы, если бы мы, лежа в могиле, могли (в соответствии с тем, что писал Шекспир[109]) видеть сны, причем именно такие сны, — тогда бы мы не боялись смерти так, как боимся теперь, в годину чумы.

15 августа 1665 года

Утром, только я встал, за мной послала леди Баттен, которая

упрекнула меня в том, что я ни разу не заходил к ней с тех пор, как она овдовела. Извинялся как мог; я и вправду виноват, но не в моем обыкновении торопиться с визитами. Тут она принялась рассказывать мне о своем здоровье, каковое, к величайшему огорчению многочисленных детей ее мужа, опасений не внушает, и я подумал о том, чего стоят вдовьи слезы: сегодня она безутешна, а завтра о покойнике забудет и думать. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: каждодневные заботы в конечном счете вытесняют все прочие.

17 октября 1667 года

Итак, сомневаюсь, чтобы я мог, по состоянию своего зрения, продолжать вести сей дневник и в дальнейшем[110]. Я и без того давно уже причиняю непоправимый вред своим глазам всякий раз, когда берусь за перо. А стало быть, впредь от ведения дневника мне следует воздерживаться, в связи с чем, начиная с сегодняшнего дня, записи будут вестись под мою диктовку, мне же придется довольствоваться в своих воспоминаниях лишь тем, что потребно знать всему миру; ежели случится нечто имеющее касательство ко мне одному (что маловероятно, ибо любовь моя к Деб миновала, а слабеющее зрение лишает меня всех прочих радостей жизни), то вынужден буду собственноручно ставить зашифрованные пометы на полях. А посему обрекаю себя на сей тернистый путь, который равнозначен, по существу, лицезрению собственных похорон, в чем, а также в надвигающейся слепоте и сопряженными с ней неудобствами Господь милостивый, надеюсь, меня не оставит.

31 мая 1669 года

Персоналии

Герцог Албемарл — см. Дж. Монк.

Генри Беннет Арлингтон (1618–1685) — министр Карла II, преемник Кларендона, член «кабального» (то есть заговорщического) совета при Карле II.

Мэри Ашвелл — компаньонка Элизабет Пипс.

Сэр Уильям Баттен (1601–1667) — инспектор Королевского флота, сосед и приятель Пипса.

Джозеф Бейтлир (1643 – ?) — торговец льняным товаром, сын виноторговца Джозефа Бейтлира (ум. 1667); приятель и сосед Пипса.

Сэр Энтони Бейтмен (1616–1687) — политик. В 1657 г. — олдермен, в 1663 г. — лорд-мэр; разорился во время Великого пожара 1666 г.

Уильям Бейтс — пресвитерианский священник, один из тех, кто отказался использовать во время молебна Книгу общей молитвы (Book of Common Prayer) в новой редакции Духовного Собора.

Джордж Вильерс герцог Бекингем (1628–1687) — министр Карла II, член «кабального» совета.

Джейн Берн — служанка Пипса.

Томас Беттертон (1635–1710) — актер.

Роберт Блэкберн (? – 1701) — при Кромвеле секретарь Адмиралтейства, впоследствии секретарь Ост-Индской компании.

Роберт Бойер (1594–1664) — чиновник Казначейства, друг Пипса.

Роберт Бойль (1627–1691) — физик и химик, один из учредителей Королевского общества; приятель

Пипса. Способствовал становлению химии как науки, положил начало химическому анализу. Автор одного из основных газовых законов (Бойля — Мариотга).

Лорд Уильям Браункер (1620–1684) — специальный уполномоченный Морского управления, президент Королевского общества, друг и покровитель Пипса.

Джон Брисбейн (?–1684) — клерк Морского управления.

Бэгвелл — корабельный плотник.

Генри Вейн (1613–1662) — лидер индепендентов-республиканцев, член «Комитета безопасности»; в 1662 г. казнен как «цареубийца».

Томас Вильсон — клерк в Морском управлении.

Уильям Вуд — торговец лесом, кораблестроитель.

Леди Энн Гамильтон — дочь второго герцога Гамильтона,

жена Роберта Карнеги третьего графа Саутского; католичка, близкая подруга леди Каслмейн; известна своими супружескими изменами.

Томас Гаррисон (1606–1660) — генерал парламентской армии, одно время друг Кромвеля, в дальнейшем — его противник, подвергшийся при Протекторате преследованиям; сразу после воцарения Карла II казнен как «цареубийца».

Ричард Гибсон — интендант флота; клерк в Морском ведомстве, возглавляемом Пипсом; один из самых дельных и способных помощников Пипса.

Сэр Денис Годен (1600–1688) — государственный подрядчик, поставщик продовольствия для флота.

Уильям Грейторекс (1625–1712) — изобретатель; конструировал водолазные колокола и водяные насосы.

Нелл Гуинн (1651–1687) — актриса, любовница Карла II.

Роберт Гук (1635–1703) — естествоиспытатель и философ, изобретатель, «куратор экспериментов» Королевского общества, в дальнейшем — его секретарь. Сторонник волновой теории света; усовершенствовав микроскоп, установил клеточное строение тканей, открыл знаменитый закон Гука, связывающий механическое напряжение и упругость деформации.

Джон Девенпорт (1597–1670) — пуританский богослов.

Полина («Полл») Джексон (1640–1689) — сестра Пипса, про которую он писал: «… хорошенькая, в теле, но не сверх того, чего я всегда боялся».

Томас Долине — посыльный Государственного совета.

Сэмюэль Дэниел — морской офицер; в 1665 г. — лейтенант на английском флагмане «Король Карл».

Екатерина Браганца (1638–1705) — португальская принцесса; с 1662 г. английская королева, жена Карла II.

Герцог Йоркский (1603–1701) — младший брат Карла И, лорд-адмирал, командующий флотом, впоследствии король Яков II (1685–1688 гг.).

Карл II Стюарт (1630–1685) — английский король (1660–1685 гг.); за кутежи, многочисленных любовниц и пр. получил прозвище «веселого монарха».

Сэр Джордж Картерет (1610–1680) — казначей флота, предприниматель, политик.

Джон Касл — врач, выпускник Оксфорда; знакомый Пипса.

Уильям Касл — кораблестроитель; поставщик строительного леса для флота.

Леди Каслмейн, урожденная Барбара Виллиерс (1641–1709) — на протяжении десяти лет считалась «главной» любовницей Карла II; «…странно, но красота ее вызывает у меня жалость, хотя

я прекрасно знаю, что она шлюха», — писал про нее Пипс.

Сэр Роджер Каттенс (?–1669) — морской офицер.

Джон Каттл — морской офицер; в 1664 г. — капитан на «Гекторе», убит в морском бою в 1665 г.

Эдмунд Кертис (?–1688) — морской офицер; в 1660 г. капитан на «Ньюкасле».

Энн Кларджес герцогиня Албемарл (?–1670) — дочь коновала, жена Джорджа Монка герцога Албемарла; известна своей распущенностью и жадностью.

Эдуард Гайд Кларендон (1609–1674) — лорд-канцлер, историк, советник Карла I и Карла II; открыто выражал недовольство царящими при дворе нравами; после поражения Англии в войне с Голландией — в ссылке.

Сэр Уильям Кларк (1623–1666) — секретарь Монка; в 1661 г. назначен военным министром, оставаясь при этом доверенным лицом Монка. Как и Пипс, вел дневник, в том числе и во время войны с Голландией. Убит в морском бою.

Сэр Уильям Ковентри (1628–1686) — государственный деятель, секретарь лорда-адмирала герцога Йоркского.

Джордж Кок (1610–1680) — капитан, подрядчик флота.

Сэр Уильям Комптон — начальник артиллерийской службы.

Роберт Крейтон (1593–1672) — королевский капеллан.

Джон Крид (?–1701) — чиновник Морского ведомства; как и Пипс, фаворит графа Сандвича.

Оливер Кромвель (1599–1658) — лорд-протектор, вождь и вдохновитель английской революции XVII в.

Генри Кук (1615–1672) — учитель, богослов, сочинитель церковных гимнов.

Джон Ламберт (1619–1683) — генерал парламентской армии, один из наиболее влиятельных членов «Комитета безопасности»; взят в плен сторонниками генерала Монка, приговорен Карлом II к пожизненному заключению.

Дом Лейн — любовница Пипса, сестра Бетги Мартин.

Джон Мэтленд Лодердейл (1616–1682) — лидер шотландских пресвитериан; министр Карла И, член «кабального» совета.

Пег Пенн Лоутер — дочь члена парламента Энтони Лоутера, члена Королевского общества.

Фрэнсис Манселл — купец, моряк.

Бетти Мартин — служанка в магазине, любовница Пипса, сестра Долл Лейн.

Джеремия Маунт (?–1699) — клерк Государственного совета; с 1661 г. — церемониймейстер герцогини Албемарл.

Сэр Джон Меннз (1599–1671) — ревизор флота.

Уильям Мерсер (1651–1671) — младший брат Мэри Мерсер,

компаньонки Элизабет Пипс.

Бетти Митчелл — любовница Пипса, жена трактирщика.

Ричард Мойзес — офицер в армии Кромвеля, нонконформист; в дальнейшем — откупщик нонконформистских земельных угодий.

Джордж Монк (1608–1670) — после Реставрации герцог Албемарл; генерал парламентской армии; тайный сторонник монархии, Монк 23 декабря 1659 г. вступил в Лондон, низложил «Комитет безопасности» и восстановил «охвостье» Долгого парламента.

Эдвард Монтегю граф Сандвич (1625–1672) — патрон Пипса, адмирал, дипломат, член Тайного совета, в 1666–1667 гг. посол в Испании.

Элизабет Непп (Нипп) (?–1677) — актриса, певичка и танцовщица в Театре короля; любовница Пипса.

Генри Осборн — член Комиссии по военным расходам.

Николас Осборн — клерк в Военно-морском ведомстве сэра Дениса Годена.

Сэр Томас Осборн (1631–1712) — казначей флота, специальный уполномоченный Адмиралтейства.

Сэр Уильям Пенн (1621–1670) — адмирал, специальный уполномоченный Морского управления; участвовал в битве с голландцами при Лоустофте (1665 г.).

Питер Петт (1610–1672) — корабельный плотник.

Финеас Петт (1635–1694) — корабельный плотник; в 80-е годы — ревизор корабельного имущества.

Уильям Петти (1623–1687) — экономист и навигатор, один из основателей Королевского общества.

Гилберт Пикеринг (1613–1668) — парламентский деятель, при Кромвеле член Государственного совета.

Нед Пикеринг — придворный.

Генри Пинкни — ювелир.

Джозеф Пинкни (ум. 1681) — клерк приходской церкви, также обойщик; в 1663 г. получил звание Королевского обойщика.

Джон Пипс (1641–1677) — брат Сэмюэля Пипса, священник.

Том Пипс (1634–1664) — брат Сэмюэля Пипса, портной.

Элизабет Пипс, урожденная Сен-Мишель (1640–1669) — жена Пипса с 1655 г., дочь бежавшего из Франции гугенота.

Джеймс Пирс — корабельный хирург, личный врач герцога Йоркского.

Джеймс Пирс — клерк в Морском ведомстве, в дальнейшем — начальник интендантской службы.

Томас Пови (1615–1702) — правительственный чиновник, предприниматель, казначей Танжерской комиссии.

Сэр Уильям Райдер (ум. 1669) — предприниматель и подрядчик флота; как и Пипс — член Танжерской комиссии.

Кристофер Рен (1632–1723) — архитектор, математик, астроном.

Мэтью Рен (1629–1672) — член парламента, секретарь Кларендона.

Генри Робинсон (1605–1664) — лорд-мэр Лондона; памфлетист.

Джон Робинсон (1625–1680) — купец, предприниматель; убежденный роялист. В 1660 г. удостоен почетного звания Лейтенант Тауэра; в 1662–1663 гг. — лорд-мэр; с 1661 по 1679 г. — член парламента.

Принц Роберт Руперт (1619–1682) — двоюродный брат Карла II, военачальник, предприниматель, изобретатель.

Джек Спайсер — клерк Казначейства, сослуживец Пипса.

Джон Спонг (1623 – ?) — математик, изобретатель.

Добиньи Тербервилл (1612–1696) — крупнейший окулист своего времени; его пациентом, помимо Пипса, был принц Руперт.

Джейн Тернер — двоюродная сестра Пипса.

Джон Тернер — дальний родственник Пипса.

Томас Тернер (? – 1681) — старший клерк Морского управления, приятель Пипса.

Джон Уилкинс (1614–1672) — ученый и богослов; один из создателей и первый секретарь Королевского общества, автор трудов по философии, астрономии, лингвистике.

Деб Уиллет — компаньонка жены Пипса, возлюбленная Пипса.

Томас Уолдрон (?–1677) — врач; с 1665 г. лейб-медик короля и королевской семьи; член Королевского терапевтического общества.

Сэр Уильям Уоррен (1624–?) — государственный подрядчик, торговец лесом.

Томас Уэйд — чиновник Комисси по продовольственным поставкам.

Роберт Феррер (?–1673) — морской офицер, ближайший сподвижник графа Сандвича, сопровождал его в морских кампаниях 1661–1662 гг.; был шталмейстером Сандвича в бытность того послом в Испании; с 1668 г. ведал королевским гардеробом.

Сэр Ричард Форд (1613–1678) — купец, предприниматель, в дальнейшем, с 1670 по 1671 г., лорд-мэр Лондона; приятель Пипса.

Джон Хант — сосед и друг Пипса.

Ричард Хатчинсон (1597–1670) — казначей флота при

Кромвеле.

Томас Хейтер (?–1689) — клерк Морского управления.

Томас Хилл (1630–1675) — музыкант, купец, друг Пипса.

Сэр Джон Холмс (1640–1683) — морской офицер.

Сэр Роберт Холмс (1622–1692) — адмирал Королевского флота, один из самых блестящих английских моряков.

Томас Хольер (1609–1690) — хирург; приятель Пипса.

Уилл Хоу — младший клерк в Морском управлении, подопечный Пипса.

Уилл Хьюер (1642–1715) — клерк в Морском управлении, первоначально слуга Пипса, в дальнейшем — его ближайший друг, душеприказчик; Пипс умер в доме Хьюера.

Джошуа Чайльд (1630–1699) — крупнейший предприниматель своего времени; теоретик меркантилизма.

Уильям Чайльд (1606–1697) — клерк в часовне Святого Георгия; органист, сочинитель антифонов.

Сэр Хью Чолмли (1632–1689) — инженер, изобретатель; в 1663 г. получил заказ на строительство мола в Танжере; с 1662 г. — первый церемониймейстер королевы, член парламента.

Энтони Эшли Купер лорд Шафтсбери (1621–1683) — государственный деятель; в 1660 г. был в числе тех, кто отплыл в Бреду за Карлом Стюартом; в дальнейшем — канцлер Казначейства, член Тайного совета.

Эдвард Шепли — управляющий графа Сандвича.

Генри Ширз (?—1710) — военный инженер и инспектор; с 1666 по 1667 г. секретарь английского посольства в Испании.

Сэр Джон Шоу (1615–1680) — предприниматель и финансист.

Робин Шоу (ум. 1665) — клерк; вместе с Пипсом работал в Казначействе, а также в ювелирной компании «Бэкуэлл».

Том Эдвардс — слуга Пипса; к Пипсу попал из церкви, где был певчим; Пипс женил его на своей служанке Джейн Берч и устроил агентом по снабжению флота в Дувре.

notes

Примечания

1

В дневнике, который Пипс начал вести зимой 1659–1660 годов, прямо (а чаще косвенно) отражены следующие исторические события, относящиеся к Реставрации Стюартов: вступление в Лондон войск генерала Монка, порвавшего с офицерами армии под началом Ламберта; восстановление т. н. Долгого парламента, подписание Карлом Стюартом Бредской декларации, провозглашение обеими палатами парламента Карла Стюарта королем Англии Карлом II, формирование нового Государственного совета, куда вошел и патрон Пипса Эдвард Монтегю; возвращение Карла II в Англию.

2

Охвостье (англ. rump) — остатки последней, законно избранной палаты общин английского парламента, разогнанного в 1653 году Кромвелем.

3

Имеется в виду флаг с изображением Льва и Единорога — символа королевской власти.

4

Эдвард Монтегю, граф Сандвич.

То есть Монку и Ферфаксу.

6

Да здравствует король! *(фр.)*

7

3 сентября в битве при Вустере Кромвель разгромил войска Карла Стюарта и шотландцев.

8

Круглоголовые — во время английской революции презрительная кличка сторонников парламента (по характерной форме стрижки), распространенная среди роялистов.

9

Карла II сопровождали два брата, герцоги Глостерский и Йоркский; последний — впоследствии английский король Яков II.

10

Уехав в Лондон, король и герцог Йоркский распорядились раздать деньги членам команды.

11

Лорд Кларендон.

12

Генерал Монк.

13

Жена Пипса по отцу француженка.

14

Русское посольство Петра Прозоровского и Ивана Желябужского.

15

Песни ангелов — рождественские гимны и хоралы в католическом богослужении.

16

Бранль — старинный французский танец.

17

То есть королеву

18

Имеется в виду состоявшийся 19 марта 1665 года смотр карет и всадников в Гайд-парке.

Филиппа IV.

20

В первые годы царствования Карл II провел «показательные» казни «цареубийц», членов Верховного судебного трибунала, судившего Карла I, в частности генерала парламентской армии Томаса Гаррисона и Генри Вейна.

21

Грамота, подписанная в 1215 году английским королем Иоанном Безземельным (1167–1216), которая ограничивала права короля и представляла привилегии рыцарству.

22

Созванный Карлом I в 1640 году и разогнанный Кромвелем в 1653-м, Долгий парламент явился инициатором революции; назван так в противоположность Короткому парламенту, просуществовавшему меньше месяца (13 апреля — 5 мая 1640 года).

23

«Имеются в виду роялисты, букв, «всадники»: пешей армии простолюдинов Кромвеля противостояла дворянская кавалерия короля. В шестидесятые годы XVII века «кавалер» стал синонимом бездельника, развратника, проходимца.

24

Намек на пуритан кромвелевской «фанатичной» закалки.

25

В дневнике Пипса описываются некоторые эпизоды второй англо-голландской войны 1665–1667 годов, в ходе которой проявилась неподготовленность английского флота во главе с лордом-адмиралом герцогом Йоркским и патроном Пипса Эдвардом Монтегю графом Сандвичем. Летом 1667 года голландский флот появился у устья Темзы, угрожая Лондону; в городе началась паника; не случайно Пипс, крупный чиновник морского ведомства, был очень напуган и ожидал расправы.

26

Имеется в виду первая — победоносная — война с Голландией (1652–1654 гг.) во времена Кромвеля.

27

В действительности голландский флагман назывался не «Урания», а «Оранский» (или «Оранжевый» — «Oranje»); Оранские — принцы, штатгальтеры Соединенных провинций (Нидерландов).

28

Тексел — остров у побережья Голландии, где во время третьей англо-голландской войны голландский флот под командованием адмирала М. Ройтера взял реванш и разбил превосходящие силы англо-французского флота.

29

Вербовка в английский флот, вопреки законам, осуществлялась насильно вплоть до наполеоновских войн. По закону же, вербовать имели право только рыбаков, матросов с торговых судов и бродяг.

Матросам выплачивали жалованье «билетами» («tickets»), причем почти всегда с опозданием; обычно трактирщики, пользуясь отсутствием у матросов наличных денег, обменивали им «билеты» на деньги с немалой для себя выгодой.

31

Эпидемия чумы 1665 года по своим масштабам уступает лишь «черной смерти», охватившей в 1348–1349 годах всю Европу. Эпидемия началась в конце весны в Вестминстере, достигла своего пика в июле — августе, зимой 1665–1666 года пошла на убыль, однако весной 1666 года вспыхнула с новой силой в юго-восточных районах страны. В Лондоне распространение болезни фиксировалось еженедельными сводками смертности («bills of mortality»); всего же от чумы погибло около четверти населения города. Королевский двор спасался от эпидемии в Оксфорде, Морское ведомство — в Гринвиче, Пипс же вместе с женой перебрался в лондонское предместье Вулидж, однако постоянно наведывался по делам в столицу.

32

Намек на то, что члены религиозно-христианской общины квакеров отвергали институт священников, церковного таинства и пр.

33

В пожаре 1666 года, от которого, как считается, выгорело чуть ли не две трети Лондона, многие, не только Пипс, усмотрели «руку папистов». Пожар бушевал четыре дня и четыре ночи, выгорело практически всё Сити, одних церквей уничтожено было около пятидесяти, в том числе и собор Святого Павла. Погиб и дом в Сейлсбери-Корт, недалеко от Флит-стрит, где родился Пипс. А вот как описывает лондонский пожар Джон Эвелин: «Возгорание было столь всеобъемлющим, народ столь потрясен, что с самого начала — уж не знаю, впав ли в отчаяние или покорившись судьбе — никто не шелохнулся, дабы загасить пламя, а потому вокруг только и слышались крики о помощи да сетования; люди метались по улицам, точно помешанные, не пытаясь спасти даже свой собственный скарб, — столь велико было оцепенение, ими овладевшее».

То есть Нелл Гуинн.

35

Во времена Пипса (и до середины XVIII века) Варфоломеевская ярмарка, сопровождавшаяся многочисленными забавами и развлечениями, открывалась ежегодно 24 августа в лондонском районе Смитфилд в День святого Варфоломея и продолжалась две недели.

36

Особняк, построенный государственным казначеем первым графом Саффолком при Якове I (1566–1625); во времена Пипса считался самым большим частным владением в стране.

37

Имеется в виду Стоунхендж, один из самых больших и известных в мире кромлехов, расположенный близ города Солсбери (графство Уилтшир) и сооруженный в 1900–1600 гг. до н. э.

38

Мать Пипса и его брат Том были пуританами, сам же Пипс придерживался англиканского вероучения; католическую службу в часовне королевы он посещал главным образом из любопытства. Пипса едва ли можно назвать человеком набожным, хотя он и интересовался теологией, историей церкви; перед смертью тем не менее Пипс послал за священником.

39

Товит — персонаж ветхозаветного предания, изложенного в Книге Товита, вошедшей в библейский канон лишь восточных христианских церквей.

40

У Морского ведомства была собственная галерея в приходской церкви неподалеку от доков.

41

Книга пророка Михея, 7:19.

42

«Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа…» Послание к Евреям, 13:20.

43

Евангелие от Луки, 12:31.

44

От этой болезни страдал и Пипс; 26 марта 1658 года ему удалили камни из желчного пузыря — отсюда ссылка на здоровье в первой дневниковой записи за январь 1660 года.

45

В лондонском Грешем-колледже располагалось Лондонское королевское (научное) общество.

46

Издавна, с незапамятных времен (букв, «со времен чумы») (лат.).

47

Вот мертвое тело, / Одеревенелое, как палка, / Ледяное, как мрамор, / Легкое, как дух. Поднимись именем Иисуса Христа (фр.).

Хозяин *(исп.)*.

49

В 1662 году португальская принцесса Екатерина Браганца стала женой Карла II Стюарта.

50

«В добрый час»… «в тяжелую годину» (букв, «меня тяготит») (исп.).

51

В 1665 году Эдвард Монтегю граф Сандвич был отправлен послом в Испанию.

52

По аналогии с: «Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзеет». Книга Притчей Соломоновых, 10:7.

53

«Черт побери, да это самое большое наслаждение на свете!» (фр.)

54

В некоторых фривольных записях (см. также ниже) Пипс — из осторожности и из озорства одновременно — прибегает к своеобразному языковому попурри, чередуя английские слова с французскими, испанскими, латинскими, итальянскими… я (фр.), есть (лат.), чрезмерно (исп.), частенько клал (лат.), мои руки (фр.), ее две (исп.), здесь: пуговки ее (фр.). Но мне бы следовало (фр.), какие-нибудь (исп.).

55

…чтобы (исп.), играть (фр.), касаясь (исп.), груди (фр.), целуя ее… одна… дома (исп.), отца (лат.), весьма (фр.).

56

В июне 1667 года, когда голландский флот вошел в устье Темзы, Пипс, поддавшись панике, велел закопать накопленные им 2400 фунтов золотом в саду своего дома в Брамптоне.

57

Пипс женился на пятнадцатилетней Элизабет Маршан де Сен-Мишель, дочери бежавшего в Англию француза-гугенота, по страстной любви, что, впрочем, не мешало ему часто ей изменять. Брак их был бездетен, что, безусловно, удручало чадолюбивого Пипса (см. запись от 11 апреля 1661 года). Супруги нередко ссорились и однажды, в 1664 году, вынуждены были даже на некоторое время разъехаться. Особенно тяжело Элизабет перенесла роман Пипса с ее молоденькой компаньонкой Деб Уиллет и даже пригрозила мужу, что примет католичество.

…ее супруга *(исп.)*.

59

14 февраля — День Святого Валентина, когда принято дарить подарки возлюбленным.

60

Она… к своему супругу… руки, когда я… из них (исп.), тот (фр.), с ней (исп.), в лодку… поцелуев (фр.), ее… она… когда… касаться тебя… упреком… я не (исп.), и (фр.), ее муж довел… моего дома (исп.).

61

Пипс приятельствовал со знаменитым английским физиком и химиком, одним из учредителей Лондонского Королевского общества Робертом Бойлем.

…руку под ее *(лат.)*.

63

Я… с… *(исп.)*.

Здесь: я ей соответствовал *(исп.)*.

65

… сообщила (ит.)… где (фр.)… живет (фр.)… чтобы (исп.)… видел ее (фр.).

Ее поцеловал *(исп.)*.

67

Порт Танжер на севере Марокко — приданое Екатерины Браганцы — предполагалось использовать в качестве военно-морской базы; с 1662 года Пипс постоянно заседает в Танжерской комиссии, а с 1663 года ведает ее финансами, в связи с чем отчитывается перед кабинетом министров (1666 год) и перед парламентом (знаменитое четырехчасовое выступление Пипса в Вестминстере 5 марта 1668 года).

68

Она… она… были… весь остаток дня… нее все мыслимые удовольствия… своему мужу… побеждена *(фр.)*.

69

Встречу… ее там не было… дал… забросить женщин *(фр.)*.

70

Вошел в дом жены… ее обществом… тем не менее получил от нее в конце концов то, что хотел *(фр.)*.

71

«Новый органон» — основополагающий труд английского мыслителя, ученого, государственного деятеля Фрэнсиса Бэкона (1561–1626).

72

Томас Фарнаби (1575–1647) — английский филолог и педагог; автор известной латинской грамматики и комментированного издания древнеримских авторов.

73

«Гудибрас» — ироикомическая поэма английского поэта-сатирика Сэмюэля Батлера (1612–1680), в которой выведен самодовольный и педантичный пресвитерианский судья сэр Гудибрас и осмеяны ханжество и фанатизм пуритан, а также нравы двора эпохи Реставрации.

74

Сэр Уильям Дагдейл (1605–1686) — английский этнограф и историк, прославился трехтомным описанием английских монастырей и монастырской жизни («Monasticon Anglicanum»); «История собора Святого Павла» (у Пипса, для краткости, — «История Павла») увидела свет в 1658 году.

75

Джон Стоу (1525–1605) — английский историк и букинист; автор многих книг по истории, в частности «Описание Лондона» (1598, 1603 год), где содержатся подробнейшие сведения об обычаях английской столицы.

76

Конрад Геснер (1516–1565) — швейцарский естествоиспытатель и библиограф.

77

Бен Джонсон (1573–1637) — крупнейший после Шекспира драматург позднего Возрождения; критик, поэт, переводчик античных авторов.

78

Фрэнсис Бомонт (1584–1616) — английский драматург позднего Возрождения.

79

Томас Фуллер (1608–1661) — английский историк, пастор, «личный капеллан» Карла II, автор многих трудов по истории Англии, из которых «Достоинства Англии» (1662 год), подробное описание всех без исключения английских графств, — самый во времена Пипса популярный.

«Прелести Голландии» *(фр.)*.

81

Сэр Пол Райкотт (1628–1700) — английский писатель и путешественник; в 1661 году был послан секретарем английского посольства в Турцию, где и собрал материал для своего основополагающего труда «Современное положение Оттоманской империи» (1667 год).

«Школа дев» *(фр.)*.

83

Пипс любил не только смотреть картины, но и позировать. Портрет Пипса кисти Джона Хейлса находится сейчас в Лондоне в Национальной галерее; Пипс изображен с нотами незадолго перед тем сочиненной им песни «Красота миновала».

84

В несохранившемся портрете жены Пипса «под святую Екатерину», где она изображена с колесом и пальмовой ветвью мученицы, сказалась мода тех лет, вызванная популярностью в Лондоне Екатерины Браганцы.

85

Сэр Питер Лилли (1617–1680) — один из самых модных придворных художников того времени; его портреты участников морского сражения с голландцами при Лоустофте (1665 год) хранятся в Национальном морском музее, в Гринвиче.

86

Сэмюэль Купер (1609–1672) — английский художник-миниатюрист; известен портретами Оливера Кромвеля, Карла II и других исторических фигур.

87

Франсес Тереза Стюарде, герцогиня Ричмондская — придворная красавица, любовница Карла II.

88

Роберт Стритер (1621–1679) — придворный художник-декоратор.

89

Кристофер Рен (1632–1723) — английский архитектор, математик и астроном.

90

В 1660 году лондонские театры, закрытые при пуританах в 1642 году, открылись вновь; среди них выделялись два: Театр короля (у Пипса в первой дневниковой записи — «театр») под руководством Томаса Киллигрю (1612–1683) и Театр герцога под руководством сэра Уильяма Давенанта (1606–1668). Театр короля, где впервые женские роли стали играть не только мужчины, но и женщины, специализировался главным образом на пьесах, написанных до 1642 года, Театр герцога — на новом репертуаре.

91

«Нищенская братия» (1622 год) — пьеса Джона Флетчера (1579–1625) и Филипа Мессинджера (1583–1640).

92

«Оперой» Пипс называет труппу герцога, которая играла свои спектакли в театре на Линкольн-Инн-Филдс, оборудованном «по-оперному», то есть «по последнему слову техники».

93

«Ущемленная дева» — ранняя, малоизвестная пьеса Джона Драйдена.

Королевский театр на Друри-Лейн.

95

«Забавный лейтенант» (1620 год) — комедия Джона Флетчера.

96

«Тайная любовь, или Королева-девственница» (1667 год) — трагикомедия Джона Драйдена.

97

Пьеса Томаса Хейвуда (1570–1641), английского актера и драматурга.

98

Пьеса Джона Роудза (1606 – ?), лондонского драматурга и книготорговца; до Реставрации Роудз подвизался суфлером и хранителем театрального реквизита в труппе «Блэкфрайерз»; в дальнейшем стал владельцем театра, актером, драматургом.

99

«Варфоломеевская ярмарка» (1614 год) — комедия Бена Джонсона, где высмеивается ханжество пуритан.

100

«Катилина» (или «Заговор Катилины») (1611 год) — одна из т. н. римских трагедий Бена Джонсона.

101

Бегущий *(ит.)* — быстрый итальянский, а также французский (courant) танец XVII века.

102

Лютня, волынка — традиционно шотландские инструменты. Довольно прозрачный намек на проанглийские настроения Джона Мэтленда Лодердейла (1616–1682), шотландского политика, одно время сторонника «Ковенанта», соглашения между шотландскими и английскими пресвитерианами.

103

«Дева-мученица» (1622 год) — трагедия Филипа Мессинджера и Томаса Деккера (1570—1632).

104

Эдвард Монтегю граф Сандвич захватил в этот день несколько голландских торговых судов.

105

Речь идет о настольной книге Пипса — «Советах сыну» Фрэнсиса Осборна, которая посвящена вопросам этикета и в которой, в частности, говорится: «Следите за вашей одеждой… Экономьте на всем остальном, но только не на этом. Здесь потребно расточительство, а никак не бережливость». Выпущенная в 1658 году, книга Осборна пользовалась во времена Пипса немалой популярностью. Пипс называет автора «моим отцом», обыгрывая название книги.

106

Летом 1665 года Пипс по долгу службы вызвался способствовать помолвке и свадьбе старшей дочери графа Сандвича Джемимы Монтегю и Филипа Картерета, старшего сына казначея флота сэра Джорджа Картерета. Пипс был посредником со стороны графа Сандвича, посредником же со стороны Картеретов был придворный врач, член Комиссии по уходу за больными и ранеными моряками доктор Тимоти Кларк. И у жениха, и у невесты имелись физические изъяны: Филип был хром, Джемима была кривошеей и даже носила корсет.

107

Дейгенхемз — загородный дом леди Райт, сестры леди Сандвич, жены лорда Крю.

То есть в Англии, Шотландии и Ирландии.

109

«Умереть, уснуть. Уснуть! / И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность; / Какие сны приснятся в смертном сне, / Когда мы сбросим этот бренный шум…» У. Шекспир. Гамлет принц датский. Акт 3, сцена 1 (перевод М. Лозинского).

110

Пипс не ослеп, как предполагал, хотя болезнь глаз нередко давала о себе знать и впоследствии; в 1683 году, во время пребывания в Танжере, куда он отправился советником графа Дартмута в связи с выводом английского гарнизона, Пипс на протяжении нескольких месяцев вновь вел зашифрованный дневник; что же касается его планов диктовать свои мысли и впечатления, то они так и не были осуществлены.